

ЛЕНИН и СТАЛИН

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

ЛИТЕРАТУРЕ

НА ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛИ:

П. АЛЕКСЕЕВ, В. АРХИПОВ,
П. МОНАХОВ, И. МУКТО,
Н. САЛАТКИН и др.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. ВАСИЛЕВИЧ

ЛЕНИН, СТАЛИН

ХУДОЖЕСТВЕННАЙДУ

Я $\frac{279}{310}$ ЛИТЕРАТУРАДУ

ЭВЭДЫТ
ПЕРЕВОДИЧАТЫН:

П. АЛЕКСЕЕВ, В. АРХИПОВ,
П. МОНАХОВ, И. МУКТЭ,
Н. САЛАТКИН тадук гил

РЕДАКТИРУЙЧАН
Г. ВАСИЛЕВИЧ

★ ————— ★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

★ ————— ★
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

39-52029

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленинъе Сталиннун тамурал дагачултал гэрбилтын сомат энгэситэдэрэ. Митнги социалисты родинангит миллионил хавалдярингилин мевартын мудана ачинди аяврит, мудана ачинди тонгнот Ленинду Салиннунду дялумил. Хэгдытку Советты Союз тэгэлин Ленинду, Сталинду кэтэмэмэлвэ сомалва художественнаилва произведениелвар дукучатын. Тарил произведениел Советтывэ художественнайва литературава балдынаван ичэвкэндэрэ. Таргачин балдын окин-да ачин бингкин.

Упкат тэгэл илэлтын эрил произведениелва аявдерэ, тамурангдяра. Ленинмэ Сталинунма аявдерэ; капиталист-нгинун бининун революциядыду нгорчандут нунгнимнилвэтын ичэвкэтчэрилитын аявдерэ; тамурангдяра тэдэт нгэриисипчувэ, урувсипчувэ бодово онёдэрилитын, миллионилду советтылду бээлду овчали. Туги-дэ аявдерэ ичэвкэндэрилдулитын Советты Союз тэгэлин соткува гиркилэнмэн Ленинды-Сталинды национальнай политика давдынман тэгэртэридун, сомат балдыдярива.

Эрил произведениел аялтын таргачир: нунгардутын ичэвкэнмучэл Ленинъе Сталиннун аямаангилтын ичэдэртын (черталтын); мудрость, геройство, большевикты простота, скромность, тэгэдылвэ булэсэлвэ сомат ичэтмэин, тадук хэгдымэмэ аяври, хивин хавалдярил бээл дяритын.

Бэевэ хивин—тар Ленинъе Сталиннун индутын сотку бичэн.

„Эси тыливкэ, упкаттук тамуралдук капиталилдук, мирду бидерилдук, тамураткумамал, решаивкимамамал капиталил тар бээл, кадрил биси“, гирки Сталин гунчэн, Хулама армия Академикилван 4 майду (сонканду) 1935 аннганиду приветствуйденэ.

Эр партиянги, советты правительствонги хивин бэе дярин мэнгилвэн энгэсилвэн урувсинмэ, тэденмэ угирдерэн. Тадук Ленинье Сталиннун партияватын мурэли хавалдырилва маннитмарит (сотмарит) дапкалдывканденэ умуну-пивкэндэрэн.

Капиталистты иты хавалдырилва хануннгитчаран. Нунган нингтэдуви тэдемэ искусство булэнин. Эрүмэл нгина-киргачир, хавалдырилва ичэтмэидерил фашистыл аяткулва художественнаилва произведениелва, энэл эвучиндерэ ачин-нгидерэ. Эрил дукуналдутын онтанэ улгучэнивчэ бээвэ бээт тырэчин, онтанэ тар тырэчинмэ хуски гунмучэ, тар дярин ачиннгидевкил.

Ленин гундечэн, властвэ капиталистылдук тагдыксал, советтыл тэгэл „хэгдыткуду искусстводу правовэ гачатын“.

Митту искусство литературанун тэгэдыл биси, тарит митнгиду социалисттыду обществодуг искусство литературанун сомат балдыдыра. Тэгэ тар искусство тамуранглан, нэкчэмнин бисин. Нямадилду аниганилду камнивчал (тырэвчэл) бинэл, эси тынмувчэл СССР нэкүнэсэлгэчир тэгэнгилин аямамава советтывэ искусствовэ литературанунма ора, национальнаит формат социалисттыт содержаниет. Сталинды Конституция кэтэ национальностичи советты искусство дюлэски балдыридун хоктово нидерэн. Туги-дэ долбордыл тэгэл искусстводутын.

Ленинмэ Сталиннунма улгучэннэ роман „Бурдук“ хадылин эду-дэ биси. Тар роман хэгдытку Октябрьды социалистты революция 20 аниганингилин очадутын дукувча. Тара дукумни—СССР хэгдытку Советын депутатын А. Н. Толстой дукучан. Роман „Бурдук“ тар советты литература аяткул произведениелин аяткумама произведениетын. Эр романду А. Н. Толстой Ленинье Сталиннун ичэдэлвэтын дукучан, партия, тэгэл хэгдыткулвэ нунгнимнилвэтын. Митту улгучэнчэн

доблестная Хулама армия историческэйвэ давдыкнанин нгорчанман, 1918 аннганиду багдамалнун кусин бингэсин. Тэли багдамал советтыдук тэгэдук гавчаван свободаван тагдысачатын, нян дуннэнгит тэгэлдун баясал чэнгэйвэтын тэты-вмудечэтын.

Ленин бунэн упкатва тэгэлвэ сингнинмукэнчэн, хавалдырил меварватын сингнинди (мэргэнди) дялупкичан. „Митнги партият нгэкэмэнгин гусингин ачин оран“, туги гирки Сталин Ленинмэ гэрбитчэнгкин. Тар-да бисикин, Ленинги делон алиминин маннилдун нгалэлдун — мудрэйду Сталинду, хавалдырил нунгнимнидутын, амидутын, андадутын оран. Тэгэл хэгдытку вождытын бунэклен СССР-дыл тэгэл дукумнилтын тысчалва художественнаилвэ произведениелва дукучатын.

Эр сборникту бу Николай Островский книган хадыван бурэв. Эр дукумни-орденоносец Николай Островский, нунган биниви социалисттыду родинангдуви талантычиду книгангдуви „Он сталь нюрэдечэн“ дукучан, он хавамнил гирки Ленин бунэвэн дявнэвэтын. Сталин нунгнинэдун Ленингивэ хэгдыткувэ делонгман часки нгэнэвдедэвэр, аяткул хавамнил коммунисттыла партияла ичэтын. Талантливай дукумни Яков Ильин книгадуви „Хэгды конвейер“ хозяйственникил конференциятын трибунадун, 1931 аннганиду бичэду, гиркивэ Сталинма улгучэндэрэн. Ильин эр книган хадын хозяйственникилду гирки Сталин турэнин значениеван улгучэндэрэн. Тар турэн нунгарватын социализмава окитту ургэпчулнун нгорчандутын вдохновичан (урэпчэвкэчэн). Агил долдутын, родной Север дяпкалдун Севердыл тэгэл СССР кэтэ миллионичилнун тэгэлнунин умукэнду икэвурду, улугурилду, Ленинма Сталиннунма икэдэрэ. Эр сборникту туги-дэ Севердыл дялавсал поэтыл стихилтын биси. Эр эвэнки — Алексей Платонов, Григорий Чинков, Никита Сахаров стихилтын, Ленинмэ Сталиннунма давладерил.

Произведениел, эр сборникту бисил, упкат Ленинье Сталиннунма дукунал адыкан хадытын биси. Эр советтылва художественнаилва произведениелва элэкэсипты переводты опыт акунасал Севердыл тэгэл турэрдитын дукувча. Бу тэдечэвудерэв долборгидаду бидерил тангимнил упкатва

эду дукувчалэ тангилдянгатын. Эрэ тангдянал, мэртын
стихилвэ, улгурилвэ дукулдянгатын.

Советгы Союз тэгэлин гиркилэнтын Сталинды Консти-
туция дылачан гарпаридун хэгды, эденгэ сукчавра бисин.
Миллионил хавалдырил севдепчувэ бинивэ омнилван, упкат
илэл генийватын—Ленинмэ сомат аявдерэ.

Поэт Иосиф Уткин „Ленинмэ, Сталинма давлавундуви“
дукудяран мирду экун-да эр славадук горотморьё бидери
ачин:

Цветокилдин упкат учивчал:
Икэн, кусин-дэ, тонгно хава-да.
Тарит тарил дюр гэрбилтын
Мирду умунду бидерэ.

Нунгартын дапкалдычал, эсил сукчавра
Дяласалгачир, монолиткагин,
Умукэн дугэн дюр кирасалгачирин.
Удялитын упкат мир дэгдерэн.

А. Кривошеева

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

ЛЕНИН ХОКТОЛИН

Гэлэвдэрие биниелты
Нгингтэевэн тэкэръевэн,
Ленинде тэгэвдечэн
Упкатыяду долборъёду.

Нгэриегу коммуна
Ненгдэлэе тыргания,
Нгэриденэ, эмэдерэн
Ленинде хоктоёлин.

Ленинде амиянгит
Гуннэлвэн, турээлвэн,
Иллэдувэр намаратнал,
Сэксэдувэр соливдягат!

Социализм омниан—
Ленинде амикандя,
Нунгнинэлвэн, хоктоёлвон
Дюлэскэки нгэнэвдегэт!

СТАЛИН

Дёлоёдук мангатмар
Аяврингит Сталин.
Стальядук маннитмар,
Хэгдыекун Сталин.

Урээлдук гугдатмар,
Урувсипчу Сталин.
Советъеду дуннээдун
Алтанмама¹ Сталин.

Нянгняядук гугдатмар
Дяличикун Сталин.
Капиталъе энгэсивэн,
Капулича Сталин.

Дылачадук нгэритмэр
Генийкакун Сталин.
Лениннги алагувдярин
Аяткумама Сталин.

Упкаттук аятмар
Алагумнит Сталин.
Илмактаял аминтын
Алтанмама Сталин.

¹ Лучезарнай.

БУРДУК

Иван Гора петроградтыл заводыл делегатылнунтын нгоним стол чагидин тэгэды совет комиссарилин симумаду кабинеттун тэгэтчэчэн. Окошко тулигидин кэтэ Москвадыл туракил дептылэ угикундин, деммуденэл, Кремль стеналин оёлитын дэгиктэдечэтын. Кабинет симуман, бумагэл хулама сукноду бидеритын, тэпкучил креслол (дэпэмэл тэгэмкил), локучама часы аракукан нгэнэрин — делегатыл эр упкатва аяврэ,—эду советты власть маннит тэгэтчэчэн (манга бичэн).

Владимир Ильич ирэн, холоктово пиджаквэ тэтычэденэ. Олдонгили уркэли ирэн, тэлиннгэ амардукви тынгнаран, тынгаптынма учисинан.

Урумкунди дороваллан. Упкат илла.

— Тэгэкэллу, тэгэкэллу, гиркил!

Нунган стол мудандун дубтук овчаду тэгэмкинду тэгэрэн. Хавамнил дялангал, хоникачал (дигирэчэл) дэрэлвэтын химат ичэттэн; эсалдин хулукурди, силэксэ чургиксиктагачирдин, нюмукилдин ичэвчэн — нунган выводвэ онан. Иван Горавэ ичэксэ, саримикталви угиррэн. Иван Гора хэгдыт амнгатви сендукви сендулави инемусинэн.

Владимир Ильич портфельдукви, хэннгэндун бидеридук, дукувчавэ листоква урисинан, тара дюлеги-дэдуви нэрэн, нян дылви угиррэн. Дэрэн дяланга бичэн, буглэмэктэгэчин.

Делегатыл нунганман симуладенэл ичэтчэтын, халтын гиркилвэр мирэлтын оёлитын ичэтчэтын. Кэтэдытын Ленинмэ элэкэс туги дагат ичэтчэтын. Нунгартын, сомат гэлэвдерэкин, нунгандулан, Кремльдулэ эмэчэтын: Петроград демукиндук будечэн. Эситкэн деревня мэнгундуди бурдука эчэн будерэ. Демукин хата сотмарит бусэ пролетарий хукитэдун кангкивдячан.

Владимир Ильич гунэн:

— Улгучэлкэллу! Дялдачэллэп они бэлэдэвэр, эдэтын демудерэ — Владимир Ильич, саримикталви угириксэ Иван Горатки ичэсинэн, гунэн: — Инду эвки биси „экун-да эденгэ овра“.

Иван тэпкэсинэн: „Дёнчадяран!“ Владимир Ильичвэ ичэтчэритви болгорон, нунганман ичэми, сендукви сендулави инектэдеритви сотмарит хутаргаран.

Лениннун даран тэгэгчэри сагды депутат, сэлэмэ эсаптучи, нюмучалвэ нгалэлви бумага авданнадун нэксэ, улгучэллэн:

— Эрүт индерэв, Владимир Ильич. Демудерэв. Дявучакатчэрэв, манникатчэрэв пролетарскайдыва свободава этэрэв униеттэ. Эми-вал, хивинчадярав бурдук балдыдалан иланма бегалва алачивка, экун-да дэвгэ ачин, ненгне кунгакар бучиллэ. Синггиндерэв, эвлэндэрэв нунгарватын Владимир Ильич. Асалнги дяллитын лэгэйкэтчэрэ. Дептылэвэ элэ аденэл ичэнгнэрэв.

Хунгту мирэктурэ, тыкундяригачин, гудеипчу, омкотолон буручэл нюриктэчи, новгородтук депутат, нгитки-дэ энэ ичэттэ гунэн:

— Петроградтыл районил, осьмушкэ¹ бисикин, дюрвэ надаллалва биденгэл. Дюр надаллал илтэчэ-лэтын булдеп. Заводылдук хавамнил калтакатын, хадылдуктын калтакадуктын кэтэтмэр хавамнил суручэл. Бу нунгариклатын эчэвун эвлэндэрэ. Пролетарскай хутука эмэнмучэ. Эми-вал нунгарватын уливкэ...

Хунгтул депутатыл, энэл хэлинчэрэ упкат демукин эрулвэн улгучэндечэтын, он частникилва епумэмэт колобонгивкандеривар: „Владимир Ильич, сома епу колобо овки, ханнгатвар колобонготкачирва соконгноров, эргэчинмэ эрувэ колобово элэ фунт дяпки-талван бунгнэрэв“.

Улгучэндечэтын дептылэдылду управалду беспоря-докил бисивэтын, таду-да иду-дэ делумил демукинмэ омнил бакавувкил. Заводылду эду-дэ, таду-да эси элэксин биси (недовольство) оливки, сипкумнил бакавувкил; умукэнмэ бакавкил, нунган бимнэдун (билэдун) дюр овкил. Дептыдэдыл отрядыл энэл организуивчал унгивувкил. Тала адыракан тарилду сипкумнил ивкил. Нунгартын мэндулэвэр кулилди бурдука эмэвувкил, сугланду сонгодёнол улгучэн-девкил гуннэл: эва-да эчэвун бакара...

— Эр-кэ пример, Владимир Ильич, — симкисиннэ Иван Гора гунэн. — Мунду заводтувун партиянги коллектив секретарьван, гиркивэ Ефимоввэ, аран эчэтын варэ, аран-аран нунганман айрав... Умнэт литейнайду цехту митинг оран. Экун оран? Янгун, тэпкэн: „Ефимов дюдун бурдук, сахар бисин“. Сот тэпкэдеридутын тэдевденгэл орав... Би ичэм эру одян, умнэт телефонтыки эмэм. Ефимов элэли дюдуви

¹ Фунт умукэн дяпкин колобо.

бичэн. Би нунгантыкин аракукан, илэл эдэтын дол-
дыра, гуним: „Сурукэл“. Нунган гевран ханнгуктаран.
Би гевум гуним: „Сурукэл“.

Нунган инектэдевки:

— Илэ-кэ сурудем?

Би нунгантыкин нян гуним: „Сурукэл“.

— Нги-кэ гундерэн?

— Иван Гора, — гуним. — Завод синдулэ нгө-
нэдерэн.

Нунган тыллэн экун бисивэн гунэн:

— Эмадерэ нунгартын? Би мэнми нунгардулатын
эмэдем.

Литейнайдула цехтула эмэрэн. Энэ нгэлэттэ ирэн,
тогот иладяригачинди ичэтчэрэн. Амаргут минду
улгучэндечэн: „Дылви би угилэ дявучав, эми-вал
сэксэв унгиктэлдув тыннгиврэн“. Илэл, нунганман
ичэксэл, тэпкэллэ: „Спекулянт! (кэичимни) Сливочнайва
масловэ девденни!“ Нунгантыкин акчудяра, эр-кэ
ваделлэ. Нунган илитчаран, нгалэви угириксэ алатчэ-
рэн, тэпкэдерил этэриветын тэпкэдеми.

— Кэ? — аракукан гунэн. — Эда тэпкэдес? Эр
тынгнаптынми.

Тыкуликса, мэнгиви дюви тынгнаптынман нодарэн.

— Сурукэллу, гэлэктэкэллу. Асуматъе колобоё
баками, минэ вакэллу. Сурукэллу, би алатчэм.

Дюрдяр-вэл илэл туксасина. Нунган иличиллан,
дамгатыллан.

Муннгил илэлвун мучудяра, дылилвар унгкикэ-
нэл — мэрдутын ивдяпчу эсалдулан ичэтми.

— Эр бакарав, — гунэ, хулукукэнмэ мунучэвэ коло-
бово ичэвкэнэ...

Нунган эду-дэ сэвденэн:

„Тэдес! Минду бурдук, сахар ачин бисивэн...
Эситкэн тэпкэдерилду гэлэктэгэт!“... Васька Васильев-
тыки нунгнирэн, тар дептылэдынун отряднун дюллэ
амаски эмэчэн, улгучэндэнэ инамукталви унгукечэн.
Бу Васькэтки гунэв: „Мунэ нгэнэвкэл, ичэвкэндэви“.

— Нунгандун бакара? — Ленин химат ханнгу-
ктаран.

— Он-ка!.. Бурдука, имуксэвэ, тадук козавэ
(конинма) кухнядун уичэвдеривэ, бакара. Дептылэлвэ,
козавэ (конинма) митингдулэ эмэврэ. Илэл сомат
тыкулла. Козавэ бакаксал, сотмарит тыкулла. „Эр,
тэпкэдэрэ, — упкаттун мирду ивдяпчу!“

— Туги, туги, туги, — Ленин гунэн, хата энэ улгурвэ
долчаттэ. — Гиркил! Эси минду турэнэ гавкакэллу (ту-
рэтмукэкэллу)!

— Эетчэрэв, — депутатыл гунэ...

... Улгурди делоду (итыду)эденгэ бэлэврэ... Дуннэ-
нгит бинин сома эру... Демукин хавамнил, дядан-
гил уркэлвэтын конгкодёрон...

Ленин аракукан эсит игды биси турэчиллэн...
Хикэнин столтыки тунивча бичэн, нунган нгалэл-
диви хэннгэрдуви портфельвэ дявучадячан. Депутатыл
энэл сомнара дялангачатки, игдыматки дэрэткин ичэт-
чэчэтын. Энэ хэлинчэрэ стенаду биси часы кинг-
гирэн...

— ... Элэ мэрдувэр, мэнгидувэр заводтувар бур-
дука гассадярит, — дезорганизациява сот маннив-
дяра. Эр эчэ ая биси... Эми-вал, бурдук дуннэнгдут
бисин... Нунган эсалдиви дюлэдун бидериду ли-
стокту цифралва ичэсинэн. Бурдук упкатту элэкин-
ден. Митту демукин, энэ бурдук ачинин биси, бур-

жуазия элэти митвэ хуски нгорчадаридин бисин... Буржуазия, гүлэсэгдыл баясал, кулакил бурдуктыва монополиява, бурдукту маннилва тамасалва сукчадыра. Нунгартын упкату бэлэдерэ, хавамнил властвэтын вассэдерилду...

Нунган дылви угиррэн, игдыт гунэн:

— Хавамнил властвэтын, элэкэсипты социализм сотку тэкэнмэн (тэгэрвэн) одяриван: „Нги эвки хавалла, тар эвки девдерэ вадерэн“...

Нунган симуларан, тадук нян турэчиллэн:

— ... Россия илэлин егин дягилтын эрнун урэчэл (дэкилдычал). Эду социализм тэгэрин, эденгэ манавра энгэсин, эденгэ ваврэ давдынан бисин.

Нунган тэгэмкинмэ анаран, портфельва нэрэн, илитчана, умнэкэр стол дагадун адыканэ гирасиктая гиранидяна, турэтчэчэн:

— Эрил тырганилду би сунду дукувуна дукудянгав, питердыл гиркил... Питер эчэ Россия бисин, питердыл хавамнил Россия хавамнили адыкукан хатын бисин. Эми-вал нунгартын хавамнил класстын аяткумама, дюлэгу, аятмарит тылдери, сомама революцияды, маннитмар отрядын бисин... Элэ эситкэн, митнги революцият практикаду, социализм омачирдулан дагамачалан, элэ эситкэн соткуду вопросту — бурдукту — эду аят ичэвдерэн сэлэмэ, революцияды пролетариат диктатуран властын гэлэвдерин...

Нунган стол дагадун тэгэтчэрилтыки нгалэви насасоран, революция усилвэн танчэдэригэчинди...

— ... „Нги эвки хавалла, тар эвки деврэ“, — он-ка эрэ бинилэ нгэнэувкэ? Тыливгэмэмэ — элэкэсмэмэ госуларстводы монополия гэлэвдерэн... Гептыт, бурдукил упката хэлэнэлвэтын тангивка, нунгарватын

аят эмэври гэлэвдерэн... Илиптыт, аят тэдэт бурдуква упкату гражданицалду боричин гэлэвдерэн, баясалду эдэн кэтэтмэрье буврэ — эрэ пролетариил госуларствотын ичэтигэтын (контролируйнгатын).

Нунган портфель сомивчавэ сомиксанман аран ничиллэн. Нимнгиссэнэ, часыви ичэсинэн...

— ... Аямама... Су гундес: Путиловскайду заводту дыгиндяр тысячал бичэтын. Нунгардугтын кэтэдытын — амакакаптыл хавамнил, эчэл пролетариил биси... Эситкэн дянгуннга тысячал эмэнмучэл. Эрил пролетариил нгорчанду маннивчал биси...

Революция эргэчин дюлэгу (авангардын) Питерду-дэ, дуннэду упкату-да эрингэтын, упкачитви илнгатын... Тылнгэтын нгалэдуви дуннэнгит аймачинин бидеривэн... Хэгдытку „крестовая походья“ (кусинэсинмэ) бурдукит кэитчэрилвэ (спекулирудерилвэ), кулакилва, мироедылва, взяточникилва хуски овка...

Депутатыл стол дагадун эчэтын тэгэтчэрэ. Нунган нгалэви самналбусна нунгарватын иливканэн, нунгартын Владимир Ильичвэ мурукэрэ, — дылилдивар чимбулбуденэл, дэкилдыдянал... Иван Гора дэрэклэн илитчачан, угигит хэргиски эсалдиви нунганнгилан, игдыт турэрвэ гундерилэ, амнгалан ичэтчэнэ.

— ... Элэ упкат дюлэгул хавамнил сомат ээтчэритвэр (илгатвар) дуннэвэ, революциява айдянгал... Дяр-дэ тысячал дюлэгул, маннивчал пролетариил гэлэвдэрэ... Сомат тылдери хавамнил гэлэвдэрэ, миллионилду дядангилду, упкат дуннэ мудардун бидерилду, деловэ (итыва) тыливкэндэнгэл, эрил миллионил нэрадерилтын одавэр... Сомат энгэсил, маннил хавамнил гэлэвдэрэ, энэл эвлэнэ мэрдуковэр гетыкинма, спекулянт олчавэ, нодудянгал пэктырудэнгэл... Сомат

маннил илэл гэлэвдерэ, революцияду преданнаил. „Крестовый поход“ упкатван ургэпчулвэн тэрэдэнгэл.

Эрэ, адыду-вал тырганилду героизмава ичэвкэндеридук ургэпчутмэр оми... Революция балдыдьяран, дюлэски нгэнэдерэн... Нгорчан албинин, сунган балдыдьяран. Хавамнил упкатту государстводутын тэдэт бурдукъя, илачивуна (топливо) боритми (распределими), нунгарватын сотмарит бакатми, аят учитывайми, ичулинми (контролируйми) тар социализм сотку ноноптынин бисин... Эр эчэ „упкатты революцияды“ омачин (задача) биси, эр коммунисты омачин бисин...

Умукэчэнми угириксэ, Владимир Ильич эрэ гевран гунэн нунгангилин ичэмукилин долчатчэрил эсалдуктын ханнгуктадьярилгачир бичэтын: „Тылис?“

Иван Гора, туги-дэ умукэчэнми угириксэ, гунэн:

— Тэде! Эр омачин ичэвгэн. Одянгал бисивун, Владимир Ильич!

— Одянгал бисивун! Одянгал бисивун! — депутатыл гунэ...

— Гиркил, Октябрьды советты революция соткумама эденгэ ваврэ делон (итын) тар дюлэгул хавалдьярил „Илэлдулэ“ сурунэтын, дядангил нунгнимилтын бинэл, гүлэсэгдыл хавалдьярил илэл нёрамнилтын бинэл, труд государствовон омнил бинэл... Эми-вал, гиркил, коммунистыва революциява оликса, хавамнил класстын умукэнди иктэсиктэт мэндукви холоктолво капиталистыл, помещикил обществодуктын эмэнтэлвэ эдэнгэ нодарэ. Эми-вал хавамнил класстын холоктово мирвэ нунгандукин эмэнтэлвэ, эрупчулвэ давдыянга]бими, давдыянган, булэнмэ хуски омактал, кэтэтмэсэл, саде-

рил (опытнаил), ургэпчуду нгорчанду маннивчал*хавамнил отрядылтын эмэллэктын...

Владимир Ильич дылитви чимбулбурэн, „туги-кэн“! гунденэгэчинди. Амаски гиранан. Нгалэлин хэгдыл умукэчэрин кармардула ирэ. Анчардукин эсалдулан хоникал адагара, эсалин инемуллэ...

— Туги-кэн! — нунган гунэн...

Иван Гора хэрэкисинэн аран-аран мангичаденэ, эдэви эр илэвэ — гиркиви нгалэлдиви кунглэрэ, эдэви нюканилла...

— Эситкэн гиркил, экуна омачирвар дукугат! Тэгэкэллу!..

I

Владимир Ильич электричествово сивунмэ (выключательвэ) учисинан, хавамнидыду столду лампаканмэ сиденэ (электричество одёвко бичэн). Дэрүчэлвэ эсалви тэсирэн. Окошкоптуна ачин окошко ангачэвдерилин, хата химума долболтонони ичэтчэрэн. Туракил, амэденэл, Кремль башнядун тутуктэдечэтын...

— Би эсикэкэн мэдэгэлвэ (сведениелва) гам, тэде, хата эчирвэ эруктавра, — Сталин гунэн. Советыл Царицынду, Саратовду, Астраханьду хакура (отменира) бурдуктыва монополиява, маннилва тамасалва...

— Головоотяпил! — гунэн Владимир Ильич дукунгкива гассадяна, эчэ-дэ гара. Долчаткэллу, элэ харги сарэн, экун одяриван эрэ.

— Эчэв дялдачэдерэ, эр головоотяпстворикта бисивэн... Эдигуду Поволожье-ду бурдуква тэликит со эрупчу. Севердыду Кавказту, Ставропольскайду губернияду тарадук эрутмэр. Эси-тырга-гу, тэгэми-гу Краснов Тихорецкайдула хоктово хогдянган, мит ну-

нсандун Кавказвэ, Ставропольва гавувдяп... Туги, часки энги биси.

Туракилва башняду экун-мал еннгиран, нунгартын дэгиликсэл, нян дора.

— Конкретно, экуна си гунмуденни, гирки Сталин?

Сталин спичкатви (нуливундиви) авсакан олдонмон хикисинэн, спичка (нуливун) дылканин, чаргидяна хэтэкэнэн, нунган гевран хикисинэн, — тогокон нунганман хевуттан эсалван гиллэнэдериловэ, чунгкиргэчэлвэ (чикирэвчэлвэ), инемудеригэчинди, хэргулдин ичэмукилдин угиричэлвэ.

— Бу Царицын значениеван эчэвун тамурат тангичадяра. Царицын эсиптыду тырганиду — революция основной форпостын бисин, — нунган гунэн, савканатви турэнтыхинмэ ичэтчэгсэ бинэ. — Магистраль: Тихорецкай — Царицын — Поворино — Москва митвэ улидери, тар митту умукэды унгикта сулапча. Царицынма сокорми — тар бакалдывкандавэр донскойду контрреволюцияду Астраханскаил, Уральскаил войскол казактыл баяндыгулнунтын. Царицынма сокорми, тэлиннгэ итывдянга контрреволюция фронтван, бирадук Дондук чехословакилдула. Мит Каспийва сокордэми, Севердыду Кавказту советтылвэ войсколвэ бэлэгэе ачинди эмэндерэп.

Владимир Ильич лампочка сивунман учисинан. Бумагалду, книгагалду, хэгдылду сингамаптыкирду иннгактачилду нгалэлдун багдама нгэрин хукэлэсинэн. Нгалэлин авадыва-вал листканмэ хэлинчэденэл гэлэктэдечэтын. Сталин аракунан гундечэн:

— Эситкэн упкатнги митнги вниманиет Царицынду бингэтын. Нунганман элбэчивденгэ, таду иландяр туннга-гу, дыгиндляр-гу тысячал хавамнил биси, округту — кэтэмэмэ бурдукил нэкчэвдерэ. Царицындули кусивкэ.

Владимир Ильич гэлэвдечэви бакаран, хэеви ичэндуви нэксэ, дукувчавэ листканмэ эсалдиви хэлинди ичэтмэлчэрэн.

Нунган гунэн: „Бурдукикла Крестовайва походва нёравувка. Эрэ учэлэ эчэн овча — эду энгэннгэвуктэ (соктовун). Аямама! Аямама!“

Нунган тэгэмкинду онгканэн. Нунганингин дэрэн сэвдэпчу, улэкисинчэ (лукавай) оран.

— Нгорчан дулинин бакаван — тар Царицынду. Аямама! Эду-дэ мит давдыдяп...

Сталин гургакталви хэргидэдутын инемусинэн. Нунган бокичавдярит урунчэденэ эр илэвэ ичэтчэчэн история хэгдыткүмэмэвэн оптимистван, ургэпчүмэмэлду минуталду омактава дюлэски ичэдериовэ, омактава эрил ургэпчулду балдывдяриова, гавдянга бисивэн, усэлгэчирвэ нгорчан, давдын дярин...

Иландяр умукэннгиду майду Москвадыду „Правдаду“ мандат дукувча бичэн:

„Тэгэдыл комиссариал советтын членин, тэгэды комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, тэгэдыл комиссарил советтутын назначивдяран упкаттыт нунгнимнит дэптылэдылду итылдун Россия югтун, чрезвычайнай правочи бинэ.

Местнаил, областтыл советыл, тэгэдыл комиссарил советтылтын, совдепил, ревкомил, штабил, отрядыл хэгдыгултын, сэлэмэл хоктол организациялтын, станциял хэгдыгултын; бирады, ламуды торговой флот организациялтын, почтадыл-телеграфтыл, дэвгэдыл организациял, упкат комиссарил гирки Сталин ипкэннэлвэн (нунгнинэлвэн) одянгатыл.

Тэгэдыл комиссарил советтын председателин:

В. Ульянов (Ленин)“.

Москваты поезд эмэрэн. Паровоз дюлэдун — пу-
леметыл. Плошадкадун — дюр броневикил. Мудандун
(иргидун) — платформалдун, шпалал, рельсал. Комен-
дант перрондула микчанэн. Нунган мунгиктура, конг-
номосинча илэ бичэн. Нунган упкачин конгномоду
наннамаду сунду тэтычэчэ бичэн.

Олдондун маузер мома тэпкун бичэн. Энэ нги-
вэ-дэ ичэттэ, станция хэгдыгувэн игдыпчут дылган-
диви эрирэн...

Тадук москватыл винтовкатаил хавамнил юллэ. Ну-
нгартын авадыптыкирди тэтычэчэтын—рубашкалди, пид-
жакилди, наннамалди сурди, дюгасикирди авурди. Упкат
омакталди патрорукилди бусэлэчэдечэл. Упкачилтын—
эчэл сэвдепчуд дяланнгал, мевул дэрэлтын бичэтын. Ту-
рэнэ ачинди, энэл чагэрора—вагонил нгониптыкитын
илла, винтовкалва халгардуливар асфальтту иливуксал.

Класснай вагон плошадкалан илэ юрэн, мэнгэмэ
клэ имэнмувчэ конгномо гимнастеркачи, конгномо
штачи, немумэлди сапогилди тэтычэнэ. Нунгангин
дяланнга дэрэн юрун, серьезнай, дулумну бичэн, гур-
гакталин амнгаван даличадячатын. Нунган плошадка
дяваксандукин дяваран, энэ хэлинчэрэ юрэн.

Вагонил окошколдулитын ичэтчэнэ, нунганман
Москалев нэгут ичэрэн. Сот инемуденэ, нгалэтки
насалдыдяна, хэлинди арчамкасинан. Ерман мияча
бинэ дагамаран. Носович-тэ тэрэчэдэнэ дагамакса,
иланду гиракталду нгунгнэрэксэ иллан.

— Дорово, гиркил, — Сталин нунгартыкитын иг-
дыт гунэн. Сэвдепчул хоникал эсалин муелдутын
ора. Нунган упкатнун умунтэгинди эсит-тэ игды,

эсит-тэ аракун дороваллан. Упкатва перронду би-
силвэ эсалдиви химат ичэттэн.

Сэгдэннэтки хоролисинан энэ ичэсинэ, энэ гевра
эрирэ. Плошадкава туктыксэ, вагондула ирэн. Са-
лонду упкат тэгэчэлэтын, могдыви (ганчави) дамга-
тыдяна, стол дагалин гиркудяна, Сталин ханнгуктал-
лан: крайду бурдукил нэктэлтын бисивэтын, деп-
тылэдыл отрядыл хававэтын, надычивдяри бурду-
кил балдыдянгаватын, фронтту гидавур тангуватын,
резервилвэ, булэсэл эмэдеривэтын, нунгарнгиватын
энгэсивэтын — дярвэ-дэ урумкурвэ, тыливгэрэ ханнгу-
салва гундечэн Москалевтыки, Ермантыки, Тулактыки,
Носовичтыки... Ханнгуктавдяри горово улгучэллэкин,
Сталин олгачингкин:

— Минду цифрал гэлэвдерэ, тыливгэсэл эчэл гэ-
лэвдерэ...

Нунганнунин улгучэмэтчэрил аракукан салдечатын
нунган упкатва садериван: фронтыл бисивэтын, бур-
дукил хэлэкэлтын цифралватын, упкат упкатва хава-
дутын эрул, абулир бисивэтын, туги-дэ нунгартын
Царицын вождилин энэвэтын сарэ...

Горово улгучэмэтчэчэтын. Москалев сомат гэлэ-
дечэн, упкатылва революционнгилва темалва улгу-
чэмэчилдэтын; сомат, хэгдылди турэрди саритви улгу-
чэмэттэви, москванду ичэвкэндэви, упкатва аямамат
савка бисиви, эрил темалва улгучэмэттэвэр. Нунган
он-да албаран этэвкэндеми, олгачивкандеми, Сталин-
нгива, элэли ичулидерилвэ ханнгусалван. Эчэн тылив-
гэн биси — эва Сталин самудерэн.

Носович тэрэчэдэнэ тэгэтчэчэн энэ москватылва
папиросалва дамгатыра, нунгандун бувдерилвэн, ара-
кун элэли ханнгусалду гундечэн. Нунган окира-да

ичэчэсинчэ бичэн мэндүви химава, эмэрвэ Сталин ичэсиктэвэн, угиричэлдук хэргулдук ичэмукилдукин ичэсиндеривэ. Хангуктадун — экунди тыливкэндэрэн булэн давдынман эрил амаргулду тырганилду — Носович тэрэчэдэнэ гунэн:

— Илтэнчэду бегаду казакил оналдивар усэкэлдивэр пэктуредэчэтын. Би сунду усэкэвэ ичэвкэндем, консервил банкадуктын овчавэ — музейды курьез... Эситкэн нунгартын аява усэвэ, аямамалва пушкалва гара. Фронтту кэтэтмэр пэктырэвучи давдыдьяран...

— Эчэс-ку си тыливкэндэрэ, мит энэвэт давдыра, эрупчут политикадыт итыгавчал бими, — Сталин хангуктаран...

— Пэктырэкит чагидадун илэ тэгэтчэрэн. Полк нунгнимнидун ады-да пэктырукичил бисиктын-мэл, нунгангилин солдатылин, эми тэдэт агитацият итыгавгал биси, эва-да этэрэ ора революционно-воодушевленнаилва войсколво хускитын — тар войско адытмасал (угутмэсэл) пэктырукичилин бисиктын-мэл.

Носович, гуннэви дялдаттави, папиросава гаран, эситкэн мэдэрэн, Сталин нунганман, энэ урумкун ичэсинэ, сомат ичэсингнэдеривэн.

— Би дэкилдыдыам, эр революция омакта тактикан бисивэн. Нунган элэдэчэн, Сталин гуннэдин дялдун маннит гундэдэви. — Эми-вал булэн пэктырудерэкин, кусимнил психиковатын ургэпчут такусми. Булэн пэктырудерэкин, нунгартын книжкадук сотмарит пушкалва тэдевил. Тылду (кусикит амаргидадун бисиду) отрядылва, итывдями, воспитание ая бивки.

Сталиннги хоникалин нян ичэмуктукин анчандулан олла. Нунган Носовичтук хоролисчан, ганчави (могдыви) конгкодрави, хавденэгэчин, гунэн:

— Иду-кэ психикава такусивдянга? Булэн пэктырудерэкин, таду-да такусивка... Эситкэн, гиркил, би зетчэм гиркил Москалев, Ерманнун эмэнмудэтын.

Нунган упкат нгалэлдуктын прощаиллан. Салонду элэ Москалев, Ерманнун эмэнмурэктын, нунган столтыки тэгэксэ, клеенкадук ханнгатви хулэптэнмэ хикисинэн.

— Эду, хоктоду, бурдук чэмэтэил вагонил бидерэ (нгэнэктэдэрэ). Горово нунгартын илитчара?

Ерман хутараран, дэрэлин иктэчэгэчиндуктын. Москалев гунэн окошкотки ичэсиниксэ:

— Дюллэвэ, илаллава...

— Кэтэтмэр, — Сталин гунэн. — Дянурукэн тырганил. Эда нунгартын эчэтын унгиврэ?

Москалев хонирарэн, умукэчэрин клеенкава конгколло.

— Элэкэсиптыт, мунду савкавур бичэтын, хокто Поворина дагадун казакилди хогивча... Гептыт, эргэчинду кусинду, мит булэнди хакувчаду городту эмэнмурэкил, би эдэнгэ рискуйя бичэв бурдукилва нэктэе ачин эмэнмудэви... Тынэвэ хавамнил сомат муссэмэтчэчэтын...

Нунган онгоктотви чугиналчан, алатчэнэ Сталин муссэмэчилденгэвэн. Эми-вал Сталин эчэн муссэмэчиллэ. Нунган нян хангуктаран:

— Городту бурдукава кэнгулит униечин?

— Туги-кэн...

— Экунди-ка тар тыливкэнмудерэн?

Москалев сотмарит чугиналлан, тадук тыллэн, эденгэеви упчуврэ.

— Тарит тыливкэнмудерэн, гирки Сталин, си адыканмэ саденни муннгивэ эсиптывэ бинивэвун. Городту

нямадил тысячал хунгутуыкир* бидерил, мешанил... Халтын куредувар улэдевил, халтын курицалва исчэвил, халтын униетчэвил эняркарвэ... Тадук дянмаю тысяча туксанал... Нунгарватын упката паету нэми — тэгэмингэ советва ачингиденгатын... Тарадук эрутмэр — отрядыл фронттук мучудялла: еду бэетыкинду энтылтын, амтылтын биси...

Сталин симуладяритки, хэргиски ичэтчэритки Ермантыки ичэсинэн:

— Си-дэ туги дялдачэнни?

— Эчэ, би эчэв туги дялдачэдэрэ, — Ерман игдыт гунэн. — Город бинивэн эсит ая биси тангичадям.

— Эр ичэдэрэс — дюр хунгтумэлчэл дялил... — Сталин папкадук листканмэ гаран, часки гунэн. — Эр эси-тырга нгэнэду гавча. Нунган телеграммава, Ленин, дукунаван столду Москалев дюлэдун нэрэн: „Дептылэвэ гунми, эрувэ гунденгэ: эси-тырга Питерду-дэ, Москваду-да эчэл асуматъе будерэ. Бини со эрупчу. Тэдэвкэллу, экунма хэлинди одянгавасун, сундук боали идук-тэ энги гара“.

— Миниги предложение, — Сталин гунэн (Москалев телеграммава тангдяракин, тадук симуладенэ таравэ столдули Ермантыки анаран), — исполкомду вопросва иливдасун, ипкэдэн, эдэтын бурдука хитэклэ униетчэрэ. Пролетариат Москваду, Ивановоду, Питерду фунт дяпкиван колобово тырганиду гадявки. Владимир Ильич телеграфируйдяран, фунт дяпкиван этэчэл будеми. Тар упкат гундерэн, эририктэл городыл давдадячал биденгэл бисивэтын, революция-да тырэвчэ биденгэ бисивэн. Дян тысячал туксанал Царицынду аят бидэтын, мит эдэнгэл бисип революциява бурдукъя ачинди эмэнэ...

— Царицынду паетва бувкэ!

Москалев столва мэндуки анассачан, стол эчэн сомнасматтэ. Нунган ургэпчут юрэн, гиркуктаран, галифеву угирисинэн тадук гунэн:

— Мит тарит хэгдыкэтчэрэп, Царицынма аямамат городыт эрупчумэмэду биниду оривар, упкачитын контрреволюционерил тэпкэдэрэктын: „большевикты хозяйство — тар демукин, сукчан“. Заводыл война дюлэдун одянадуквар туннгадямаюлду проценталду дялупкидыра, эр фронт бисидун. Таткичил кэтэтмэсэл очал... Профсоюзнайду организациялду упкатаюл хавалдярил ивчэл... Асал движенитын сомамат угривувчэ... Мероприятиел нгэнэвуудерэ, упкаттыл хавал итывуудатын.

— Си хата музыкава, бульварилду бисивэ, омнгонни, — Ерман силгиндерит дылгандиви хаврэн: — офицердылва кабакилва... Спекулянтыл турукэ пудэлин нямадива рублилва гачал бисивэтын...

— Хуюсэмнэ! Эр хуюсэмнэ! — Москалев тэпкэсчэн. — Тырэдеп!..

Нунган Сталинтыки ичэсинэн. Тар энэ хивинчадыра дамгатыдычан

Москалев часки гунилдэн:

— Эр упкат сунгтатмар... Царицынды пролетариат мэнин, мэнигилдиви нгалэлдиви, мэнигиви дюлэскиптыви одяран... Царицынды пролетариат минэ, Москалевва, тэдечэдэрэн, би нунганман давдын муламаклан нгэнэвденгэвэв... Би нунгандун демукинмэ паетва будем, би нунганман упкаттыла россиядыла каландулатын ноадем... Иваново-вознесенскаил хавамнил колобово фунт дяпкиван гадяритын дярин... Пролетариат эр э этэн тыллэ...

Ерман амнгави кириндерит учикиран. Сталин думнун турэчивкэндэчэн. Эми-вал эр илэвэ энги бичэн хунтут дялдалилканэ. Сэвдепчул эсачи упкатва садери, нунган эчэн мээнгилви Чрезвычайноилва полномочиелви сот ипкэттэ, эми-вал нунгартын кармандун бичэтын. Мэдэдэнэ турэрви эсил аял бисивэтын — эрупчу одяриватын, нунган (Москалев) тэрэчэдэнэ гунилчэн:

— Гундем эр упкатва, гирки Сталин, упкат бини ургэпчувэн дюлэдут илитчарива садедас. Мит синнун эду, особеннайду биниду бидерэп. Эду бидери пролетариат деревнянун тэгэритви, кэтэнун бурдукнун уилдычэдэрэн — эр Волга, упкатты российской улирни... Тылдерэ-гу, эдерэ-гу пролетариилты? Нгэлэтчэм, нгэлэтчэм...

— Иргичилдук нгэлэтми — агила эвкэ гиркура... Сергей Константинович, тэрэчэнмэс эчэв боритчара, — Сталин сэвдепчут гунэн, урунигсэ бинэ, ургэпчу улгучэмэчин нгэнэнэдин. Тадук часки гундечэн:

— Хавамнил тылденгэтын, нунгардудын тыливкэнэктын. Хавамнил аят тылденгэтын, бурдукты монополия, карточнай система, окопилду (онгкучакилду) кусидеридук ургэтмэрвэн, эми-вал, нунгартын тылденгэтын, эр-ты эситкэн революция сотку фронтын бисивэн... Нунгартын эрэ тэрэденгэтын, нунгардудын аят, дяличит улгучэнэктын...

Москалев, инемуденэ, дылитви чимбулдыран. Столтыки тэгэрэн...

— Ургэпчувэ овкатнэвэ си мунду бунни, гирки Сталин. Авадылдук мероприятиелдук, мит нонолдёп он дялдачэдэнни?

— Миннги предложениев бисин — упкат город партиядыдук конференциядук нонолдёп.

— Окин?

— Тэгэми. Эда алачивка...

— Повесткава дукудавэр аминдяп?

— Тыматнэ наданду-вал часилду дюктэ эмэдэвэт.

— Наданду часилду тыматнэ? (Москалев туннгатви умукэчэрдиви нюриктэлви булосинэн.) Тэли би эситкэн-дэ сурудем... Дялдачивка, материалилва итыгавка... Нунган хангуктадяригачинди ичэсинэн.

Сталин дамгатывунми мудандин клеенкали нгунгнэлвэ играрилвэ игралчан.

— Эр-кэ кэтэмэмэ вопросил илитчара: упкатты монополия, карточнай система овдан; нгорчан транспорт-ули бидэн; военнайва командованиева энгэсингивкэ; нгорчан контрреволюциява хуски; партиядыва организациява маннингивка, массово-политическаилва хавалвэ аянгивка, распущенностьва, хаосва хуски нгорчан. Повестка хэгды одянган...

Сталин иллан нян — гиркигэчинди Москалев, Ерман нгалэлватын дяваран. Сурулденэ, Москалев уркэду секундава илчан. Энэ этэнэ; игдыт химкисинэн, вагондыдук площадкадук ургэпчут эвчэн, элэ-дэ автомобилду онгкаптыки тэгэксэ, турэсинэн (хэнгкэсинэн): „Е-е“.

Тэли-дэ Сталин вагонин, хэлэкэлэ билэлэ нгэнэ-вувчэ, городтынун телефоннун уилдывкэнчэ бичэн. Сталин хавалилча. Нунганнгилин дюр секретарилин, симумал, эсил мигдырмэл биси, партиядыл, советтыл организациял, учреждениял председателилватын, секретарилватын телефонди эридечэтын, материалилва итыгачатын, стенографируйдячатын, эривчэлвэ ивкэн-дэчэтын, тадук ювкэндечэтын... Чека председателин

вагондула ичэн сэвдепчу бинэ, тымар дылачагэчин; хунгтудук площадкэдук хэпкэмэ, хивинипчу бинэ, ючэн. Сэлэмэ хокто санитарнай коллегиян председателин, энэ алаттэ вагондула эривриви, вокзалвэ, перронма дэрпусивкэнэн. Тар дярин тэвуды автомобиль деревняла унгивчэ бичэн, асалвэ эмэвдэн. Нунгарватын дэрпусиптыртэйлвэ эмэврэ. Нунгартын нгэлэликсэл намнэкаунмэ ора; эргэчин оридуктын эргэчинмэ анти-санитарнайва нгорчанма этэвкэнивкэ бичэн.

Тырганива упкатван сэмтучэли сэлэмэли хоқтоли авадыптыкир илэл нгэнэдечэтын, Сталин вагонман хангуктадянал. Городту, крайду, фронтылду упкачитын овувдярил дялумит ичэвулчэтын. Долболтоно хавамнил эмэвэчилчэтын: фабрикадыл комитетыл унгивчэлтын, хадылтын умукэр хавамнил эмэвэчилчэтын.

Станциядыл капумчал готаптыр чагидалитын, сингнипчул гулэл, хактырапчу Волга чагидали лунгур нгэри оракин, туксуе ачин холангга дегдэллэкин, Сталиннгиду-вагондун умнэт упкаттун окошколду нгэрин сивчэн.

Тыматнэ телеграмма унгивчэ бичэн. Очередья ачинди — Москва, Кремль, Ленинду:

„Нюнгиду тырганиду Царицындула эмэм. Упкаттувал хозяйстводыду биниду порядок ачин бисикин-мэл, порядок овувдянга. Царицынду, Астраханьду, Саратовду монополия, маннил тамасал советылди ачиннгивчал, спекуляция коитмачин бидерэн.

Царицынду карточнай система, маннил тамар бидэтын, овканим. Туги-дэ Астраханьду, Саратовду овувнгатын; эми туги ора, эрил коитмачир сангарилдулин бурдук упкачин эенденгэн. Центральной Исполнительной Комитет, Тэгэдыл Комиссарил Советын эрил сове-

тылдук гэлэдегин (эетчэгин) спекуляциява этэвкэндэтын.

Сэлэмэ хокто транспортын кэтэмэмэ коллегиял, ревкомил элэдэнэдитын сот сукчавча. Би специально-илва комиссарилва иливнгат бисим, эситкэн порядоква одярилва, коллегиял муссэдерэктын-мэл. Комиссарил кэтэвэ паровозилва бидеридутын бакадяра, тарил коллегиял бисивэтын эсилвэ сарэ. Ичулин ичэвкэнэн, тырганиду дюгули Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва дяпкуна, кэтэтмэрье поездыла унгденгэ.

Эси Царицынду поездылва умунупкинмэ хавалдым. Надаллали „бурдуктыва надаллава“ силбадян, умнэт миллионмаюе пудэлэ бурдукья унгденгэвун...

... Городтула Бакула силбамнива унгим, эрил тырганилду югтула сурудем. Товарвэ дюгэлдынду уполномоченной... эси-тырга арестуивдянган казеннаит товарит коичиндуливи“.

III

Салон-вагондун, иду-нун, тэгэмкирду, стóлилду, торгал, сэлэл, усил, бумагэчил папкал, чэмэл чурбургартын, газетал, нгалэт дукувчал бумагал хуклэдечэтын. Нивчэ окошко дагадун тыпима стол чагидадун машинат печатаимни тэгэтчэчэн, нунганнгилин нэмкур умэкэчэрин шрифтту хуклэдэчэтын. Окошко чагидадун дучамат тэсивчэ вокзалды харан бичэн чагидакандун рельсал бакалдыдичатын. Эчэ игды биси умунтэгин дылган сэгдэннэн чагидали, эр конгномот мазутыт унгувчэвэ, рельсилди игравчавэ харанма дялупкидягса бичэн.

Сталин диктуйдячан:

„Амакан итыгадавун, Москвала дянмэ миллионилва пудэлвэ бурдукилва, дянэ-вэл тысячала мурира, мачалэлэ, сунюривэ унгдэвун, мундулэ унгивкэ... 75 миллионила мэнгурэ; авадыптыкира товарила иландяр нюгун миллионилду рублилду: вилалэ, сукэлэ, хэлэптырэ, болтылэ, гайкала, учивурэ, окошкыдыла стеклола, тыгэлэ, чукава хонгнивура, тадук хадылэтын, заклепкала, мурумэе шинадые сэлэе, лобогрейкала, каткила, спичкала, муридыл усил хадылэтын, унтала, ситецье, трикоё, коленкорья, бязе, мадеполамье, нансукья, грисбонья, частичье, сатина, шевьетье, маринья асая, гвардейская сукное, авадыптыкира нечуксэлэ, заготовкала, чайе, чукава хонгнингкила, чэмэлвэ путэвурэ, конгила, плугилэ, потала, брензентала, галошала, дэвэксэлэ, лакила, тавидыла, молдодерила хаваливура, ирэгэлэ, карболадыа кислотая, скапидарье, содае...“

Нунган, диктуйдяна, стеннограммалва хукусиндячан. Эрил тырганилду Царицынду упкат халгардувар иливувчал бичэтын. Партияды конференция профессиональной союз съездын, заводтыл комитетыл конференциятын, чрезвычайнаил собраниял массовоилнун организациялнун; митингил нгэнэдечэтын энэл дэрумкичэрэ. Царицынма элбэчин, эрдэлэ умукинги царицынги делон (итын) бичэгэчинин биксэ, эситкэн упкаты Советты республика элбэчиндулэн угиривчэ бичэн.

Сталиннгили вагондулин тысячал илэл нгэнэвэтчэчэтын, тар соткува темава тылденэл. Нямадил партиядыл, советтыл учреждениял, мэмэбилнунмэр логическайва уилдынэвэ бакалдычатын. Партия нямадил членилин, канцеляриядылду столицду махоркат лупумнэк дамгатывчалду, хавалдячал (тарил тангугтын тун-

нгадук дяндула гэлэвдирил столиц учреждениялду тангудуктын кэтэтмэр бичэтын) бумагадылдук волокиталдук этычивчэл бичэтын, заводылдула, деревнялдула агитациядыла хавала унгивчэл бичэтын.

Омакта тема суроваит, тыливгэнди идечэн; Царицынма элбэчин упкатули фронттули эмэсин бингэтын, Воронежская губерния севердукин Сальскаймактула агландула. Бурдукты монополия маннит нгэнэвувунин бингэтын. Мучунду бегадун дюрэ миллионила пудэлэ бурдукья Москваду, Питерду бунгэтын.

Мевул митингил заводылду, город дяпкалдун олла. Хавамнил тылчэтын нунгардугтын бувчэвэ ответственностьва упкачин дуннэ бинидун, иду-нун революциял дукувчал бичэтын, упкатыва республиканнгива омачинма дысутчари. Эр ответственность биниду овча бисикин, тэлиннгэ бурдука кэнгулит униечин этэвденгэн. Колобово пайду буллэктын, фунт калтакаван карточкаду, тэли хавамнил гунчэтын: дэкилдыдяп...

IV

Тыргалдяракин Сталин арсеналдула сурурэн. Подвалдула (гулэ хэргидэлэн) эвчэлэви, дягдамал авсал, нгалэдыл гранатал пирамидалтын сигдылэлитын гиркуктадячан. Этыркэчэн, арсеналвэ этэетчэри, эчэн элэли савканэ—ады орудиел эду бисивэтын: усэл, капувчал, сэмтучэл, эвкил пэктырудерэ, элэ иргитэнэгит тангуя ачинди, эмэввэчивдечэтын.

Арсеналдук Сталин орудиелва, машиналва одярила заводылдула суручэн. Нунган, цехилвэ нгэнэчэлэви, хавамнил, нунганман тагми, завод тулигидэдун умунуптэктын, грузовиктулэ туктыкса, гунэн:

— Гиркил, республика опасностьту бидерэн...

Мит булэнтыхивэр сот эмэнчэнгэтылты, митту илэтыкин мэнгиви энгэсиви дяра энгэсир бингэтын, давдыдавэр. Умукэмэт илэ энгэтын дарила эмэнмурэ... Турэриктэт бэлэгэ адыкан... Упкат, хулукундук хэгдылэ, пэктырэвурэ гангатыл. Хаваливка, гетыкин хавалкиттутын пэктырэвун, тэвуричи бинэ, илиттан. Пролетариат упкачин итыгача, пэктырэвучи бингэтын. Мит, пэктырэвучил бидэвэр, эр пэктырэвурвэ итыгангатыт. Митту бронепоездыл, броневикил, пушкал гэлэвдерэ. Би эсикэкэн арсеналду тысячалвэ капумчалвэ пэктырэвурвэ ичэчэв, нунгарватын амакан аюсивка...

— Эмэсиннгэт, гирки Сталин, — хавамнил нунгантыкин гунэ.

Дылача, энэ эвунчэдерэ, конгномово дуннэвэ, сэлэмэлли играрди игравчавэ, сот хэгулгидечэн. Машинат печатайдяри дялангал умукэчэрин клавиатуради конгкодэчотын. Сталин хата диктуйдячан:

„...Вопросва упкатава военнайва нуннгигэвэ дюгэлдывуна дярин эмэрит иливувка... Кэтэл штабил (дыгин штабил) фронтва эрунгдерэ. Фронт упкачин бинин эчэ тыливгэн биси. Элэ унгивчэл военнаил савкал (унтала омнил) эсит тыливгэн, ембут, мевана ачинди хавалдяра. Хэлинэ, сола мерала ачирди сэлэмэвэ хоктово энги дялдатчэрэ этэетгэвэр; энги дялдатчэрэ, дептылэлвэ этэнэе ачинди унгдедэтын...

Комендант ирэн, тогоду бучивчагэчин илэ; симуладенэ столду телеграммава нэрэн. Телеграмма поездук, Москвала дюрдяр туннгава бурдуктаилва вагонилва, иланма олговчол оллотоилва вагонилва нгэнэвдеридук, унгивчэ бичэн.

„...Долбо дюрду часилду дялулдыкитту, станция Филоново дагадун, митнги поездыт сэлэмэдук хокто-

дук дариски хэтэкэнэн, пироксилиноваил шашкал казакилди нэвчэл бисидуктын. Эду-дэ казакил поездва пэктырулчэтын. Митнгил пулеметылты бисидитын казакил туксачатын, халтын вавчал бичэтын. Эду бутырганива упкатван илитчавун, долбо часки суручэвун. Станция чагидадун дянилиду верстаду иливчал бичэвун, казакил нян эмэнчэчэтын. Пэктырумэчин долболтононила надандула бичэн. Тадук часки суручэвун. Дялулдыкитту, Поворино эвгидэдун, сэлэмэ хокто иланду версталду сувивча бичэн. Казакил иртыкитэнэдук дялулдыкитва, митнгивэ поездва мурукэчэтын (хакучатын). Пэктырунмэчин долбонидук умукэндук частук, тыманила дянурукэндулэ часилдула бичэн. Эду бу дыгиллэвэ илитчавун, сэлэмэвэ хоктово такусчавун, эр амардукин часки суручэвун. Мунду дюр вавчал, надан аракукан гоёвуннгивчал. Дялдатчэдерэв тэвуэ Москвала аят исивдавэр...

Сталин телефонди комендантвэ эрирэн. Комендант симуладенэ уркэду ичэвуллэн.

— Адыва поездылва унгис эси-тырга?

— Иланма поездылва бурдук чэмэтэйлвэ.

— Адыва унгденгэл бисис?

— Долбони дулиндулан нян илана.

— Этээнмэ энгэсингивкэ (кангкингивка). Поездтыкинду платформая шпалалнун, рельсалнун уилдыкэллу.

— Туги бигин!

Комендант симумат сурурэн.

Сталин машинат печатайдярива тынэн, тэгэрэн дукувурва дукудави. Нунган Кавказтылва, Дулин Азиядыва делолва (итылва) хивиндячан. Нунган Степан Шаумяндү дукудячан:

„... Закавказье впростун митнги упкаты полити-

кат эргэчин бидерэн; немецилвэ официалнаит признаивкандат грузиядыва, армениядыва, азербайджандыва вопросилва мэннгилдивун вопросилдивун Россия дярин; эрил вопросилва разрешениеду немецил энгэтытын эя-вал гундерэ. Эр тарит мит эчэлты признавайдерэ Грузия независимостьван, Германият признаичивчавэ ...

... Сот упкаттук сундук эетчэрэв, Туркестанду бэлэдэсун (пэктырэвурди, илэлди); англичанисал, Бухарали, Афганистандули элэдэдерэ Туркестанду эрупчут эвидэвэр (эрунгдэвэр)...“

V

Сталин мэндуви военнайва гулдымэткитвэ оран. Армия организациядун хата экунма-вал онгат бичэн: дыгинмэ Царицындылва штабилва ачиннгивка бичэн, тариклатын умукэнэ военнайва советва овка бичэн. Сталин эргэчинмэ решениева Москвала телеграфируйчан, военнай совет туннгава членилван бакакса: мэнми, Москалевва, Ворошиловва, штаб политической комиссарван, Тритовскайва, военнайва савкавэ, иргэчивэ, саривэ, эчэвэ хэгдыкэчиктэ биси, армеец бичэлдук илэвэ.

Хэгдытку военнай совет симулалчан, адыва-да тырганилва симулакса, савканэн дэкилдынави, Царицынду военнай совет игыувдан. Эми-вал савканэн дялви совет элэ иландук членилдук овча бингэтын: Сталиндук, Москалевдук, военнайдук савкадук Ковалевскийдук.

Таргачин решение Троцкийдук нгунгнэ предательство бичэн. Тэли Сталин, муссэденэ, энэ опровергайдерэ, хата умукэнмэ организационнайва гирактава

оран; Чрезвычайнай комиссия хэгдыгудун ипкэрэн, Носовичва, Ковалевскийва, Чебышевва арестуйдан, нунгарнгиватын упкатван штабвэтын ханнгуктадан. Тарил тырганилду, Мамонтов батареилин фронтва соматат пэктырунди мурукэрэ, берлиндылди конгномолди сукнэлди аят тэтычэдерил казактыл полкил туксугэчин окопилду ора.

Ковалевский, Чебышев, Сухотин, Лохматов, Кремнев амаргудитын, ады-да часил илтэчэтын, инженер Алексеев дюктэунми хутэлнунми, арестуивчал бичэтын, ханнгуктавчал бичэтын, признайчалавэр пэктырувчэл бичэтын.

Генералвэ Носовичва Троцкий айран, нунганман аресттук тыниксэ, Балашовдула унгиксэ. Таду Носович хата дюрвэ бегалва эрунгдечэн. Амакан нунган, омактадук аресттук нгэлэтчэнэ, Добровольческой армия фронттулин нгэнэрэн, Деникинду упкатва улгучэнэн.

Военнай совет илидин члендин Ковалевский бидектун Ворошилов бакавча бичэн.

Мамонтов хэгдыткулви энгэсилви Царицынма хуски умунупкидечэн. Нунган магистралдули иктудечэн, илтэчэду бегаду Ворошилов эшелонилин нгэнэнэлитын.

Кусин ге надалла мудандун Коммунисты тадук, Морозовско-донецкай дивизиял дэрүлчэтын, хэлэкэл абулитчачатын.

Усэкэл, патронил, Ворошилов эшелонилдин эмэувчэл, манавулчатын. Хэгдыгу военнай совет, пэктырэвурэ, усэкэлэ Царицындула хэлинди унгдэтын, эетчэлэтын, савканэн, пэктырэвур, усэкэл Москвадук унгивденгэл бивкил, эчинду усэлвэ, абуличивдярил кусимнил тангуватын силбарактын, военнай идэгэ

Царицынду бисивэн, тадук нонон овчалвэ расходыл-ва силбарактын.

Сталин Москва Пархоменкова унгэн, хэгдыгудук военнайдук советтук пэктывэрэ, усэкэлвэ тагдусиндан, тадук тэлингэ Царицындула эмэвдэн.

Станицадук Нижнечирскайдук сурувкэ бичэн. Хуламал дегингулэ Дон угулэн анавчатын. Тыгдылэн булэнду бувчэ бичэн. Калачтук суручэтын. Царицындула тырганиду-да долбониду-да поездыл эмэденгкитын, гоёвунгивчалди дялупкивчал бинэл.

Кетара Музгаду Коммунистты дивизия аяткул полкилин дулиндуквар кусимнилдуквар кэтэмэрвэ вавчалди эмэнэ, Лукаш сот гоёвунгивча бичэн. Сэксэти эенденэ, кэсэчэ Хулама армия элэ бронепоездылдиви мэнми айдячан. Сомат пэктывуденэл, кэтэмэмэвэ хэлэкэлвэ Мамонтов илэлвэн амасикласинчатын. Снарядыл абулитчангкитын. Муртаил булэсэл, энгэнимэмэт эмэсинчэденэл, эденгэт бокивра городтула акчудячатын.

Царицынду пушкар пэктывундуктын стеклол даргидячатын. Упкат, городту бидерил, город дяпкадун хэлинди окопилва улэдечэтын, Сталин окопилду бичэн. Тала нунгандулан телеграммава эмэврэ, гэлэдеривэ, эсингэ революционнайва советва югыду фронтту итывудан, комиссарил оперативнаилва делолва (итылва) эдэтын олгаттэ, штабвэ Козловту одан.

Тар-да часту город дяпкадун бисиду гулэкэнду военнай совет умунупчэн, Лениндула, Центральной комитеттулэ телеграмма унгивчэ бичэн:

„Хэгдытку военнай совет Троцкий ипкэчинмэн садерэн-нгу, эдерэн-нгу? Троцкий телеграфты ипкэчинин упкатва фронтва сукчадыран, югту упкаттыва

революционнайва делова (итыва) ачингидянга, тарит тар ипкэчинмэн югы фронт военнай совет эдэнгэ дялупкира“.

Сталин окопилдук эчэн ювэттэ, тадук нунгидечэн, хэлэкэлвэ кусимнилвэ унгдэтын, усэкэлвэ эмэвдэтын, омактатаилва унгдэтын. Ворошилов окопула микчанэн. Нунган броневикту дюлэгудук фронттук мучуран. Нунган упкачин нянгячи бичэн, машинадыт умуптынди умувчэ бичэн. Нунган симуладенэ Сталинма ичэтчэчэн, хэджурин силгиндечэтын.

— Коля Руднев вавча, — гунэн, минутава симуладенэ илитчачан. — Патронил ачир... Кусидерэв элэ гидалдивар... Вавчал кэтэмэмэ... Кэ, дюлигидэлэ сурум...

Нунган окоптук юрэн. Броневикту (омактала пулеметтыла дискала гэннэчэду) тэгэрэн, тадук хуктывусинэн.

Мамонтов илэлин элэвэр энгэситвэр городтула исседерэктын, тэли хавамнилдук, город дяпкадун бидерилдук, омактат итывувча Новоникольскай полк нунгарватын хуски нгэнэлчэн. Сталин нунгартыкитын адыканмэ турэрвэ гунчэн, нунгартын суручэтын, энэл пэктывэрэнэ. Дюлэлитын нгэнэдери бронепоезд сот пэктывундиви хоктоётын тэсидечэн. Новоникольскаил, булэн окопилдулан исиксал, гидалдивар туксанчэрэ. Мамонтов кусимнилин эчэл алаттэ, омактал энгэсил эмэденгэвэтын, олоро тадук амасикласинэ. Нунгарватын мэргилтын казакилтын арчара, тадук токтолло, амасикласиндерилвэ. Бронепоезд тадук батареял, город дагадун илитчарил, пэктывундитын эрил-дэ булэсэл манавчал бичэтын. Багдамал городтула элэвэр энгэситвэр акчудянатын этыргэрэн. Туги кэтэрэ бив-

ки, нунгарватын хуски омакталва энгэсйлвэ экнэнтын сарэ нгэнэврэктын. Багдамал, дегдылчэлгэчир бинэл, Царицындук хэтэкэнэ. Мамонтов хэлэкэлвэ бэлэгэлвэ унгчэн. Нунгарватын олдонгидитын Громославскай полк сот иктэрэн. Багдамал Кетара Музга часкин амасикласинчатын. Тэли нунгарватын, упкатватын ху-тукаван, хата тыматнэ давдыяригачинма, мамонтов-дыва армиява долболтоно-до сукчавчавэ, бирала Дон-дула нодарэн.

„Царицынгиду районду советтыл войсколин эмэ-нчэтын давдыран... Булэн сот давдача, Дон часкин нодавча. Царицын бинин манни. Эмэнчэвун хата нгэнэдерэн.

Тэгэды комиссар Сталин“.

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

БУ АЯВДЕРЭВ

Бу аявдерэв
Дуннэевэр мэннгиевэр
Советъянгит дуннэевэн.

Социализм овдярин—
Дуннээнгит митнгиенги,
Митнгиенги дуннээнгит—
Сталиннги дуннээнгин.

Бу аявдерэв
Мэннгиевэр Сталинмар—
Тэгээлвэр бинилвэтын.

Социализм овдярин—
Дуннээнгит митнгиенгит,
Митнгиенгит дуннээнгит—
Сталиннги дуннээнгин.

Бу аявдерэв
Дуннээнгит баянъяван
Геройдыва дуннэевэр.

Социализм овдярин—
Дуннэнгит митниенгит,
Митнгиенги дуннэенгит—
Сталиннги дуннэнгин.

Бу аявдерэв
Алтамалва питомецилван
Сталиндыду эпохадун.

Социализм овдярин—
Митнгиенги дуннэенгит.
Митнгиенги дуннэенгит—
Сталиннги дуннэенгин.

НИКИТА САХАРОВ

МИТНГИ СТАЛИНТЫ

Эвэнкиел агиду
Нёрамниват Сталинмат давладерэ.
Атыркакур, этыркэкур Лениннги
Партия нунгнимнивэн ичэмурэ.

Нунган нунгнигэдин аямала
Биниелэ эвэнкиел эмэчэтын,
Марду, гороптылду сигиялду
Колхозилва одяяра.

Гиркиакун Сталинкун Москваду
Тэгэлдуви биниетын дялдатчэрэн,
Нунган мэннгилдуви тэгэлдуви
Тырганитыкин нунгнидерэн.

Дёломоду Кремльду великай
Тэгэекун вождьян хавалдыран,
Упкат тэгэл бинилвэтын
Нунган ичэтчэрэн, долдыдыран.

Сталинты хоктоёлин
Нгэриелэ биниелэ нгэнэдегэт.
Гиркиакун Сталинкун гэрбивэн
Угиелэ дэгивдегэт.

СМОЛЬНЫЙ

(Улгур)

I

Дяннадыду ноябрьду гургактачи, зипунчи, валенкачи крестьянин Смольный комендантскайдулан эмэрэн. Комендант хангуктаракин: „Эя гэлэденни?“ — нунган гунэн:

— Начальниктула.

— Авадыл эду синду начальникил? Аямамат гукэл!

— Би председательдула.

— Ами, синду экуна? Си деревнядук?

— Би, деревнядук. Псковскай бисим.

— Кэ, экун-ка?

— Би Ленинун улгучэмэттэви эмэм. Нгэнэвкэл нунгантыкин, бэе!

Комендант инектэллэн:

— Синду эда Ленинтыки?

— Авадыл эду сунду строгостил. Илэ, эда, экундула!

Нгэнэвутэнни-гу, этэнни-гу?

— Эчэ, ами, этэм нгэнэврэ! Ленинду синмэклэ эчэ биси, кирээнгин ачин. Си минду тэдэвкэл, авады синги делос? Мит Ленин ачинди одянгал бинэрэп. Тэгэкэл!

Крестьянин тэгэрэн. Комендант нунгандун папироскава бурэн, чайва чайтивкачиттэн.

Долбортононор, дяпки час бичэн, комендантскайду хавамнил дэрумкидечэтын. Крестьянин химиктэтэйвэ хуювувчэвэ мувэ умнан, мурэливи ичэсинэн, тадук тыкулчагэчин гунэн:

— Эксэрилэ ачинди бидес!

Комендант инемусинчэрэн. Крестьянин тыкуллан:

— Си экэл иневунтэрэ! Би нюнгундярвэ анганилва эксэринун бидечэв.

— Кэ, экун-ка? Сэвдепчу бичэс?

— Упкачин бичэн. Эчэв инедерэ!

— Кэ, авады эду инен, сонгодёми элэкин бичэн! Туги? Тэде?

— Тар тэде! Они-валка эри туги: хадун эксэринун, хадун хитэмэт эксэрие ачинди? Ленин тыливкэвэ бугин. Нгэнэвкэл, бэе!

— Кэ, инемупчу-дэ бисинни, си, ами! Ленинтыки эргэчингмэлнунми хитэнгкэрнунми! Эр-кэ экун-ка!

— Эчэс нгэнэвдерэ?

— Экундули-да!

— Ичэмурэкив нунганман? Тарласа нгэнэвденгэ?

— Эчэ, няни.

— Би-кэ нунгантыкин спасибо гундэви эеттэкив? Эсалвав нирэн!

— Умукэгдэнгивэ синнгилвэ эчэ нирэ, миннгил няни эсалви аят ичэдерэ. Биктэкэл городту—Ленинмэ ичэденгэс!

— Би энгнэм биктэдерэ, бэе. Миннги асив тифит энудерэн. Помещиква эситкэн дегдычэвун. Наташка богомолиедук мучуран, „Бог эчалин-да бисин“, гундерэн мунтыки. Ленинун ичэтчэмудем. Нунган гунденгэн—би тэдеденгэв.

— Хитэн ами! Минду-дэ кирэ ачин, синнун улгу-

чэмэтчэдэв. Сурукэл тала, коридордули депкэл силэе, чупае тадук асинкэл.

— Илэ би хуклэсинденгэв?

— Минтыки эмэрэкис, би синду дукувуна общежитиела буденгэв. Тыми дюлави нгэнэкэл. Эчэ ая биси энундеривэ асиви умукэндэв эмэндэви.

— Эчэ ая биси. Букэл дамгатыдав!

— Дамгатыкал! Сагды, эргэчин тэнэк! Эксэрилэнэчэн. Мит тыкин эксэри ачиндин хавалдянгат. Хозяйствос авады?

— Миннги дюв, нгинакинми, курицав туксактавки. Мачалэ бичэн. Таракасал биси. Эду городту экинми бидерэн.

Крестьянин нян стакан чайвэ умнан комендант-скайду телефон кингилбуллан, конгакта олдонду кингилбуран. Комендант хэтэкэнэн:

— Тэгэткэл, би эситкэн! — гунэн крестьянинтыки тадук коридордула юрэн.

Ленин туктывунмэ эвдечэн. Нунган тугэрдыт тэтывувчэ бичэн, нгалэлин кунггун кармандун сунгтапчут дывчэл, хэмурдун аят хавалчанги илэнги инемусинин ичэвдечэн. Ленин, омологигачин, химат нгэнэдечэн, амардукин Луначарский, Урицкий аран-аран боколтудячатын.

Ленин иллан, дылви угиррэн, тадук игдыт гунэн:

— Анатолий Васильевич! Хэлисинчэкэл! Гирки Урицкий!

Нэктэкун, албин мирэчи Урицкий ге оёлто площадкадукин химат эврэн, тадук пенсневи, конгномот иэт хакувчавэ (дегусивчавэ) тэтчэнэ, Ленин амардукин нгэнэсинэн. Комендант уркэ дагадун иллан, нгалэви авундулави дагамаврэн, дороворан. Ленин иллан,

комендантства ичэсинэн, сэвдепчут инемусинэн, тадук игдыт гунэн:

— Ая долболтоно, гирки комендант! Кэ, они хунат? Аяллан?

Комендант хикэррэн, дэрэви чэрбэрэвуттэн, тадук коридордули ичэсинденэ, Ленинтыки энэ ичэтчэрэ, гунэн:

— Эри эчэ минду биси. Эри си этэечимни хунатканман хангуктанни?

— Кэ-кэ, этэечимни хунатканман, савдерэн!

— Ачин оран, гирки Ленин.

Ленин красногвардеецтыки ичэсинэн, мэнин гиратала дариски адагаран, тадук нгунгнэвувчэт, анигут нгалэтиви кепкачивэ дяваран. Илэ чайникова, колобо мисиктэвэн [нгалидечан. Нунган олдондула каптырэрэн, энэ эрирэ, энэ хуримдяра тэгэдыл комиссарил Советтын нунгнимнивэн ичэтчэчэн.

— Бурэн гундес? Эри-кэ... — мэнтыкиви (мэмэткиви) эсит тыливрэ гунигсэ, Ленин вестибюлтыки ювкиттыки уркэткэ олдондиви нгэнэрэн. Комендант тулиски туксаран, эва-вал тэпкэрэн. Автомобиль эмэрэн, шофер уркэткэвэн нирэн. Нонон Ленин ирэн, амардукин бэлэмнилин. Комендант автомобиль удялин горово ичэтчэчэн, тадук эва-вал дёникса, мэнтыкиви туксаран. Крестьянин тэгэтчэчэн, хуювувчэвэ умдячан, тадук ичэтчэчэн, сагды гургактачи красногвардеец сэмтүвчэвэ наганма авдяриван.

— Кэ иду бичэс? — крестьянин коменданттук хангуктаран.

— Си эрэгэр тэгэтчэнни? Эри-вэл, ами, девкиттулэ нгэнэкэл, тадук асиндави хуклэсинкэл!

— Спасибо! Ленинма ичэвкэ. Этэнни тынэ?

Комендант чэрүлэдэнэ дукувунма продовольственнайдула отделдула дукудячан, эмэчэду гиркиду обеду талона будэтын, гэлэдэнэ. Комендант мангат дукудячан, унякачарин винтовкава, револьверва савкачал перочидук ручкадук аятмарит.

— Эри! — нунган гунэн, дукувунма крестьянинду буденэ.

— Дяннадыла комнаткала нгэнэкэл, таду синду упкатван одянгатын!

— Алтандыма си илэ! — крестьянин гунэн. Гевуктадуви би Наташкава эмэвденгэв. Нунган-кат Ленин гулэпчэндун биктэгин. Наташка — эчэ миннгэчин биси. Наташка Лениндула тынмувувки.

— Авады Наташка?

— Умун аси. Дялдадеми, нунган митту нунгнимнит одянган. Гэлэвдери аси, вывескалва тангивки. Колобоё минду буденгэтын?

Крестьянин комендантскайнгиа упкатва дыгинмэ онгасалван ичэсингэрэн, эринэн, тадук алтандыла илэлэ нгалэви бутчэнэ гунэн:

— Тыкэ бисикин, эксэринун хавалкал!

II

Ленин хавалдячан долбормокло. Гувулкэлин (чанчикилин) адыканди энудечэтын. Уммудячан, эми-вал графинду му ачин бичэн.

Ленин эмучэн унгдэви, чайвэ-гу мувэ-гу гэннэдэтын, нунган нгалэтиви насасона стол дагадун тэгэрэн.

Хэгдымэмэ, конгномо Смольный окнолин тулигидэлитын хуннгэ бичэн. Ламугит эдын моял гаралватын капудячан, гулэ дасиптындукин сукчавчанун ми-

сиктэнуин эвидечэн. Ленин дукудячан, долчундячан, инемусинчэдечэн, тадук нгиду-вэл хуримдячан. Ленин эсалин хэгдыл бичэтын, тарилду алтанды, ая тогокон окин-да дегдэденгкин.

Смольныйду аденгавэр омнгочол. Эду гороптыду, хэгдыду дюду хавалдячангил мевартын, дялилтын Ленинтыки эмэденгкитын. Хэгдымэмэ, мудана ачин Россия городылдун бидерил хавамнил, фронтту бидерил солдатыл мевасалтын, дялилтын туги-дэ Ленинтыки эмэденгкитын.

Хэгдыду делоду (итыду) хэгды, дяличи иргэ бичэн.

Смольный комендантын эчэ адерэ, телефонду нунгангин бэлэмнин этэедечэн; эчэн адерэ Хулама гвардия, эчэн адерэ икитту этэечимни. Ленин тэгэтчэнэ дукудячан. Тэгэдыл Комиссарил Советтын делолван (итылван) нунгнимни секретарьду диктуйдячан. Городту хактыраллан, электричество сивдечэн, умунду минутаду Смольныйду туги-дэ сиврэн.

Ленин иллан эсалви тэсирэн дегэнэн, тэлиннгэ нян тэгэрэн. Нгалэн перова, бумагава гэлэктэрэн. Женева, тадук хулукун операцияды комната аиткитту дёнмувулла. Фермер халганман минэдечэтын, умнэт того сивчэн. Хирург нгэлэллэн, операция дявавран. „Энундери буденгэ бимчэн“ — часки хирург гунчэн, эмивал упкачин аят илтэнчэн.

Эр-кэ эситкэн, минутадыду хактыраду, нгингил гиракталин коридордули ингнулчэлэтын, иду-вэл дагаду силгивдемэ улгучэмэчин долдывчалан, Ленин петроградтыва, советтывэ аиткитва дёнан, нунгангиван операциянгкитван, тадук хирургвэ, авадынги-вал хавамнинги, матроснги, крестьяниннги нивчэдери догуптынгилин дагадун бидеривэ.

„Дюгэзур лампочкал нунгардугын биси-гу?“ — гунчэрэн Ленин.

Олдонду хуклэдери ду бумагаду дукуран: „Аиткичил, идэгэл (инструментыл)“ тадук бумагава эвунки хэгдыт, саврит дукуран: „Ученаил девгэтын“. Эрил турэр хэргидэлитын дукунгкит играсинэн, тэгэмкин-дулэ онгканчанэн, кингис кнопказан тырэрэн.

Столду биси электричестводы лампочка сотмарит дегдэллэн. Эдын окноли иктудечэн.

III

Автомобиль силгиндечэн, бензинди кирупчут нгодячан, Ленинги дылин адыканди энудечэн. Нунган дэрудечэн, адыканэ адечан, хадун обедадан, кирэнгин ачин бингкин, эми-вал хавал кэтэ бичэтын. „Дуннэ авадыкан туриктан — хава“, — гунчэнгкин Ленин. „Авадытыкин минута — хава“, — нунган мэнигилви дэндяналви эсит долдывра гунэн.

Ленин нэнгэсинчэденэ тэгэтчэчэн, омкотови хониракса (мэнгирэвкэнихэ), инемусинчэденэ: упкат, Ленинмэ ичэчэл, эри нунгангиван свойствован, дэрэдун окиптыва инемусинмэн самэлкидячатын, нунган хавамнилнун улгучэмэчиллэкин, тадук лукавайва, ироническэйвэ инэнмэ самэлкидечатын, нунган меньшевикилнун сомат муссэмэттэкин. Эми-вал (эрэгэр), хава упкат минуталдун, урумкунду дэрумкитгу, улгучэмэкичилду лениннгилду эсалдун окин-да нгэри, няма биденгкин.

Городту болоргочин ингинипчу, улапкун погода бичэн, буливсипчу туксучи нянгня, улапкур дюл.

Автомобиль силгиндечэн. Умукэн силимкун нянгнячи улица сукчавсамнадун автомобиль ургэт ингнэргэрэн; эми-вал нгэнэвумни савкат нгалэдин эимкунди дэгисивран, тадук дулиндублин аят нгэнэрэн. Ленин уркэ дявалгандукин дяваран (ланггалиран), тадук сэвдепчут инемусинчэрэн. Нунган мэнигилдуви дялданэлдуви инемудечэн, нунган город дюлэптывэн ичэдечэн дуннэлвэ, мирвэ дюлэптывэтын ичэдечэн. Нунган эсалви нгалэтиви дастан, дялданэн городва асфальтыт, брусчаткат купуран; революционнай центр упкачин хоктолин автобусил, троллейбусил, велосипедыл нгэнэрэ; хавамнидыл районил балдыра (исэврэ) дюлтын деломол ора, асфальттули кунгакар туксадячатын, хавамнил нгэнэдечэтын, библиотекалду амарултал. Ленин автомобиль тыгдэ мулдин эптывувчэли окнолин ичэсинэн. Демучэл, тынгнэвчэл илэл нгоним амарултаын магазин уркэдукин танмудечан, хунгтулэ уллицала онганмаклан (муннукмаклан) матавдячан, тадук иду-вэл манавдячан. Ленин дэрэдукин инемусин адагаран. Нунган аят тэгэрэн хэвэрипчуду наннадыду тэгэчивунду, дылви угиррэн. Эми-вал дялданэдун няни ичэвуллэ удывчал (кэргэчил), аивукир хавамнидыл районил, кэтэ оёлточил гулэл — библиотекал. Ленин эрисинэн, нгэнэлдыдери секретарьтыкиви, гунэн:

— Дёнмукал минду: Горькийнун гунмэтнгэт! Дукукал!

Автомобиль оэлин иманаллан, тыгдэнун уркувувчэ бинэ; эдын энэ этэдерэ кугунэдечэн (явдадячан). Нгэнэлдылери Ленинтыки алатчэнэ ичэсингнэдечэн. Николаёвскайва вокзалва илтэнчэлэтын, идук-вэл завод нгонимкүратчэнэ кунисилин ингнурэн ге кунис

дыламкакунди, хэлинчэдэнэ дяврэн. Ленин долчунчиллан, эллэн эрирэ. Кунисил умнэкээт чэмургэрэ.

— Эсипты газета синду бисин? — ханнуктаран Ленин.

Секретарь нунгандун хуламат, чутумат дукувунди самэлживчавэ газетава бурэн. Ленин тангиллан.

Эри газета упкачин Ленинди дялупкивча бичэн. Упкат Лениндук нгэнэдечэн. Делон (итын) гороптыдук ноновчон, эси-дэ кусидыду хэгдымэмэду участокту дёкинмувдячан. Эр-кэ Сталин гэрбин, Орджоникидзенги, Дзержинскийнги — мэнгудыл дылил, хэгдыл мевасал.

Передовица (нонопты статья) хроника, мир упкачин мудасалдукин телеграммал, петроградтыл новостил, партиянги бидэ. Ленин делон (итын) упкатула игэсинчэдечэн. Кэтэмэмэ партиядыл, общественнаил, профсоюзнгил урувкичил, гулдымэткичил, митингил Ленин аямамат тангнан тадук дылитви луглиденэ: туги, аят, аямамат, элэкинди, мэнтыкиви гунденэ.

— Эмэрэп, — гунэн Ленин секретарин. Ленин газетава, аямамат чакиллан, пальтови кармандун (септун) дыденэ, эсигэркэн-дэ луптулиран нунганман, гурэксэ (нэптэликсэ) нгэнэлдыдеридуви бурэн.

— Элэксидерэ-гу газетал заводылду, воинскаилду (кусидылду) частилду? — ханнуктаран нунган, автомобильдук юденэ. Секретарь гунмучилчэ бичэн, нгалэдукин газета бурурэн, нунган нэнгэрэн гадави. Газета, эдымувуксэ, дариски дэгиллэн, гургактачи, тулупичи, борексамама авучи илэ халгарин хэрэлэтын дэгиллэн. Тар илэ, газетава дявакса, нунганман Ленинду бурэн.

— Владимир Ильич! — тэпкэсинэн нунган, урундукви эгэрэдэнэ. — Гирки Ленин! Газетаканмэ буринни!

Ленин инемусинчэрэн, газетава гаран, ичэсинчэрэн авучива илэвэ. „Би, иду-вэл нунганман ичэчэв! — гунчэрэн Ленин. — Эситкэн эду, Смольныйду“. Тадук уркэду илисинчакса долдыврит гунэн:

— Спасибо, гирки!

Тулупичи, гургактачи, хулама дэрэчи, эмэр эсачи илэ мэнгиви борексамава авунми луктан, нгалэви Ленинтыки насасоран, иливкандави некэдеригэчин, тэпкэсинэн, тадук дялладенэ чэрумэт гунэн:

— Спасибо, Владимир Ильич! Миннги бидэв гэлэврэкин, гакал! Спасибо! Эдук хэлэкэл турэрви ачир!

Ленин, гундери бэе дэрэлэн ичэтчэнэ, нгалэви нунгантыкин суннгичан.

... Горово илгимадячан Смольный уркэн дасиптынин хэрэдун гургактачи тулупичи, валенкачи бэе; горово ичэтчэчэн ховорипчува ханнганми, мэнгилви урумкурвэ, дырамилва унякачарви, горово экунмавал дялладечан, эва-вал урэмкидечэн, экунма-вал эринтэдечэн, дёмкудячан. Нунгантыкин кепкачи, сагды бэе пальточи бэеткэн дагамарэн, нгалэви дылтыкиви угиривуксэ, ханнуктаран:

— Эда си илгимадячани?

Гуннэвэн энэ алатчэрэ, гунэн:

— Экэл делоя ачинди илгимадяра! Нгэнэкэл, ами, элэ-гу тала-гу!

Борексама авучи илэ бэеткэнтыки дегиннгу эсатви баликтураан, ханнуктаран:

— Авады фамилияс?

— Фамилияв? — сокатчэнэ гунэн бэеткэн. — Фамилияв Нарумов. Эда синду?

— Дёндянгав! — аявденэ гунэн борексама авучи

бэе. — Ая фамилия! Си миннгивэ сакэл: Горькушин Иван Степаныч, Псковтук. Авгарат бикэл, гирки Нарумов!

Соткудук икиттук туктэлин уркэтки эвденэ, ама-скаки ичэсинэн тадук дылитви сурудери бэеткэн удыклан унгкероран:

— Бидэви экэл одёро, Нарумов!

Н. ОСТРОВСКИЙ

ОН УКЛАТ (СТАЛЬ) НЮРЭДЕЧЭН

(Роман хадын)

Тысяча егиньямадил дюрдяр дыгитын аннгани историяла игэсчэриви дюкэгэчинди хемурипчут саливкачан. Иманнат хувуннгэвчэвэ странава январь тыкулкакуттан (сот черкачилчан), тадук гедун аннгани дулиндун хигисэл, унгнял горомомово очатын.

Юго-западнаилду сэлэмэлду хоктолду (удякичилду) нгэнэкичил хувуннгэвдечэтын. Илэл утумэмэнун стихиянун нгорчадячатын. Иманнамалдула чурбукалдула, иманнава тэсивур стальноил пропеллерилтын лудурэ-дечэтын поездылду хоктоётын осчанал. Ингиндук, унгнядук дюкэпчэл телеграф проволокалин этымдечэ-тын, дяндюрдук линиялдук элэ хавалдячатын: Индо-европейскай телеграф, тадук нгунгнэды провод дюр линиялин.

Станцияду Шепетовкаду 1-ду, телеграф комнатадун илан аппаратыл, Морзе гэрбичил, эвкил этэдерэ дэру-нэ ачинма улгурвэр, тыливгэнмэ элэ савкаду сенду.

Телеграфистыл-асал—илмактал; элэкэсиптыдук тыр-ганидук хавалилнадуктын нунгардитын конгковчо лента нгонимин дюрдярдук километрлдук эчэ кэтэт-мэр биси. Тэли-дэ этыркэн, нунгарнунтын хавалдяча километрл иливатын нямадива конгкодёчон.

Нунган эвки нунгаргачиртын ленталва тангдьяра. Эвки хээви хоникадерэ ургэпчулвэ буквалва, турэрвэ дукудяна. Нунган бланкту турэн амардукин турэнмэ дукудяран долчундяна аппарат конгконман. Нунган долдындуливи тагдерэн: „Упкаттыки, упкаттыки, упкаттыки“.

Телеграфист дукудяна дялдуви гундерэн: „Нян циркуляр бинэн хувунгэлнун нгорчавкали“. Окошко чагидин унгня стеклола урулди иманнава нодудьяран. Телеграфист долдыран окошколи экун-мал конгодёригачинман, нунган эчэниксэ, эчэ-вэл бинэ ичэтмудерэ ингиндук стеклолду играчавэ адулаллан (аявуллан). Умукэмэт илэды нгалэ эчэ бимчэ ора эрэ нэмкүмэмэвэ играрвэ мол авданналгачирватын, тадук мол мэр-гэчирвэтын.

Эрэ ичэтчэми олгавча бинэ, нунган аппаратвэ этэрэн долчатчэми, окошкадук дариски алтыникса, ханнгалдиви лентави гаран, деливувчэлвэ турэрвэ тангдави.

Аппараттули гунмувдечэн:

„Дюрдьяр умукэнгидутын январьду нюнгунду часилду туннгадьярду минуталду...“

Телеграфист химат дукумалчаран тангивчавэ, тадук лентава нодаксэ нгалэлдиви дылви тургэнэ, долча-чиллан.

„Тынивэ Горкиду ачин оран...“ Телеграфист аракукан дукудячан. Окива нунган мэннгидуви индуви долчатча урувсипчулвэ, трагическаилва эрулвэ мэдэвкэлвэ нёгут тылингкин хунгтэдывэ эрувэ, кутува. Городу нунган этэчэн дялдатчэми экун гунмувдеривэн эчэлду этэврэ гуннэлду, нунгарватын элэ долдындиви дявадьячан, тадук энэ тылдэрэ бумагаду дукудячан, энэ содержаниеватын сарэ.

Эр эсикэкэн нги-вэл ачин оча, нгитки-вэл эрэ тыливкэндэрэ. Телеграфист омнгочо заголовокван „Упкаттыки, упкаттыки, упкаттыки“. Аппарат конгкодёчон „Владимир Ильич“, халканан конгкорвон буквалди дукудячан этыркэн-телеграфист. Нунган элкэт тэгэтчэчэн арамакан дэрукин бинэ. Иду-вэл авады-вал Владимир Ильич ачин оча нгиду-вэл нунган эси-тырга дукудяллан трагическаилва, турэрвэ, нги-вэл сонголдёнгон эрудукви (горядукви), нунган дярин эр упкачин хунгтэды, нунган даригит сипкичимни. Аппарат конгкодёчон точкалва, тирелва, тадук нян точкалва, нян тирелва. Нунган сарилдукви игилдук ноноптыва буквава оча, тадук бланкту дуку-ча, — тар бичэн „Л“. Амардукин нунган гева буквава ду-кура — „Е“, дарандун аямамат элэдэнэ дукура „Н“, дюрэ играсинэн, играсиктэл сигдылэлитын эсингэ нунгандулан бакалдывканэн „И“, тадук амаргуптыва буквава „Н“.

Аппарат паузава конгкоктодёчон телеграфист секунда дягидун ичэсиктэтви туринчэн дукувчадуви турэнду: ЛЕНИН.

Аппарат хата конгкодёчон. Энэ экситчэрэ сариви, гэрбивэ дёмак оран, дялин нян нунгандулан мучуран. Телеграфист нян умнэкэн ичэттэн амаргуптыва турэнмэ — „ЛЕНИН“. Экун? Ленин? Эсан ичэмуктун упкачин телеграмма дукурин ичэвуллэн. Телеграфист адыра-да листоквэ ичэтчэчэн, нунган иландьяр дюрвэ аннганилва хавалдьянми, элэкэс эчэ тэдерэ дукувчави.

Нунган илара хэлинди строкалва тангнан, эми-вал турэр муссэнди аламачэтын: „Ачин оча Владимир Ильич Ленин“. Этыркэн илмалчаран, спиральной

лента тумирвэн угиррэн, нунганман декэнчэллэн эсал-
диви. Дюр метричи полоска тэдевкэнэн энэвэн тэде-
дерэ! Нунган гиркилтыкиви бунингигэгинди дэрэтви
хоролисинан, тадук нунгартын долдыра нунгангиван
нгэлэлчэвэ тэпкэсинмэн:

— Ленин ачин оча!

Хэгдывэ утратава улгур аппаратнайдук нивчэли
уркэли лупэроран, южнай эдын химадин вокзалдули
дэгиктэллэн, иманнамала хувунгэлэ сучаран, хоктол-
дули стрелкалдули хороликталлан, хемурипчут, хува-
рит нивчэли, сэлэмэли депо уркэлин игэстэн.

Деподу элэкэсипты аюскит траншеян оёклон паро-
воз илитчачан, нунганман аитчачан эимкун аюсин
бригадан. Этыркэн Полентовский мэнэкэн угдусинан
траншеяла, мэннгиви паровозви хэргидэдун, ичэвкэт-
чээн слесарилтыки сукчакалва. Захар Брузжак Артем-
нун маркачалва колосникил переплетылватын нгу-
нгэнгдечэтын.

Нунган решеткава тыптургэ оёдун дявучадячан,
Артем халкан иктурдулэн тара нэтчэнэ.

Захар эрил аннганилду сагдача, эр инмучэдук хээдун
хоника сулапча, сечарин чэлкэчэл. Сэгдэннэн нюкчур-
гэчэ бичэн, доски халчалду эсалдун лунгур бичэн.

Нгэрипчули депо уркэлин илэ дерисоран, долбол-
тоноёлду (сиксэрду) ханярду халлэн (солипан). Сэлэвэ
иктур элэкэсиптывэ тэпкэсинмэ даста. Тадук илэ илэл-
дулэ исчалан, паровоз дагадун халкава угирчэ Артем,
энэ иктэрэ долчаттэн.

— Гиркил! Ленин ачин оча!

Халка аракукан мирэдукин хилбирочан, Артемнги
нгалэн игье ачинди тара дёломоло полдула мулту-
вран:

— Си эва гуинни?— Артемнги нгалэн нгэлэвсип-
чувэ улгурвэ эмэвчэ илэ кониксамадук, сундукин
эюргэгэчин, чавуранэн.

Тар илэ, иманнаравча бинэ, хануссадяна, эсит игды
биси дылгандиви часки гундечэн:

— Е-е, гиркил, Ленин ачин оча.

Илэ эсидукин тэпкэдерэ, Артем тыллэн нгэлэвсипчу
тэдевэн, тариннгаду ичэрэн илэ дэрэвэн: тар парткол-
лектив секретарин бичэн.

Траншеядук илэл юдечэтын, упкаттун симуладенэл
долчатчэчатын ачин онаван илэ, гэрбин упкаттун
мирду савривэ.

Воротаду, упкатва богисовканикса, паровоз кунил-
лан. Вокзал мудандун нунгандун ге, илитын дяврэн...
Тарил энгэсиллэ, хивинди дялуувчала эриндулэтын
электростанция гэенин игэснэн игдыпчу, чусирипчу,
шрапнель дэгригэчинин бинэ. Дыламит игит тарилва
дастан химат нгэнэри гудепчу „С“ — Киевдулэ суру-
дэви итыгача пассажирской поезд паровозин.

ГПУ агентын оловсипчудук богисоран. Нгунгнэды
хокто Шепетовка—Варшава Польской паровоз маши-
нистын, хивипчулва кунирва тагикса, минутава долча-
чикса, аракукан нгалэви угиррэн, тадук хэргиски куюр-
гэкэндук танчэллэн, кунисин дасиптынман ангаде-
ридук. Нунган садечан элэптыт кунидяриван, эр
машинаду эденгэви часки хавалдяра, эми-вал, нгалэн
эчэн мултувдяра куюргэдук, нунганин паровозин
кунинин купел дэпэмэлдук диванилдуктын нгэлэл-
чэлвэ польскаилва курьерилвэ, дипломатылва сэри-
вдэчэн.

Илэл дэпова дялупкира. Нунгартын упкаттули ур-
кэлдули игэсчэл бичэтын. Хэгдымэмэ здание (гулэ)

дялупчалан со чэрүмэ очан, тэли элэкэсиптыл турэр ингнулчэтын (ултанчатын).

Шенетовской партияды окружком секретарин гундечэн, холокто большевик Шарабрин.

— Гиркил! Мировой пролетариат вождин Ленин ачин оча. Тар партия дярин хэгдымэмэ сокорин, ачин оча илэ (бэе) большевиктыва партиява итывдяча иргитчэчэ, эденгэт аяралдыра булэсэлнун. Партия, класс вождин ачин орин, аяткулван пролетариат омолоилван дарасалдулат эридерэн.

Траурнай марш ингулэн, няматил бэел авурвар лукта, Артем-да, эр илтэчэлду дянтунгаду аннганилду эчэ сонгодёро, мэдэрэн илкурэчэвэ монгонми, энгэсил мирэлин богисора. Сэлэмэ хокто клубин стеналин эденгэсинчэл бичэтын тарбавэ кэтэвэ илэлвэ туринмурэ. Тулилэ со ингинипчу, дюр лирбимал асиктал икитту сингилгэнди тэтывувчэл бичэтын, эми-вал залду ханупчу бичэн хэкупчут илачивдяридук голландкадук (печьтук), нюнгун няматил илэл партколлектив траурнайду заседаниедун бидэчэ эриндуктын.

Залду мигдын, улгучэмэчир ачир бичэтын. Хэгдымэмэ мэргэ турэрвэ сичэ бичэн, илэл аракукан улгучэмэтчэчэтын. Кэтэ няматил илэл эсалдудын хэгдымэргэ ичэвун бичэн. Ламули судно экипажин, мэннгиви штурманми угэлди сурувувчэвэ, сокорчо, эдунунупчэгэчин бичэн.

Туги-дэ президиум столин чагидин мэргилвэр тэгэмкилвэр бюро членилин аракукан бакара. Тыпила Сиротенко аракукан угириснэн конгалбувунма, аракукан нунгандин кинггисоран, нян столду тара нэрэн. Эр элэкин бичэн залду чэрүмэ одан.

Эсиннгэ доклад этэвчэлэн, стол чагидин коллектив

отсекрин Сиротенко илан. Нунган гуннэн нгивэ-дэ эчэн одувканэ, тар необычайно-вал бисикин траурнайду заседаниеду. Сиротенко гунчэн:

— Оки-да хавамнил гэлэдерэ заседание, ичэттэн нунгарнгиватын заявлениеватын, дукувчавэ иландяр надандук гиркилдук.

Тадук нунган заявлениева тангнан:

„Станция Шепетовка, Юго-западной сэлэмэ хокто. Большевикил коммунисты партиятын сэлэмэ хоктодыду коллективтун.

Вождь ачин орин мунэ эрирэн большевикил дарасалдудатын, бу гэлэдерэв, эсиптыду заседаниеду мунэ ичэттэсун, тадук Ленин партиялан мунэ гадасун“.

Эр урумкукэр турэр амардуктын дюр хэргумэлтэл дукурил бичэтын.

Сиротенко нунгарватын тангдячан дукуртыкинду этэнгнэденэ, окиканэ-вэл секундала залду бидерил сарилвар гэрбилвэ дэндатын:

— Полентовский Станислав Зигмундович — паровозты машинист, иландяр аннганил производственной стажичи, — залдули аянгитчарил турэр ингнурэ (ултана).

— Корчагин Артем Андреевич — слесарь, дянадан аннганил производственной стажичи.

— Брузжак Захар Филиппович — паровозты машинист, дюрдяр умукэн аннганил производственной стажичи.

Ултан залду хэгдысодячан, илэ, стол дагадун илитчари часки фамилиялва гэрбитчэчэн. Зал долдыдячан железно-мазутнай племя кадровикилин гэрбилвэтын.

Залду чэрүмэ оран, нонопты илэ мэннгиви дукурви дукудяча столдула дагамарэкин.

Этыркэн Полентовский, мэннгиви биниви история-
ван улгучэндэнэ, албачан мангичадями элкэт бидэви.

— ... Эя-ка би нян гундем, гиркил? Хавамни илэ
бинин учэлэ авады бичэвэн, тар тыливгэн. Биденгкин
тырэвчэ бинэ, сагданкигдуви дэготчоно бунгкин.
Экун-ка, тэдэвэ гундем, революция очалан, би мэнми
этыркэнди тангичадячав. Дюганми (кэргэнми) мирэлвэв
тырэтчэчэн, би партияла хоктово деливчэв. Кусинду
окин-да энгкив булэнду бэлэрэ, туги-дэ кусинду энгкив
кэтэрэ биси.

Егиннямадил туннгидутын аннганиду варшавскаил-
ду аюскичилду забастовочнайду комитетту бичэв,
большевикилнун умукэнду нгэнэдечэв. Тэли илмакта
бичэв энгэсив-дэ бичэн элэкин. Эва илтэнчэвэ дэнтү-
дядям! Ильичнги ачин орин мевандулив минэ икчэчэ,
мит окин-нун мэргивэр гиркивэр, бэлэмнивэр сокор-
роп, миннги элэ-дэ ачир турэрви сагданкиндуливи!..
Нги-вэл гунигин гудейдымэрит, би эчэв турэтлэн
биси. Элэ умукэнмэ тэдэвүтчэм: минду большевикил-
нун умун хоктов, хунгтүтмэрит он-да эчэ биси.

Машинистнги чэлкэ дылин чимбусоран, ичэсиктэн
чэлкэлдук саримикталдукин энэ хуримдяра залдула
ичэтчэчэн, ичэсиктэтви алатчэчан, эя-вал гундэ-
тын.

Умукэн-дэ нгалэ эчэн угириврэ эр тыпимаканмэ,
чэлкэ дыличива илэвэ дариски нэдэви, тадук умукэ-
мэт голосованиеду эчэн туринмурэ, бюро эчэлдук
партияду биси гэлэдэрэкин, гундэтын мэннгивэр
турэнмэр.

Сталдук Полентовский коммунист бинэ сурудечэн.

Илэтыкин, залду биси, садечан, эситкэн эласа-да
эчэвэ биси бинивэ.

Эсикэкэн элэ, машинист бидечэдун, Артемнги
илган ичэвдечэн. Слесарь эчэн сарэ илэ-кэ нгони-
милви нгалэлви нэдэви, сечива авунми нгалэлдиви
мэнгидечэн (тырэтчэчэн). Кониксама дяпкалдуливи
сэмкэчэ урумкун полушубокин элтэлэдечэн, хунгама
солдатты гимнастеркан воротын дюрди меднаилди
имэннэптурди чакумат имэннэвувчэ бичэн, тарит
слесарь илган праздниккачинду бичэн. Артем залтыки
дэрэтви хоролисинан, эктатви сариви асadyва дэрэвэ
тагрэн: Галина, каменотеснги хутэн мэннгилнунми,
улликишту хавалдярилнун, тэгэтчэчэн. Нунган нунган-
тыкин прощайдеригачин инемусинэн, инемусиктэдун
кэнен бичэн, тадук нян экун-мал мудандула эчэ гун-
муврэ хуллисалдун даявча.

— Улгучэкэл мэннгиви биографияви, Артем! —
слесарь Сиротенко дылганман долдыран.

Корчагин сагдагу ургэпчүт нонолдöчон мэннгиви
улгурви, эчэн савка биси хэгдыду собраниеду гунде-
дэви. Эситкэн элэ мэдэрэн, эденгэви улгучэнэ упкат-
ван биниви. Турэрин ургэпчүт юдечэтын, тадук нян
ивдяпчу олгатчэчан гундэн. Нунган окин-да эчэн
мэнми эргэчинди мэдүчэрэ. Нунган аят садечан, ну-
нгангин бинин сот хунгтүпилчэвэн, нунган — Артем
эситкэн элэви гирактави одяран, индун нунгандун
бэлэдэнгэвэ.

— Бу эниндүвэр дыгин бичэвун, — ноноллон
Артем.

Залду чэрүмэ. Нюнгун нямадил бэл долчатчэрэ
гугдава мастеровойва, кираннги онгокточива, конг-
номол саримикталду даявчал эсачива.

— Энинмун господадуду дептылэнгимни (каларумни)
бичэн. Аминми арамакан дэнчадым, эниннунми нунган

упчулиденгкин. Нунган кэтэвэ умдянгкин. Бу энин-
нунмэр бидечэвун. Нунгандун ургэпчу бичэн тарбавэ
амнгалва улидэн. Господад нунгандун бегаду дыгинмэ
целковоилва дептылэтэй тамадянгкитын, унэптыдук
тыманидук долбодолон арканми мардянгкин. Би кутун
бичэв, ноноптыла таткиттула дюрвэ тугэнилвэ гирку-
дядави, тянгдядав, дукудядав минэ алагучатын, тадук
дягив аннганингив оракин-нун, эниндув хунгутумэр
юкичин ачин бичэн, минэ слесарнайдула хавалкит-
тула алагувдав нгэнэвдэн, хавалив тамана ачинди
иланду аннганилду—элэ девмэчирдули... Хавалкитту
нюнгэ бичэн немэц, Ферстер фамилиячи. Нунган баде-
чан минэ гадями хуюкундулив, эми-вал би хэгды
авгара бичэв, энинми минду дюрвэ аннганилва хавчан.
Эр немецту би иланма аннганилва бичэв. Минэ
эчэтын алагудяра, дюдылва хавалвэ хаваливканде-
нгкитын, тадук аракия гэлнэсивкэнденгкитын. Нунган
сот умдянгкин... Элмая, сэлэе гэннэсивкэнденгкин...
Нюнгэв асин минди кэлумэтэденгкин: би нунгандун
горшокилва угактадянгкив, картошкова тэсиденгкив.
Илэтыкин халгандиви хэкчистэви алатчэнгкин, хадун
тугмэ хитэклэ — савканатви: нюнгэв асидун дяликлан
эсикив ора, нунган, эдыви соктогдэрилин упкатва
тыкундянгкин, — иктэден минэ умнэ-гевдян дэрэлив.
Нунгандукин тулиски туксанингкив. Илэ сурудем,
нгитки улгучэндем. Энинми дыгиндяр километрил
чагидэдутын бидерэн, нунганнгиматын бикичин ачин...
Хавалкитту-да эчэ аятмар биси. Таду нюнгэв
акинин упкатту нунгидечэн. Тар харги аявунгкин
минди инектэвунтэдедэви. „Аливкал,—минду гунивки,—
тар шайбава“ — ичэвкэнивки дуннэтки оннганма,
сэлэвэ нюрэгиткит бисивэн. Би хэлинди шайбава

нгалэтви чавупчангнэм, нунган тара элэкэс тавичикса—
сэлэвэ нюрэгикиттук урисча. Дуннэду шайба конг-
номо ичэвдерэн, чавупчами—умукэчэрви уллэмэклэ
дегдыденгэс. Энудук тэпкэдерэкис, нунган хактанче-
девки. Энгимэмэ биврэ минду очан, би эниндулэви
туксачав. Эниндув минэ илэ-дэ нэкичин ачин бичэн.
Нунган минэ нян немецтулэ мучувчан, нгэнэвденэ
сонгодёчон. Илiduntын аннганиду асуканди слесарнайду
алагулчатын, часки хата минэ тэпудечэтын. Би нян
туксаним Староконстантиновтыки. Тар городту
колбаснайду мастерскаяду (колбасалва окитту) хава-
лилим, тала силукталва силкидяна ге калтакадук
хэлэкэвэ аннганил хавалим. Муннги нюнгэвун мэн-
нгиви окитъяви эвивунтэрэн, экуматъе дыгиндули
бегалдули мунду эчэн тамара, илэ-вэл туксачан. Туги
би таргачиндук бинидук ючэв. Поездту хуктывум
Жмеринкаду юм, хаваеви гэлэктэсиним. Умукэнду
деповскайду илэду спасибо, нунган минэ айчан. Ну-
нган тылчэн би слесарнайва хававэ асуканди-вал сари-
вав, миниклэ нэкуннгэчиниклэви начальстводук гэлэл-
чэн, минэ гадатын. Гугдалив минду дяннаданма ан-
нганилва тагчатын, би слесарь бэлэмнит хавалилчав.
Таду би егинмэ аннганилва хавалдячав. Эр туги
миннги учэлэпты бинив, эду бинивэв су упкат садерэс.

Артем хэеви авундиви тэсирэн, тадук сот сагоран.

Улгучэнгэт бичэн нян соткумамава, нунган дярин
ургэпчумэмэвэ. Нунган энэ алатчэрэ экуна-вал во-
просъе, саримикталви сот диптыкэкэсэ, часки улгурви
улгучэндечэн:

— Нгитыкин минэ ханнгуктадянга: эда би эчэв
большевикилнун биси того дегдэлнэдукин? Эя-ка би
эр турэнду гундем? Минду сагданкиндулав хата горо

эр би элэ эситкэн эртыки хоктоёви бакам. Эва-ка би эду сумэтчэдем? Бу эр хоктово деливчэвун, бу дян-дяпкидугын аннганиду, немецил хуски нгэнэденгэситын, нонолнготвун бичэвун. Жухрай, матрос, муннун кэтэрэ улгучэмэтчэчэн. Элэ дюрдягидугын би пэктырэвунмэ нгалэлдуви гачав. Упкачин дэмэрипчу этэврэкин, багдамалва (булэсэлвэ) Конгномоду ламуду нодуксал, бу амаски мучучавун. Эду дюганми (кэргэн), хутэл... Би дюганнунми билим. Эми-вал, гирки Ленин ачин очалан, партия эрилчэлэн, би, ичэчиксэ, мэннгиви инми тылим, экун нунгандун абулитчариван. Мэннгиви властьви элбэтчэми адыкун, Ленин бимнэдун упкатнун дюганнунми бивкэ, Советы власть сэлэмэгэчин ургэчин илитчадан. Мит большевикил онгатыт—митнги-ты партият?

Тыливгэнди, упкачидин тэденгитви, мэннгитви турэндиви ивдягиндяна слесарь этэрэн, мирэлдукви ургэвэ нодаригачин, гурумат илитчана вопросила алатчэчан.

— Нги-вэл ханнуктамудяран экуна-вал?—Сиротенко гунэн.

Илэл дарасэлтын самналла, эми-вал залдук эчэтын амакан гунэ.

Конгномо, кумикэннгэчин, кочегар паровоздук собраниела эмэчэ, эливденэ гунэн:

— Экунма нунгандукин ханнуктадявка? Мит нунганман эчэп-ку сарэ? Бугэт нунгандун путевкаян, эр упкачин!

Дырамкакун, хэкудук, мангичандук хутарача тавин Гиляка ингивчэт дылганди гунэн:

— Таргачин калтыртыки этэн хукэлисинэ, гирки мангапчу одянган. Голосуйкал, Сиротенко!

Амарила тэгэтчэрилдук комсомолецил умукэнтын иллан, хактырду эси ичэврэ, ханнуктаран:

— Гирки Корчагин гунигин, эда нунган дуннэвэ нэктэмни очан, крестьянство нунганман энэн-гу олгатчэрэ пролетарскайдук психологиядук.

Залду аракукан эсил аянгитчара дылгар долдывра, тадук нгинги-вэл дылган хуски гунэн.

— Гукэл, тыливгэнди! Бакача, иду юргинэдедэви... (хитэклэ гундэви).

Эми-вал Артем эр-дэ гундечэн:

— Эчэ, гирки. Эр омологи тэдевэ гундерэн нэктэмни онавав. Эр тэде, эми-вал эрит би хавамнидыва мэдэгэви эчэв сокорро. Туги бинив эсиптыдук тырганидук манавран. Кэргэннунми депола дагатмарит нулгидем, эду аятмар. Эр нэктэгэрдук минду ургэпчу.

Артемнги меванин нян умнэкэн богисоран, угиривчэлвэ кэтэвэ нгалэлвэ ичэтчэрэкин, тадук мэнми эюмкунди мэдучэдэнэ энэ сэгдэннэви мэрдэгчэрэ тэгэмкиндулэви сурурэн. Амарила Сиротенко долдыран нгингивэ дылганман:

— Упкат умукэннгэчин.

НИКИТА САХАРОВ

ЛЕНИН ЭВЭНКИЛНУН

Долбордыял тэгэекур
Сигиялду биденгкитын.
Урээлду, чэпкээлду,
Бэюерэ бэюденэл.

Сигиялду бираялдун
Эвэнкиел биденгкитын,
Ургэпчулвэ биниелвэ
Давлаурдивэр давлaденэл.

Сталиндыду биниеду
Омактаят биделиллэ.
Хавалдярил эвэнкиел
Сэвдепчует давлaдерэ.

Ленин гарпалин
Хоктокорвот нгэридевкил.
Ленин гарпалин
Дюлдулат идевкил.

Урээлдут Ленин,
Бираялдут — Ленин,
Уриkitтут — Ленин,
Эвэнкилнун Ленин.

МАТА

В. П. Малафьева: Тэли эрупчукэкун бичэн—кусин, бурдук эсин балдыра, эмадыл-да товарил ачир: рубашка-нгатъят-да идук-дэ эси униемэчиврэ очан. Керосина этэрэ дюгудерэ — хевува нулдякал.

Кулакил мэрнгиwэр гундечэтын: антихрист эмэчэн. Эми-вал, тэгэнги мэдэн-вэл эргэчин бичэн: кэ, эситкэн митту ингинипчу-дэ, демупчу-дэ, хактырапчу-да бисикин-мэл, советнги энгэсин мэннгиwи тэденгденгэн. Кусин этэчэлэн аят билденгэт.

Би эчэв дэнчадыра, экундук ноноули биркэ, упкат хаваналла: кэдинг, мэннгиwевэр нгэриевэр бакатыдяп. Сергей Курков мэнгурэ умивулан. Гил тэдечэл, мэрти нгэричил одянгавар, гил эчэл-дэ тэдедерэ.

Кулакил хитэклэ улэкмэ гундечэтын. Эми-вал бу мэннгиwэр орав. Сарайду машинава иливрав, дюлва тэпэмнэк проволокава суннгирэв: эситкэн городкачинду дегдэлденгэн. Эчэв дэнчадыра, нгидук эр нгэнэсиниркэ, турэчигдэллэ: „Ленин миттыки эмэдерэн“. „Он-ка? Ленин-мэнин?!“ Эр-кэ тыдивкэ эситкэн хунгту орав, нонон, асал нунганман тэгэмэргэчинмэ гундечэтын.

Гил тэдедечэтын, нунган миттыки эмэденгэwэн, гил инедечэтын:

— Таригдава алатчэкэл, Кишинола эмэдэн!

Эми-вал алатчэрэв. Мария Никитишна Кашкинадук дюван гарав, эми-вал ургэпчу бичэн, аюстав илэл дептылэлвэ дюгуллэ: ге курицава, ге яблоколва, ге имуксэвэ... Би студеньма иричэв. Хунгтул аракива иричэтын.

А. А. Ашмарин: Би дёнчадым нян уркэду лукилдывунма очавун, таду энгэсичивэ этыркэнмэ иливчавун — швейцарит учэлэ хавалдячавэ, — гунчэвун, нунган Лениндук кунггувэн, авунман гадан, городту овнагачинин.

В. П. Малафьева: Упкатва бэлэннэчэвун итыгачавун, упкатва иливчавун нунган эрэгэр ачин-да ачин. Умнэкэ-ет долдыдярав: машина эмедерэн.

А. А. Ашмарин: Умнэкэ-э-ки эчэ биси. Бу тулилэ илгимадячавун. Долдыдярав: деревня тар дугэдун кунгакар тэпкэллэ. Эр Ленин, машина уркэктэвэн никсэ, кунгакарвэ мэнтыкиви мамкадяран: „Иду, эду сунги электричестводы станциясун?“ Кунгакар: „Тэгэвкэл, бу синду ичэвкэндэнгэвун“. Нунган кэтэвэ кунгакарвэ машинаду тэвтычэ. Дагамарэ...

В. П. Малафьева: Нунганнунин умукэнду Надежда Константиновна Крупская юрэн. Эр-кэ швейцарвун дагамарэн тадук гундерэн: „Элэдэкэл, гирки Ленин“. Нунган гундерэн: „Эчэ, би мэнми кунггуви лукчам“. Эчэ мэндукви кунггуви лукивканэ, мэнин луктан.

Кэ, упкат нунгантыкин хивиндянал дагамарэ. Нунган арчамкадыт ичэтчэрэн, умукэтэнэтки ичэсингнэдерэн, умукэтэнэнун нгалэдукин дороводяран. Тэгэрэ. Упкат бэел туги-дэ тэгэрэ.

Элэкэсмэмэ, нунгандун аракива кундулэрэв, тамураткуду этэевдечэду матагачинду. Нунган чонгтоково

гаран, гунэн: „Хэкуси-гу, эсин-нгу?“ — „Эчэ, эчэ, Владимир Ильич, хмельвэ эчэвун нэрэ“. Умнан, гуркакталви авран: „Ая!“ Миннгивэ студеньмав нунгандун кундулэрэ. „Мисиктэ хэгды, — гунэн.“ Кэ, нунгантыкин упкат ичэтчэрэ, гэтыкин кэнедерэн: „Бэе, авады-ка нунган илэдымэ илэ! Аямама-да, обходительнай, улгучэлэн-дэ эетчэри!“

А. А. Ашмарин: Улгучэмэчинмэ би гунденгэв. Улгучэмэчир бичэтын бурдукты разверсткаван. Бэел унгилдыдечэтын: эчэвун савдерэ, асуна бурдукъя хозяйстводук гэлэденгэтын. Эрэ эсидукин савдерэ кэтэдыл нэктэкичилвэр асукангдяра. Савдери-вэл бисикин, аятмар бимчэ. Товарил ачир, спекулянтыл кэтэллэ, илэдук наннаван хигмудерэ, — эриклэ нян унгилдычэтын.

Таргачир-да бичэтын: нунгартын, упкатва булитчэрэ гунденэл: упкат аят нгэнэдерэн, гирки Ленин. Эри нунгандун эсин аявуврэ: би тэдевэ сангатыв, улэквэ энгэтыв. Нгунгнэптыкимэ гундерилвэ аява-да, эрувэ-дэ, нунган сот долчатчэчан.

Эду-дэ аямамат улгучэмэчиллэ. Нэктэмнэвэ, молодьбава, итылва ханнгуктачан. Тракторва, машинава улгучэнчэн: „машиналтыки эмэденгэт“ гундерэн. Тракторъя, молотилкая унгдэви тэручан. Эду хактыраллан, уездтук фотограф эмэчэн. Гундерэн: „Гирки Ленин, амакан хактыралдянган, минги омачинми синэ тэгэ-нунмэ снимайдав“. Упкат тулиски юрэ. Кунгакал туксугэчин умивувра. Упкат — этыркэсэл, бэеткэр, кунгакар Ленин дагадун тэгэдэвэр некэдерэ.

Снимаивуксал, митингдулэ нгэнэрэ. Кунгакар нунганман, мурэли илла, тэпкэдерэ явдадяра. Нунган инедерэн:

— Кэ, они? Эксэри закондун эситкэн алгудяра?
Кунгакар тэпкэдэрэ:

— Эситкэн эксэри законин ачин. Эксэри мэнин-дэ ачин эси. Эри попил, нгоним нюриктэчил эксэ-ривэ дялдачатын.

Ленин сотмарит инеллэн.

Митингду нунган урумкунди гунчэн: кусин этэв-денгэн, хуэлвэр бэгэдэденгэт, тадук дюлэски нгэ-нэсинденгэт. Омактат дуннэвэ нэктэлденгэт, омактат бидэвэ олдянгат.

Соткума, тар, крестьянисал хавамнилнун умукэнду бидэтын маннит дявалдыксал, хавамнил крестьянисал умунупинтын — тар энгэни энгэси. Тар энгэси упкатва давдыянган, упкатва одянган, итывдянган.

В. П. Малафьева: Упкатва дюлэски садечан: „Хава, — гундерэн, — эимкулденгэн“. Эри тэде-гу, эчэ-гу биси? Ленмэ-кэт гамками. Моктакарди, далбатчангкитын. Эси-ткэн машинал колхозилду бидерэ.

А. А. Ашмарин: Амакан нунган мунтыки тракто-рва, молотилкава унгчэн. Кэ, эчэн эстезе-кэт, челяба-кэт биси, фордзон бичэн. Тарласа хунгул ачир би-чэтын. Нэктэми-вэл бу тар тракторит нэктэлчэвун, гунчэдэнэл: „Митингиду нэктэкиттут машина элэкинэ ачин. Тыеду межникилнун эру нэктэдеми“.

Владимир Ильич садечан, бу межникилва хунгту-нгденгэ бисивэвун.

Трактор крестьянинигивэ дялван угирденгэн, учэ-лэпты бидэ ачингивууденган. Тракторва мунтыки унгденгэ одянгасиви, гунчэн: „Унгденгэв тадук мэнми умнэ-вэл сунтыки эмэктэденгэв“.

Бу нунганман алатчавун. Тадук эри оран, — долбол-тоно савкавунмэ гачавун: „Владимир Ильич ачин оран“

(бурэн). Хактырапчу бичэн. Общественнайду дюду илэл амарулта умивулла. Ивки, авунми лукивки, нэ-нгэвки:

— Ханук бэел тэде тар?

В. П. Малафьева: Асал умивувра. Халтын эчэл-дэ тэдедерэ. „Тар эчэ тэде бинэн? — нунган авгара би-чэн“. Экун тэде эчэ биси, Курков газетачи эмэ-чэлэн:

— Бурэн. Илдасун, гэлэдем!

Икэмудерэн, билган липкичэ, еду асал упкат со-нголло...

А. А. Ашмарин: Бу еду улгучэмэчиллэв:

— Бэелэ Москвала унгивкэ.

Сергей Курковва, Дмитрий Родисновва, унгдэвэр некэрэв.

Нунгартын сурурэ. Кулакилва дысутчэрил еду-дэ сипкутчэнэл гундерэ:

„Эй, эй, они-вал эситкэн Советнги энгэси эдэн сукчавра“. Кэ, еду-вэл илэл сот нунгарватын ты-кулла. „Улэккитчэс, паразитыл гадыл! Этэн эргэчин ора, Советнги энгэсин сукчавдан. Ленин бурэн тэдеды илэ нунганиклан хавалилдянган“. Бу тарласа энгкивун аят сарэ, гиркивэ Сталинма. Тэдедевчэвун-нун тарга-чин илэ бисивэн.

В. П. Малафьева: Кэ, уркутыя ачин оран. Эми-вал сомат олгатчэнгкитын. Эми-вал уркутыя ачинди оран, часки аятмарит нгэнэрэн, нгэнэрэн! Колхозтыла хоктоло юрэв. Эситкэн мунду няматидук хэлэкэ тракто-рил, молотилкал, трепалкал, мялкал биси... Породин-стайл мачалэчил бисилвун. Тарласа нунгандун ичэв-кэндэвэр экума-да ачин бичэн, элэ электричество нгэри-вэн ичэвкэнчэвун. Эситкэн — хунгту оран! Крестьяни-

салдук дэгиктэмнил, инженерил, аичимнил олла. Би туннга хутэчи бисим, упкат алагувдяра.

А. А. Ашмарин: Би мэнми улгучэнденгэв, нюнгун-дяр-нун аннганингичи бими-вэл. Би обязательствова бучэв, дянулумэ центнерилва ленма волокнова, тон-нава чэмэлвэ балдыдави. Учэлэ миндук инедемчэл: тэ-нэгилчэ бэе! Бикэнэ тукалава унгчэв, садатын авады-ка бинэн, экун абулдяран. Тадук рецептва гачав: гэлэ-вувдерэн суперфосфатге, фосфоритнай бурдукъя, калийдыя турукэе, хулэптэнэ, селитръя хавдав. Би упкатва бакачав. Путэдечэв эвунки. Полкава органи-зуйчав. Обязательстводукви хэлэкэвэ бучэв. Учэлэ колдунди гэрбимчэл. Эситкэн нги-дэ эвки гайканэ. Ленин тадук Сталин митнгивэ бидэвэт аямамат ора. Колхозты илэ упкатва одянга бисин.

ЛЕНИНДЫ ТЭДЕ

(Белоруссты нимнгакан)

Деревняду дюр нэкунэн бичэтын.

Дуннэвэ нэктэдечэтын, дуннэвэ инамуксалдивар унгкудечэтын, мэрдэргэдечэтын (мукэдытчэчэтын). Нунгарнгиватын колобонгмотын, мачалэлватын панил (баясал) гадянгкитын, тарилдули кэнгтырэли колтотвор тамадянгкитын.

Нэкунэсэл болгивдячатын умунду-дэ аннганиду, дюрду-дэ аннганилду, эчэ саврэ, асунду аннганилду. Мурэлитын бидерил крестьянисал эчэтын нунгардук-тын аятмарит бидерэ.

Нэкунэсэл хунгту илэ авгаран дярин хавалдядавэр энэйлчэл. Нунгартын Россия бугадун тэдее гэлэктэдэ-вэр некэллэ. Нгэнэсинэ. Бегава, аннганива нгэнэдерэ. Ичэдерэ: хэгды бикит бидерэн. Бикит дулиндун—пан (баян) дюн; эри дю дагадун дёломо эксэрирук (бугарук).

„Игэт эр дюла, хангуктагат, иду тэде бидери-вэн“,—гунчэдерэ нэкунэсэл.

Нунгартын деревняли нгэнэдерэ. Нунгартыкитын арчалдыптыки пан коляскат нгэнэдерэн.

— Нгингил бисиллун, иргит нгэнэдерэс, экуна гэлэктэдес?—пан нунгантыкин гунэ.

— Бу дёгорду, демуду, дюлакир бидечэвун, часки туги бидедэвун энгэсивун ачин оран. Тэдевэ гэлэктэ-дерэв. Пан алагукал иду тар тэдевэ бакадянга бисивэн.

— Ая,— гунэн пан,— би сунду тэдевэ ичэвкэндэнгэв. Ичэмувкил бисиксун, тали су минду умунду аннганиду хавалкаллу.

Нэкунэсэл дёкилдыра.

Хавалдячатын нунгартын, хавалдячатын: дуннэвэ нэктэдечэтын, дуннэвэ инамуксалдивар унгкудечэтын. Аннгани илтэнэн.

Пантыки эмэксэл, нэкунэсэл пантыки гунэ:

— Пан, мунэ алагукал, иду тэдевэ бакадавун.

— Кэ, эри сунду тэде,— пан нунгартыкитын гунэн,— су дюлакир, эчэл силкивра окин-да хавалдякаллу мунду, панилду!

Нэкунэсэл тумина, тадук часки нгэнэрэ.

Нгэнэдерэ бегава, нгэнэдерэ аннганива, бикиттулэ эмэдерэ. Поп арчалдыптыки эмэдерэн.

Нэкунэсэл нунгантыки гунэ:

— Алагукал, ами, иду тэдевэ бакадавун.

— Ая,— поп гунэн,— би сунду тэдевэ нянгядыдук эдендук нэнгэвденгэв, тали су минду аннганиду хавалкаллу.

Нэкунэсэл дёкилдыра. Хавалдячатын нунгартын, хавалдачатын: дуннэвэ нэктэдечэтын, дуннэвэ инамуксалдивар унгкудечэтын. Аннгани илтэнэн. Нэкунэсэл потпула эмэрэктын, поп нунгартыкитын гунэн:

— Хавалдякаллу аят, эксэриэвэ (сэвэкиэвэ) экэллу тыкунгира (ичэтмэинэ), эри сунги тэденгисун.

Нэкунэсэл тумина, часки нгэнэрэ. Нунгартын купецтулэ эмэрэ. Нунган юрэн, баямама, дырам, пандук, поптук дырамдымар.

— Ая,— гунэн купец,— би сунэ алагудянгов, идук тэдевэ бакавка, су минду аннганиду хавалкаллу.

Нэкунэсэл дёкилдыра. Нунгартын купецту хава-

лилла, мёрдэргэчиллэ. Купец нунгарватын алагудяран, они тэдегдылвэ илэлвэ улэккидэтын, дёгорилва улэккидэтын.

Аннгани-кат эделин илтэнэ, нэкундыгу гуниллэн:

— Этэм часки тэдевэ гэлэктэнэдеми! Дуннэду ачин крестьянды тэде.

Тадук нунган мэннгилэви деревнялави мучуран. Акиндыгу—тэрэрэн, тэдее ачин эчэ дюлави мучумура. Умукэн фабриканттула нгэнэрэн.

Фабрикант пандук, поптук, купецтук баяндымар. Акиндыгу нунгандун хавалиллан. Фабрикаду кэтэ илэл хавалдявкил. Кэтэвэ аннганилва нунгартын хавалдячатын. Мёрдэргэдечэтын, тэдевэ эчэтын ичэрэ. Умнэкэн акиндыгу аракун улгучэмэчинмэ долдыран:

— Тэдевэ садери, элэ умун илэ бисин. Гэрбидевкил эр илэвэ Ленин, нунган Питерду индерэн.

Акиндыгу эр гэрбивэ дёнан, тадук эр илэвэ гэлэктэнэрэн. Нгэнэдечэн кэтэвэ тырганилва, бегадысакилва нгэнэдечэн. Питердулэ эмэрэн. Ичэдерэн— хавамни эмэдерэн. Акиндыгу нунгандукин аракукан ханнгуктаран:

— Иду эду Ленинма баками?

Хавамни нунгандукин-кат аракундымарит:

— Миннун нгэнэлдыкэл, би синэ исивдянгов.

Нунгартын комнаткала эмэрэ мурэли хунгутэнэл книгал кэтэ. Нунгартыкитын илэ юрэн, дёгорит тэтывчэ. Юрэн, тадук инемусинчэдэнэ гунэн:

— Дорово, гиркил, экуна аяя гунденгэс?

Акиндыгу нунгантыкин улгучэнэн, он тэдевэ гэлэктэдэнэви. Ленин со горово нунгартыкитын улгучэнэчэн фабрикаду бисилвэ порядокилвэ, ханнгуктачан дёгорилва тадук гунчэн:

— Си тэдэт оча бисинни, фабрикала тэдевэ гэлэ-
ктэнэксэ,—таду химатмэрит саденгас иду тэде биси-
вэн. Су нунганман мэргилдүвэр нгалэлдувар дяву-
чарас.

Ленин акиндыгуду улгучэнэн, он хавамниды тэде
дярин кусиденгэвэ, попилду, купецилду, фабрикан-
тылду эдэвэр хавалдяра. Тадук он нунгарватын тэгэ-
мэрнунмэ эрэстэвэр.

Акиндыгу фабрикала мучуран, гиркилдуви Ленин-
дывэ тэдевэ улгучэллэн. Умукэн улгучэндевки — дян
долчатчэвкил, дян улгучэндевкил—нямадил долчат-
чэвкил.

Ленинды тэдэ упкатули дуннэли ингнуллэн (ултал-
лан). Кэтэду аннганилду нунган фабрикалдули,
деревнялдули ингнудечэн. Хавамнилва крестьяни-
салва нгорчантыки учирдечэн. Октябрьду дянна-
дыду аннганиду эри тэдэ савувулчан, турэчилчэн
игдылди турэрди, упкат мирду ингнулчэн.

Хавамнил тадук крестьянисал помещикилтыки,
фабрикантылтыки кусинэсинэ. Нунгарватын Ленин
мэнин мэнингунунми аяткунун бэлэгэмнинунми—Ста-
линнун нгэнэврэн. Ленинды тэде давдыран.

Тариптыдук хавамнил тадук крестьянисал панилду,
фабрикантылду эчэл хавалдяра, эчэл мэрдэргэдэрэ,
дуннэвэ йнамукталдивар эчэл унгудерэ — мэртын
мэргилдүвэр фабрикалдувар, мэргилдүвэр дуннэ-
нгилдүвэр, тадук мэргидүвэр бидэдүвэр нюнгэсэл
ора.

ГРИГОРИЙ ЧИНКОВ

УПКАТЪЯДУК ГУГДАТМАР-ДА, СУНГТАТМАР-ДА

Хулама-да дылача-да
Янгиялдук гугдатмар,
Чутума-да нянгняя-да
Урээлдук гугдатмар.

Тугэрил-дэ эдыел-дэ
Дюгарилдук энгэситмэр,
Ламуя-да угэелин
Бирангилдук энгэситмэр.

Гиркиеде Сталиндя
Упкатъядук гугдатмар.
Гиркиеде Сталиндя
Упкатъядук энгэситмэр.

Нунганнгилин дялилин
Урээлдук гугдатмар.
Нунганнгилин дялилин
Дылачадук нгэритмэр.

Гарпачи-да дылачая
Тырганиду нгэридерэн.
Тырганива, долбонива
Дялилин нгэридерэ.

Чуриндари дуннэе-дэ
Болорикан хунгтулчэрэн,
Сталиннги-да уйдэкин-дэ
Окинду-да нгэридерэн.

Биракачар эенденэл,
Муелтын-дэ арбадяра.
Сталиннги-да уйдэкин-дэ
Дэруриви эсин садерэ.

Конгномо-до ламуя-да
Хэрэен-дэ ичэвдерэн.
Сталиннги уйдэкин-дэ
Ламуядук сунгтатмар.

Гороё-до нгэнэе-дэ
Мудая-да ичэвдерэн.
Нунгангилин дялилин-да
Экундук-та сунгтатмар.

Гирки Сталин!

Синнгивэ уйдэквэс,
Синнгилвэ дялилвас
Экунди-да тэрэмкитми
Эсимэв-дэ бакадяра.

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

СТАЛИННГИ ГУГЭР¹

Маннияду дуннээду
Энгэсивэр умунупнэл,
Кутучиду биниеду
Колхозилди бидедерэп.

Тырэвучи нгэлэечи,
Хавамнилдук балдычавун.
Элэкмэе биниечи
Эсикэпты хавамникун.

Тэгэмэрье бингэсиен
Тэрэнгъевэ энгкит сарэ.
Тэрэнгъевэ будедерэн
Сталинды гугэръелты.

Тэгэмэрье гугэрье
Эвэнкилвэ болгитчангкин,
Сталинды гугэрье
Эвэнкилвэ угирдерэн.

Советтыду дуннээду
Эвэнкиел дялъятын —
Социалисттыду биниеду
С. алинды гугэръекун.

¹ Закон.

⁶ — Ленин и Сталин.

Упкатъяду тэгээлду
Сталинды гугэръекун
Советъяду дуннэеду
Биниевэ сэлэвдерэн.

Коммунисттыва давдынъява
Сэливденэ эмэвдерэн.
Ноноптылва биниелвэ
Чэпээлэ хэкирэн.

Я. ИЛЬИН

ХЭГДЫ КОНВЕЙЕР

(Роман хадын)

...Тыманиду 4 февральду (мирэ бегадун) 1931 аннганиду саври оран тыргаакин (тыргани калтакан) очалан, конференция этэчэлэн, Сталин докладва одянган. Нонон нунган турэттыен этээдечэл делегатыл секциялду хававэ хэлинмудечэтын, дян дюрду часилду этэдэвэр. Гулдымэткичил сигдылэлдугтын суглан залван, упката гилвэ комнаталва, секциял хавалдянматын, нянгнячил очалвэ, тэсидечэтын, эдынмудечэтын.

Эси-тырга авилтанэрди, долборилди поездылди Москвадук сурудэвэр некэчэл делегатыл хадылтын делолвар (хававэр) этэдэвэр учреждениелдула сурутычэтын. Хадылтын хоктоду экуканэвэр уныемэтчэчэтын, сурулчэлгэчирди мэрвэр мэдэдечэтын.

Сталин гэрбивэн хэгдымие аяври, савкатын, гуннэлдукин хавадувар омактая элэкинэ дюгуге гадядавэр, тар упкат нунгарватын Москванун, тадук конференциянун уилдыдечэтын (ситымнэдечэтын). Хунгудувэр—мэригилдувэр предприятиелдувар бичэтын, тарилдук, конференция одяракин, эсил кэневрэ турэр эмэдечэтын. Угольной промышленность хавамнилин, тадук одярил сомат хивиндячатын. Адыллаптыл ха-

вамнил сурутылчэтын, хава адынгдачан, хэгдыл ингисэл олдячатын—план эчэн дялупкивдяра.

Нунгартын конференция геду, илиду тырганидун сурудэвэр некэчэтын. Эми-вал эчэтын сурурэ, Сталин турэнмэн алатчэчатын.

Амарду, президиум чагидадун, мигдымэмэ долдывран. Эми-вал залду няма бичэн, Орджоникидзе, тугэрвэ кунггувэ аркандуви тэтычэденэ бидексэ, иллан эчэсинэн. Нунганнгин дукумнингин гимнастеркачи бинэ сендулан экунма-ка гунэн. Серго хуларгаран, эсалин ниврэ: нунган экуна овканэн. Мыгдымэмэ хэгдылдечэн; президиум амаргидадун, тэгэтчэрил хаваталла.

Орджоникидзе залтыки хоролисинан, тадук эмнгэт тэпкэсинэн:

— Сталин эмэрэн!

Упкат таравэ президиум чагидадун мигдымэмэт одячадук тылчэтын. Даралмусалду упкат мигдыллэ, хангалдивар тапталла, хадылтын дылвар угирчэтын, президиумду бидерилду бээлду Сталинма ичэдэвэр. Нунган-да ачин бичэн.

Тэпкэн, мигдын хэгдылдечэтын. Упкат президиум иллан. Орджоникидзе, тыкчэригэ кунггуви ичэндиви дявучана, таптадячан. Упкачин дэрэн гилбэнэдечэн, нунган аявнэ ичэтчэчэн, он амасикладярил бээл доли-тын Сталин, хатапты костюмичи бинэ, химасинчат нгэнэдечэн. Сталин, кармандукви адыкуканмэ дукувчальвэ бумагангилви гакса, трибунаду дюлэдуви нэрэн.

Тэпкэн, мигдын, таптакар игтын энгэсиллэ, этэнэ ачинди ингнудечэтын, хадыкандун экуннги турэнин долдывусиндячан „...Биденгнэн парт... нунгнимнин...“ эмнэк таптакарду долдывра.

Сталин френч дегиннгувэ нгалэви хэгдывэ умукэчэнмэн нэксэ, илгимадячан, аннгува нгалэви трибунадыду дявангкиду нэчэ. Адыканэ биксэ, партерва (хэргилэ тэгэтчэрилвэ), хорыва (оёлтоду тэгэтчэрилвэ), олдонду тэрилвэ аракукан ичэттэн. Эдэви олгачивра, нунган аннгуви нгалэви угиррэн. Таптакар этэврэ. Президиум тэгэрэн. Упкат тэгэрэ.

— Гиркил!—гунэн Сталин.

Залду мигдымэт сивуталла: амарила тэгэтчэрил эчэтын долдыра, хадылтын хэлинчэнэл тэгэдечэтын. Упкат чэрургэрэкин, Сталин часки турэчиллэн:

— Суннги конференциясун хавалин мудардула исчара. Эситкэн су резолюциявар элэксинэл гадянгасун. Би гунчэдем (эсим сумэтчэрэ) тарил резолюциялва су упкат умунди дялитвар гадянгасун. Эрил резолюциялду (нунган бэрэрэн тадук дылви угиррэн), — би нунгарватын адыкунди сам.—Су 1931 аннганиду промышленность контрольнаилва тангулван элэксидес, „дялупкидянгавун“ гуннэл.

Ноноптыл тыливгэсэл турэрин делегатылвэ хивинмукэндэрилвэ вопросилва гундерил, делегатылвэ хивинмудячатын. Сталин геваннгаптылва онгатылватын дёнан, тарилва хозяйственнаил хавамнил эчэтын элэкинди дялупкира. Тадук нунган ханнгуктаран: „...Эр аннганиду нян таргачин этэн-гу ора?“

Аявритви турэткичитви нунган эр ханнгувунма буксэ, дюрвэ соткулва условиелвэ гунэн, бэлэдерилвэ омактаду хозяйственнайду аннганиду контрольнаилва тангулва аят дялупкидатын. Тар элэкэсмэмэ: реальноил возмозностил биситын, гептыт—омудяри, тадук эрил онгатыла биниду он орива. — Тэдемэл „объективнаил“ возмозностил бисивэтын омачинма дялупкивуна дя-

рин тэкэтэдэнэ, нунган дуннэнгит баилван дёнан. Эрил хэгдылвэ тэгэ дярин баилва гамудярива, энгэсичи бисивэ властвэ дёнан. Миллионил хавамнил, крестьянисал эр властвэ дысутчариватын дёнан. Тадук нунган итыва дёнан, капитализм бисидун эрулэ ачинма, дюлэски овканденгавэ. Тадук нунган мангава умунтэгинмэ партиява дёнан, хавамнил класстын аяткулва илэлвэ умукэндү дюгуду нунгниденгэвэ. Элэкин садеривэ, эдэвэр эрулду, ургэлду давдадьяра, бинили тэдемэмэвэ революциядыва большевиктыва дюгувэ нгэнэвдэви.

Нунган эр упкатван окиптыгачинми-да энэ хэлинчэрэ, этэвчэлди гунмувкэлди тангдьяракин, долчатчэрил сомамат этэевнэ нунганман долчатчэчатын, гуннэлин соткува дюгувэ энэе тэвудерэ.

Гетыкитын Сталин тангналван условиелва мэндуви аямамат ичэдечэн, мэннгидуви областьтуви-гу, райондуви-гу, предприятиедуви-гу; гетыкитын садечан тар тэде бисивэн.

Упкат дэрэлду дукувчагэчин бичэн:

„Тэде, тэде, митту кэтэмэмэл баил, митту аятку власть, умукэмэмэ партия, кэтэ миллионил хавамнил, крестьянисал туручэдэритын (тэвудэритын)... Тэде, тэде, упкат тэде — эми-вал экуна-ка нунган—гунмудерэн?“

Сталин аракукан, игдые ачинди турэтчэчэн. Нгалэлдиви арукун даллалдыдьячан. Хадылдун ангуви нгалэви, ичэндүви матавчавэ, мирэлэви угирдечэн, таду нян тыкивдечэн, ханнганми химат матадьяна, гуннэви мудандун, дялви мангангдяна долчатчэрил дялилдутын дялилви тэвдегсэ бинэ.

Ханнуктадяна, мэнин гундечэн. Эрэвэр адыра-кат гундерин, дялилви тыливгэвдерин, бэлэдечэн долчат-

чэритыкин нунган савканнэван туги-дэ гунденгэл бидэтын, хэгдымин дял хаван умивнаван.

— Эргэчин партия бисин митту?—нунган ханнуктачан, долчатчэрилвэ нгунгнэт ичэтчэнэ. — Тэде, бисин. Нунганнгин политикан элэкин? — Тэде, элэкин, нунган тэдемэлвэ давдырва бувки.

Нунганнгачинин-да, упкат садечатын, упкат тэдечэтын, упкат элэксидечэтын гунчэнэл: тэдемэ эргэчин партия митту бисин, нунганнгин политикан элэкин, нунган тэдемэлвэ давдырва (успехилва) бувки.

Тыкин нунган эрил овнгатылва омурива, он бинилэ ивривэ гундечэн. Нунган, производстова (хававэ) эрут нгэнэвдерилвэ, дело (хава) тэденглэн энэлвэ ирэ, бумагаду-нун дукунатвар этэдэрилвэ инептынтэксэ ханнуктаран. Нги-дэ залду тэгэтчэрилдук, мэндукви эденгэ туги ханнуктара бичэн.

— Он одянга бичэн, — нунган тэгэтчэрилдук ханнуктачан, — мит — большевикил, иланма революциялва очалты, мангапчудук гражданскайдук кусиндук давдычал ючэлты, промышленность соткува омачинман очалты, крестьянство социализм хоктолон хоролисинмучалты, — он одянга бичэн мит производстова нунгнинэду бумажка дюлэдун илчат, энэл сарэ эя часки одавэр?.. Он одянга бичэн, — часки нунган ханнуктадьячан, — сукчари эргэчинди эмнэ оран? Нги эду виноват (эручи)? Мит мэрти эду эручил бисил, — энгэсит тэдэврэн нунган, долчатчэрилвэ ичэтчэнэ.

Эрил ханнугур, Сталин ичэтчэрин залду тэгэтчэрилду хунгтутэнэл дялдавдечатын.

Панченко, багдамалдук манжеталдук дючэдэрилду нгалэлдуви ичэндэксэ, буливсипчут гунчэдечэн: эр нунган — Панченко, тэдемэ мэннгидуви заводтуви эрунг-

дерилвэ булэсэлвэ хэгдыгутэйвэ инженертайва эчэ мэдэрэ. Нунгартын мэртын эделитын эрувэр улгучэнэ, эдели-тын он, иду эрунгденэвэр нунгнирэ, нунган горово эчэн тэдедерэ.

Нунган—Панченко, дянмэ аннганилва Енакиеводу, Каменскойду, Мариупольду директорит хавалдяча, эчэн ичэдерэ нунгандун, онгоктон дюлэдун, он бээл шихтава эрунгдеривэтын, сукчадариватын, оборудованиеван сукчадариватын, хававэ адыкунгдарива-тын.

„Нги эду эручи?“—нунгандукин Сталин ханнгу-ктадячан. Нунган, Сталин часки эва гундеривэн энэ долдыра, дялдуви салдечан мэнми эруви: тар би, Пан-ченко, мэнми эручи, бээлвэ тэдечэ бичэв, хозьяйство-ду, эчэв ичулирэ...

Игнатов мэнми он бисиви эчэ ичэндэрэ. Нунган Сталинма эчэн ичэтчэрэ; аятмарит долчаттави олдосиниксатви нунгантыкин тэгэтчэчэн. Нунган эчэн Сталин гуннэвэн мэндуви садерэ, гунэкин гороптыва илтэнчэвэ лозунгма—техникат эденгэ нунгнидерэ, эр лозунг сотку сукчан тэкэндун бичэн, тэли эр лозунгдули производстводу элэ бумагал бэлэгэдитын нунгниде-нгкитын, бумагалду нунгниривэ дукудянал.

Би—Игнатов, окин-да иду-дэ эчэливи хавалла ук-катту ичулиденэ бидечэв, мэндуви, окиттуви эрунгде-рилвэ мэнми бакачав. Бумагалви окин-да эвки аяврэ бичэв—дукувувчалвэ-дэ, эчэлвэ дукувра.

Сталин часки гунэкин:

— Асуна-да резолюцияла дукучалисун, экудылва-да турэрвэр букэнэл, техникава, экономикава, завод, фабрика, шахта финансилватын эсиксун сарэ экун-да ая этэн ора, умун нунгнин этэн ора.

Сталин туги гунэкин, Игнатов мэдэрэн, эрил ту-рэрин нунгаматкин гунмувчэл бисивэтын, нунган тэ-ринтыки ичэсинэн.

Сталин трибунадук дариски иллан, часки гундечэн:

— Туги бисикин, митнги онгатыт бидерэн—мит мэрти техникава аят салдат, мэрти делоду (хаваду) ню-нгэл одат. Эду-нун тэдевун, мит планмар упкатван дялувдат, тадук умун нунгнири овувдан...

„Тэде, тэде,—Игнатов гунчэдечэн.—Би делола (ха-вала) аят эчэ дагамарэ бисим, поточнай производство техникаван аят эчэ сарэ бисим, экономикаван эчэ сарэ бисим, окин-да финансилва эчэ ичэрэ бисим. Тэде, тэде, би нунгнидечэв, администрируйдячав, упкатту билды-чэв, резолюциялва дукудячав, турэнми будечэв, долбо-нилва эчэв адерэ, бээлвэ хэрэкидечэв, мэнми хэрэкинде-чэв—тар упкачин эси тыливгэн биси: тар энэ-вэл ичули-ри биси, эчэн-дэ гэлэдери (эетчэри) ипкэтчэри биси“.

Сталин тыливгэрдук турэрдукин, гундерилдукин тэдевэн бакача, мэннигидуви энгэннгэвундуви тылив-кэвунэ бакача, эрил дялилдук адагадечан, нян ну-нгартыкитын мучудячан.

Сталин, дялилви элэкэсиптывэ мурунмэтын этэксэ, бэрэрэн, мувэ амнгасинан, тадук часки гунэн:

— Хадун ханнгуктавкил—темпава аракунгдянга-гу эденгэ-гу? Окит дюлэски нгэнэривен олгатчанга-гу? Эчэ, гиркил, тара эвкэ ора!—нунган тэдеврэн дыл-ганми эмнгэнгиксэ.—Темпалва энги аракунгдяра!

Нунган мэнин-дэ турэндуви танмунан, ичэвдечэн. Долчатчэрил чэрүлэдечэтын. Нунганман экунан-да ту-рэрди-дэ, таптакарди-да эчэтын бэрэвкэндэрэ. Бээл долчатчэчатын, нунгарватын хэрэкидерилвэ, хивин-мудярилва, тырэдерилвэ турэрвэ, тарадук сотмарит

долчатмуденэл. Партия нунгардугтын хэгдыткүмэмэвэ делова (хававэ) тэдеденэ бучэн—дуннэнгит хозяйствован, промышленностьван. Нунгардуктын партия ханнгуктадьячан, тэдэвдэтын эда планил эчэтын дялупкивра. Партия-да алагудьячан, он дюлэски бидедэтын, он дюлэски хавалдыдатын.

Тар—партия нунгнигэн члентыкиннуин окин-да бидери, сунгта, энгэси уилдынтың, хаватын авадытанэду частоктун эсикэкун окиптыдук-та савдеритмэр, конкретнаитмар бичэн.

—Темпалва дявучари,—гундечэн Сталин,—тар суптыври бивки. Суптывчалвэ иктувкил. Мит иктувчэл бидэвэр эчэлты эетчэрэ! Эчэл! Эчэлты эетчэрэ!—гунэн нунган, тадук, амаски адагакса, инемусинчэрэн:

—Горопты Россия историян бичэн таргачин—нунганман эмэнмудеридукин этэнэе ачинди иктудечэтын.]

Бэрэксэ, Сталин, гундериви нононнгочиндуви, оёлтоду тэгэтчэрилвэ, хэргилэ тэгэтчэрилвэ ичэсингнэрэн.

—Иктудечэтын монголил ханилтын,—гуниксэ нгалэтви дарисинан.—Иктудечэтын шведыл феодалилтын. Иктудечэтын полякил-литовецил панилтын. Иктудечэтын англиядыл, франциядыл капиталистылтын. Иктудечэтын япониядыл баронил. Иктудечэтын упкат,—гунэн нунган дялви урумкунди дарисинди (дюгэнгденэ) этэденэ,—военнайду делоду (хаваду) суптывридуквун, культурадыду суптывридуквун, государстводыду делоду суптывридуквун иктудечэтын... гунтыдечэн нунган.—Эр иктуридуквэр нунгартын баяндячатын, иктуривэтын мит албангит давдыра, тарит иктудечэтын.

Сталин ичэдечэн, упкат долчатчэрил, упкат залду тэгэтчэрил дялилин нгэнэдеритын дявавнал бисивэ-

тын; нунган тылдечэн, гундериви илэл дялилтын сарилатын сунгтат идеривэн.

—Учэлэ митту отечествонгит (мэрнгит балдыдяк-дуннэнгит) ачин бичэн, эдэнгэ биси бичэн,—гундечэн нунган.—Тыкин митту мэннгит дуннэнгит бисин, мит нунганман, хунгтудук бугадук дявалгая ачин бидэн, дысутчэнгэт. Эетчэрэс?..—нунган ханнгуктаран.

Упкачил, залду тэгэтчечэл, мэдэрэ; эду партиянгмар упкат политикан эмэр центральной проблеман бисивэн. Партиявар интересилван упкаттук гугдатмарит тангичадяривар.

... Эетчэрэс митнги социалистты дуннэнгит вавча бидэн, мэннгиви независимостьви сокорчо бидэн? Эрэвэр эвкил эеттэ бими, дагали дуннэнгмэр суптыв-риван ачиннгингатсун, тэдемэлвэ большевиктылва темпалва социалисттыва хозяйствован одяридун кэтэнгнэгэтысун. Хунгул хоктол ачир.

Селиверстов, кэтэрэ Сталинма долчатчэча турэттыдун, тэдэвкэнин энгэсидун савкача бими-вэл, хивинмукача бичэн. Мэнин мэни эрут мэдэлчэн (дяванчалчан). „Он-ка би омомгичаннгачин, мэни эрут мэдэлчэм (дяванчалим)?“—гунчэрэн нунган. Нунган, эчэсиниксэ, ичэрэн упкат долчатчэрил мэрвэр таргачинди мэдэдечэтын. Эргэчин ичэдэ бивки, бэелвэ дюлатын энэ унгнэ, хутэлнунтын энэ бакалдывканэ, умнэт фронттула унгнэктын. Нунгартын нгэнэденгэтын, тара элэ туги онгатыл бисивэр тангичанал.

Нунгардуктын ургэпчуткувэ, дуннэнгдугтын гэлэвдериткувэ гэлэдечэтын—хозяйствова аямамат салдедатын, техникава салдедатын, суптывривар ачиннги-датын.

Тадук сэлэгэчирвэ дялилви этэдэнэ, Сталин упкатыки гунденэ, урумкунди упкатва гуннэлви умунупкирэн: .

— Мит дюлэдут бисилдук дуннэлдук 50—100 анганилди суптивчал бисип. Мит эр сигдылэвэ дяндү анганилду нгэнэнгэтыт... —Эрэвэр митту гундерэ СССР хавамнилдун крестьянисалдун обязательстволты (онгатылты).

Сталин этэрэкин, залду тэгэтчэрил адыкунду секундалду чэрулэмэт бидечэтын. Тадук, кэнгтырэн президиумду бисилду халлэкин, элэкэс аракун, тадук хэгдылдери таптакал, тэпкэр ора.

Бэел нивчэлгэчир, гэсивчэлгэчир, омактава сэксэвэ, иргэвэ, бэркэвэ, гачалгэчир очатын, нгэнэкигту тынмучэлгэчир бичэтын.

Нунгартын сот урунчэл бичэтын: нунгарватын тырэчэдэрил, упкачитын ургэлтын юкитвэ, он элэкин бингэтвэр, бакадячал.

Приложение

ЛЕНИН и СТАЛИН

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД © 1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие, родные имена Ленина и Сталина обладают потрясающей силой. Безграничной любовью и безграничной преданностью Ленину и Сталину полны сердца миллионов трудящихся нашей социалистической родины. Ленину и Сталину народы великого Советского Союза посвятили множество высокохудожественных произведений, свидетельствующих о небывалом подъеме советской художественной литературы. Эти произведения народные массы любят и ценят за то, что они отображают Ленина и Сталина — руководителей революционной борьбы с проклятым капиталистическим строем, за то, что они правдиво рисуют светлую, радостную жизнь, наступившую для миллионов советских людей, великую дружбу народов Советского Союза, все развивающуюся на основе блестящей победы ленинско-сталинской национальной политики. Обаяние этих произведений в том, что в них запечатлены замечательные черты Ленина и Сталина: мудрость, геройство, большевистская простота и скромность, пламенная ненависть к врагам народа и великая любовь и забота о трудящемся человеке.

Забота о человеке — вот великий смысл жизни Ленина и Сталина. «Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры», сказал товарищ Сталин, приветствуя 4 мая 1935 года академиков Красной армии.

Эта забота партии и советского правительства о человеке поднимает радость и веру в свои силы, еще сильнее сплачивает трудящихся вокруг партии Ленина—Сталина.

Капиталистический кровавый строй душит трудящихся, он в корне враждебен истинному искусству. Подлые псы, нена-

видящие трудящихся, — фашисты — беспощадно уничтожают лучшие художественные произведения за то, что в этих произведениях в той или иной форме выражен протест против угнетения человека человеком.

Ленин говорил, что, отняв власть у капиталистов, советские народы «получили право на великое искусство». В нашем социалистическом обществе искусство и литература пышно расцветают потому, что у нас искусство и литература принадлежат народу, а народ является лучшим ценителем и хранителем истинного искусства. Освобожденные от векового угнетения, братские народы СССР создали замечательное советское искусство и литературу национальную по форме и социалистическую по содержанию. Сталинская Конституция открывает новые мощные возможности дальнейшего развития многонационального советского искусства, в том числе и искусства народов Севера.

Образы Ленина и Сталина даны и в напечатанных здесь отрывках из романа «Хлеб», написанного к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции писателем-депутатом Верховного Совета СССР А. Н. Толстым. Роман «Хлеб» является одним из лучших произведений советской литературы. В этом романе А. Н. Толстой нарисовал образы Ленина и Сталина — великих руководителей партии и народа, рассказал об исторической победной борьбе нашей доблестной Красной армии с белогвардейскими бандами, пытавшимися в 1918 году отнять у советского народа завоеванную свободу, снова надеть на трудящихся нашей страны барское ярмо.

Смерть Ленина вызвала всенародный отклик, наполнила глубокой скорбью сердца трудящихся. Не стало «горного орла нашей партии», как называл Ленина товарищ Сталин, но дело Ленина в крепких руках его преемника — мудрого Сталина — руководителя, отца, друга трудящихся. Тысячами художественных произведений отозвались писатели народов СССР на смерть великого вождя человечества. В нашем сборнике мы помещаем отрывок из книги Николая Островского — писателя-орденоносца, отдавшего свою жизнь социалистической родине. В своей талантливой книге «Как закалялась сталь» Николай Островский описал, как откликнулись рабочие массы на смерть Ленина. Лучшие рабочие вступили в коммунистическую партию, чтобы под руководством Сталина продолжать великое дело Ленина. Талантливый писатель Яков Ильин в книге «Большой конвейер» рисует товарища Сталина на трибуне конференции хозяйственников в 1931 году. Этот отрывок из книги Ильина рассказывает о значении речи

товарища Сталина хозяйственникам, которая вдохновила их на преодоление трудностей в деле социалистического строительства.

В глубинах тайги, на окраинах родного Севера народы Севера вместе с многомиллионными массами народов СССР в песнях, рассказах и повестях воспевают Ленина и Сталина. Мы печатаем здесь стихотворения молодых поэтов Севера: звенков Алексея Платонова, Григория Чинкова и Никиты Сахарова, славящие Ленина и Сталина.

Произведения, напечатанные в этом сборнике, являются очень маленькой частицей того, что написано о Ленине и Сталине. Это первый опыт перевода художественных произведений советской прозы и поэзии на языки братских народов Севера. Нет сомнения, что этот первый сборник встретит самый горячий отклик со стороны читательских масс Советского Севера и послужит толчком к созданию новых и новых художественных произведений.

Велика и нерушима дружба народов Советского Союза, озаренная солнцем Сталинской Конституции. Огромна любовь и преданность миллионов трудящихся к творцам радостной, счастливой жизни — гениям человечества Ленину и Сталину. Слава о них будет жить века. Поэт Иосиф Уткин в «Песне о Ленине и Сталине» пишет, что в мире нет бессмертней этой славы:

Венком ее цветов увиты
И песнь, и бой, и честный труд.
И не случайно в мире слитно
Два этих имени живут.

Они слились и нерушимы,
Как звенья и как монолит,
Как два орла одной вершины,
Вослед которым мир летит.

А. Кривошеева

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

ПО ДОРОГЕ ЛЕНИНА

В нашей жизни
Основание, корни
(На всем Севере — корни)
Великий Ленин посадил.

Ясный день
Светлой коммуны
По великой дороге Ленина,
Все освещая, идет.

Великого отца — Ленина
Слова и заветы
В тело проникают,
Впитываются в кровь.

Социализма строитель
Отец Ленин великий.
Им указанную дорогу
Вперед мы поведем.

★

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

СТАЛИН

Крепче, чем камень,
Любимый наш Сталин.
Крепче, чем сталь,
Любимый наш Сталин.

Выше гор
Радостный Сталин,
Лучезарный Сталин
В Советской стране.

Выше, чем небо,
Умнейший Сталин,
Власть капитала сломал
Наш Сталин.

Светлее солнца
Гений Сталин.
Ученик Ленина
Лучший — Сталин.

Лучше всех
Наш учитель Сталин,
Отец молодежи —
Лучезарный Сталин.

★

А. ТОЛСТОЙ

ХЛЕБ

Иван Гора с делегатами от петроградских заводов сидел за длинным столом в чинном и тихом кабинете Совета народных комиссаров. За окном — стая московских галок, обеспокоенных все более скудным продовольствием, кружилась над зубцами кремлевских стен. Чинная тишина кабинета, четвертушки бумаги на вишневом сукне, кресла в чехлах, медленное тиканье стенных часов — все это понравилось делегатам, — здесь советская власть сидела прочно.

Вошел Владимир Ильич, все в том же поношенном пиджачке, свой, простой. Вошел из боковой дверцы и сейчас же притворил ее за собой, повернул ключ.

Коротко поздоровался. Все встали.

— Садитесь, садитесь, товарищи! — Он сел в конце стола на дубовый стул. Быстро оглядел худые, морщинистые, суровые лица рабочих, и по глазам его с маленькими, как просинка, зрачками, было заметно, что сделал соответствующий вывод. Заметив Ивана Гору, приподнял бровь. Иван Гора улыбнулся большим ртом от уха до уха.

Владимир Ильич вытащил из портфеля, лежащего на коленях, исписанный листок, положил его перед собой и опять поднял голову. Лицо у него было осунувшееся, как после болезни.

Делегаты молча глядели на него, иные вытягивали шею

из-за плеча товарища. Многие видели Ленина так близко в первый раз. Они приехали к нему в Кремль по крайней нужде: Петроград умирал от голода. Деревня теперь и за деньги не давала хлеба. Голод все туже затягивал пояс на пролетарском животе.

— Рассказывайте. Будем думать — какой найти выход, — сказал Владимир Ильич, и опять, приподняв бровь, взглянул на Ивана Гору. — На свете не бывает «ничего невозможного».

Иван ахнул: «Помнит!» Смутился, и оттого, что не мог не глядеть на Владимира Ильича, не улыбаться от уха до уха при виде его, — покраснел густо.

Сидевший рядом с Лениным депутат, старый, в железных очках, положив отекавшие руки на лист бумаги, начал:

— Плохо, Владимир Ильич. Голодуем. Держимся, крепимся, пролетарскую свободу не продадим. Но тревожимся: до урожая ждать три месяца, а есть нечего, детишки по весне начали помирать. Жалко, Владимир Ильич. У женщин шатается воображение. Еду только во сне видим.

Другой депутат, широкоплечий новгородец, мрачный и красивый, с упавшими на лоб черными кудрями, сказал, не глядя ни на кого:

— Две недели петроградские районы могут продержаться при условии осьмушки. Через две недели начнем помирать. На заводах где половина, где и больше рабочих военного времени — ушло. Мы о них, пожалуй, и не жалеем. Осталось пролетарское ядро. Но его надо кормить...

Другие депутаты, не спеша, рассказывали подробности о бедствиях голода, о том, как приходится заставлять частных выпекать хлеб со ста процентами припеку: «Получается такой жидкий хлеб, Владимир Ильич, горстями его черпаешь, и этой гадости выдаем только по осьмушке».

Рассказывали о беспорядках в продовольственных управах, где повсюду наталкиваешься на тайных организаторов голода. На заводах — то тут, то там вспыхивает недовольство и обнаруживаются шептуны; одного обнаружат, на месте его — двое. Продотряды посылаются неорганизованно, часто в них попадают те же шептуны, привозят мешки для себя, а на собраниях, отчитываясь, плачут, что-де ничего не могли добыть...

— К примеру, Владимир Ильич, — откашлявшись, пробасил Иван Гора. — У нас на заводе секретаря партийного коллектива товарища Ефимова чуть не убили, едва отстояли... Вдруг в литейном цеху — митинг. В чем дело? Шум, крик: «У Ефимова на квартире — мука и сахар». И так

кричат, так разгорячились, — невозможно не верить... Я вижу — дело плохо, — к телефону. Ефимов как раз дома. Я ему — тихо, чтобы ребята не слышали: «Уходи». Он переспрашивает. Я — в другой раз: «Уходи».

Он смеется:

— Да куда уходить-то?

Я ему внушаю: «Уходи».

— Да кто говорит-то?

— Иван Гора, — говорю. — Завод к тебе идет.

Он понял в чем дело. Отвечает:

— Чего же им трудиться. Я сам к ним приду.

Приходит в литейную. Входит смело, глядит — огнем жжет. Потом-то мне рассказывал: «Голову-то я держал высоко, а у самого кровь в жилах сжалась». Ребята увидели его — ревут: «Спекулянт! Сливочное масло жрешь!» Рвутся к нему, — вот-вот — убьют. Он стоит, поднял руку, ждет, когда отгорланят.

— Ну? — говорит спокойно. — Чего кричать-то. Вот ключ. — И с досадой бросает ключ от своей квартиры. — Идите обыщите. Найдете хоть кусок хлеба — тогда мне смерть. Ступайте, я обожду.

Человек двадцать побежало. Он стоит, закурил.

Возвращаются наши ребята, головы повесили — самим стыдно в глаза ему глядеть.

— Вот, нашли, — говорят, — и показывают заплесневелую корочку...

Он тут сразу и повеселел:

«Значит, убедились, — муки, сахару у меня нет... Теперь давайте у горлопанов поищем...» И показывает на Ваську Васильева, который дня два вернулся с продотрядом и слезы лил. Мы — к Ваське: «Веди, показывай».

— И нашли у него? — быстро спросил Ленин.

— А как же... Мука и сало, и в кухне привязана коза. Продукты и козу приволокли на митинг. Ребята озверели. Коза им, главное, в досаду. «Это, — кричат, — мировой позор!»

— Так, так, так, — повторил Ленин, уже не слушая рассказа. — Так вот, товарищи, теперь позвольте мне взять слово...

— Просим, — сказали депутаты...

— ...Жалобами делу не поможешь... Положение страны дошло до крайности... В стране голод... Голод стучится в дверь рабочих, в дверь бедноты...

Ленин начал говорить негромко. Грудь его была прижата к столу, руками он придерживал портфель на коленях. Депутаты, не шевелясь, глядели ему в осунувшееся, желтоватое лицо. Не спеша стучали стенные часы...

— ...Все эти попытки добыть хлеб только себе, своему заводу, — увеличивают дезорганизацию. Это куда не годится... А между тем в стране хлеб есть... — Он пробежал глазами цифры на лежащем перед ним листке. — Хлеба хватит на всех. Голод у нас не оттого, что нет хлеба, а оттого, что буржуазия дает нам последний решительный бой... Буржуазия, деревенские богатеи, кулаки срывают хлебную монополию, твердые цены на хлеб. Они поддерживают все, что губит власть рабочих... — Он поднял голову и сказал жестко: — губит власть рабочих, добивающихся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот не ест»...

Он помолчал и — опять:

— ...Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В ней основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Он отодвинул стул, положил портфель и продолжал говорить уже стоя, иногда лишь делая несколько шагов у стола:

— На-днях я позволю себе обратиться с письмом к вам, питерские товарищи... Питер — не Россия, — питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых отрядов рабочего класса... Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, практически к задачам осуществления социализма, именно теперь на вопросе о главном — о хлебе — яснее ясного видим необходимость железной революционной власти — диктатуры пролетариата...

Он подкрепил это жестом — протянул к сидящим у стола руку, сжал кулак, словно натягивая вожжи революции...

— ...«Кто не работает, тот не ест», — как провести это в жизнь? Ясно, как божий день, — необходима, во-первых, государственная монополия... Во-вторых — строжайший учет всех излишков хлеба и правильный их подвоз... В-третьих — правильное, справедливое, не дающее никаких преимуществ богатому, распределение хлеба между гражданами — под контролем пролетарского государства.

Он с усилием начал было открывать захлопнувшийся замочек портфеля. Прищурясь, взглянул на часы...

— ...Превосходно... Вы говорите: на Путиловском заводе было сорок тысяч. Но из них большинство — «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди... Теперь осталось пятнадцать тысяч. Но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе... Вот такой-то авангард революции и в Питере и во всей стране должен кликнуть клич, должен подняться массой... Должен понять, что в его руках спасение страны... Надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, митродов, дезорганизаторов, взяточников...

Депутаты уже не сидели у стола. Движением руки он их поднял, и они окружили Владимира Ильича, — кивая, подлакивая. Иван Гора стоял прямо перед ним, глядя сверху вниз разинутыми глазами ему на твердый, твердо выбрасывающий слова, рот.

— ...Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию... Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев... Настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов... Настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекав от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазнами спекуляции... Настолько твердых и преданных революции, чтобы вынести все тяжести «крестового похода».

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней... Революция идет вперед, развивается и растет... Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строящийся учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе — это настоящее и главное преддверие социализма... Это уже не «общереволюционная», а именно коммунистическая задача...

Подняв палец, Владимир Ильич повторил это, и зрачки его как бы искали в глазах слушателей: «Понятно? Понятно?» Иван Гора, тоже вытянув большой палец, проговорил:

— Правильно. Это задача видимая. Можем, Владимир Ильич.

— Можем, можем, — заговорили депутаты...

— Товарищи, одно из величайших, неискоренимых дел октябрябского — советского — переворота в том, что пере-

довой рабочий пошел в «народ», — пошел как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда... Но, товарищи, начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя все слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов. Но рабочий класс может победить и неминуемо победит, в конце концов, старый мир, его пороки и слабости, если против врага будут двигаться новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих...

Владимир Ильич кивнул, — так-то, мол... Отступил на шаг. Большие пальцы его рук попали в жилетные карманы. С висков на углы век набежали морщинки, глаза засветились юмором и добродушием...

— Вот, так-то, — сказал он...

Иван Гора засопел, с усилием удерживаясь, чтобы не сгрести лапами этого человека, не расцеловать его — друга...

— Теперь, товарищи, набросаем конкретный план действия... Присаживайтесь.

I

Владимир Ильич щелкнул выключателем, гася лампочку на рабочем столе (электричество надо было экономить). Потер уставые глаза. За незанавешенным раскрытым окном еще синел тихий вечер. Засыпая, возились галки на кремлевской башне...

— Я только что получил сведения, правда, еще не проверенные, — сказал Сталин. — В Царицыне, Саратове и Астрахани советы отменили хлебную монополию и твердые цены...

— Головотяпы! — Владимир Ильич потянулся за карандашом, но не взял его. — Слушайте, ведь это же — чорт знает что такое!

— Не думаю, чтобы — просто головотяпство... На Нижнем Поволжье с хлебозаготовками настоящая вакханалия... Еще хуже на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии. Не сегодня — завтра Краснов перережет дорогу на Тихорецкую, мы потеряем и Кавказ и Ставрополь... Так дальше никуда не годится...

Галок на башне что-то встревожило, они поднялись и снова сели.

— Конкретно, что вы предлагаете, товарищ Сталин?

Сталин потер спичку о коробку, головка, зашипев, отско-

чила, он чиркнул вторую, — огонек осветил его сощуренные будто усмешкой, блестящие глаза с приподнятыми нижними веками.

— Мы недооцениваем значение Царицына. На сегодняшний день Царицын — основной форпост революции, — сказал он, как всегда, будто всматриваясь в каждое слово. — Магистраль Тихорецкая — Царицын — Поворино — Москва — единственная оставшаяся у нас питающая артерия. Потерять Царицын — значит дать соединиться донской контрреволюции с казацкими верхами Астраханского и Уральского войска. Потеря Царицына немедленно создаст единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков. Мы теряем Каспий, мы оставляем в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа.

Владимир Ильич включил лампочку. Белый свет лег на бумаги и книги, на большие, с рыжеватыми волосками, его руки, торопливо искавшие какой-то листочек. Сталин говорил вполголоса:

— Все наше внимание должно быть сейчас устремлено на Царицын. Оборонять его можно, — там тридцать пять, сорок тысяч рабочих и в округе — богатейшие запасы хлеба. За Царицын нужно драться.

Владимир Ильич нашел, что ему было нужно, быстро облокотился, положив ладонь на лоб, пробежал глазами исписанный листочек.

— Крестовый поход за хлебом нужно возглавить, — сказал он. — Ошибка, что этого не было сделано раньше. Прекрасно! Прекрасно! — Он откинулся в кресле, и лицо его стало оживленным, лукавым. — Определяется центр борьбы — Царицын. Прекрасно! И вот тут мы и победим...

Сталин усмехнулся под усами. Со сдержанным восхищением он глядел на этого человека — величайшего оптимиста истории, провидящего в самые тяжелые минуты трудностей то новое, рождаемое этими трудностями, что можно было взять, как оружие для борьбы и победы...

Тридцать первого мая в московской «Правде» был опубликован мандат:

«Член Совета народных комиссаров, народный комиссар Иосиф Вассарионович Сталин, назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами.

Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного

и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения товарища Сталина.

Председатель Совета народных комиссаров:

Ульянов (Ленин).

II

Подошел московский поезд. На паровозе — спереди — пулеметы. На площадках — два броневика. В хвосте — платформы со шпалами и рельсами. Первым соскочил на перрон комендант — жилистый, черноватый человек, весь в черной коже, с деревянным чехлом маузера на боку. Ни на кого не глядя, резким голосом подозвал начальника станции...

Затем начали сходить вооруженные винтовками московские рабочие; одетые вразнобой, — в рубашках, пиджаках, кожаных куртках, кепках, — все перепоясанные новыми патронташами. У всех — неприветливые, худые, суровые лица. Без говора, без шуток стали вдоль вагонов, спустив винтовки долами на асфальт.

На площадку классного вагона вышел человек в черной — до ворота застегнутой — гимнастерке, в черных штанах, заправленных в мягкие сапоги. Худощавое смуглое лицо его было серьезное и спокойное, усы прикрывали рот. Он взялся за поручень площадки и неторопливо сошел.

Первым, шаря глазами по окнам вагонов, увидел его Москалев. Широко улыбаясь, помахивая протянутой рукой — поспешил навстречу. Вздвинуто подошел Ерман. Осторожно — не доходя трех шагов и вытянувшись, — Носович.

— Здравствуйте, товарищи, — отчетливо сказал им Сталин, и не то веселые, не то насмешливые морщинки пошли от углов его глаз. Он поздоровался, не выделяя никого, со всеми, — не слишком горячо и не слишком сухо. Быстрым движением зрачков оглядел всех, кто был на перроне. — Товарищи, попрошу ко мне в вагон.

Повернулся спиной, поднялся на площадку и скрылся в вагоне, не оглядываясь и не повторяя приглашения. Когда все разместились в салоне, Сталин, раскурив трубку и похаживая около стола, начал задавать вопросы: о запасах хлеба в крае, о работе продотрядов, о предполагаемом урожае, о количестве штыков на фронте, о резервах, о продвижении противника, о его силах, — десятки коротких и точных вопро-

сов — Москалеву, Ерману, Тулаку, Носовичу... Когда того спрашивал, начинал пространно разжевывать, — Сталин прерывал:

— Мне нужны цифры, объяснений не нужно...

Собеседники его понемногу убеждались, что ему, должно быть, все уже известно — и состояние на фронтах, и цифры хлебных излишков, и все непорядки и неполадки, и даже то, чего не знают они, царицынские вожди.

Беседа продолжалась долго. Москалеву очень хотелось бы перейти к общереволюционным темам: с жаром, большими словами, как он умел, поговорить так, чтобы показать москвичу, что здесь тоже не лаптем щи хлебают. Но он никак не мог разорвать круг оцепляющих его точных, анализирующих вопросов. Было непонятно, — куда клонит Сталин.

Носович сидел настороженно, не курил предложенных московских папирос, отвечал сухо и точно, и несколько раз, — показалось ему, — поймал на себе быстрый, из-под приподнятых нижних век, острый взгляд Сталина.

На вопрос — чем он объясняет успех противника за последние дни — Носович ответил осторожно:

— Еще месяц тому назад казаки стреляли самодельными снарядами. Я буду иметь удовольствие показать вам снаряд, сделанный из консервной банки, музейный курьез... Теперь они получили хорошее снаряжение и отличные пушки. Вопрос решается перевесом огневых точек на фронте...

— А не объясняете вы наш неуспех недостаточной политической подготовкой? — спросил Сталин. — За огневой точкой сидит человек. Сколько ни будь у полководца огневых точек, если его солдаты не подготовлены правильной агитацией, он ничего не сможет сделать против революционно воодушевленных бойцов — даже с гораздо меньшим количеством огневых точек.

Чтобы обдумать ответ, Носович взял папироску и чувствовал теперь, что Сталин уже не мельком — пристально разглядывает его.

— Я согласен, что это новая тактика революции. — Он постарался твердо ответить на взгляд Сталина. — Но под огнем неприятеля трудно перестраивать психику бойца. Под огнем неприятеля он больше верит пушкам, чем книжкам. В тылу, при формировании, разумеется, воспитание — это все.

У Сталина снова побежали морщинки от век на виски, он отвернулся от Носовича, чтобы выколотить трубку и — как бы — мимоходом:

— Где и перестраивать психику, как не под огнем неприятеля, там-то и перестраивать... Теперь, товарищи, я прошу остаться товарищей Москалева и Ермана.

И он стал прощаться за руку со всеми. Когда в салоне остались только Москалев и Ерман, он сел к столу, ладонью стирнул пепел с клеенки.

— Здесь, на путях, — маршрутный состав с зерном. Давно он стоит?

Ерман вспыхнул, точно его ударили по лицу. Москалев ответил, прищуриваясь на окно:

— Дня, два, три...

— Больше, — сказал Сталин. — Одиннадцать дней. Почему он не был отправлен?

Москалев нахмурился, пальцы его застучали по клеенке.

— Во-первых, у нас были сведения, что дорога около Поворина перерезана казаками... Во-вторых, при создавшейся военной обстановке, когда мы можем оказаться буквально в осажденном городе, я не мог рисковать остаться без хлебных запасов... Вчера рабочие устроили такую бузу...

Он засопел носом, ожидая, что Сталин начнет спорить. Но Сталин не стал спорить. Он спросил еще:

— В городе свободная продажа хлеба?

— Ну да...

— Чем это объясняется?

Москалев гуще засопел, но понял, что ссориться не надо.

— Тем объясняется, товарищ Сталин, что вы мало знаете наши особенные условия. В городе тысяч сто разных обывателей, мещан, словом... Кто там в огороде ковыряется, кур шупает, торгует по мелочишке... Да тысяч десять беженцев... Посади я их всех на паек — ну и завтра разнесут совет... Хуже того — отряды повернут с фронта: у каждого здесь папаша, мамаша...

Сталин повернул голову к молчавшему, опустив глаза, Ерману.

— Вы тоже так думаете?

— Нет, я не так думаю, — резко ответил Ерман. Считаю положение в городе ненормальным...

— Вот видите — уже два различных мнения... — Сталин достал из папки листочек. — Это получено сегодня в пути. — Он положил на стол перед Москалевым телеграмму, подписанную Лениным:

«... О продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем пло-

хое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от вас добыть неоткуда...»

— Мое предложение, — сказал Сталин (покуда Москалев читал телеграмму и затем молча подвинул ее по столу — Ерману), — поставить в исполкоме вопрос о прекращении безобразного разбазаривания хлеба. Пролетариат в Москве, в Иваново, в Питере получает осьмушку. Владимир Ильич телеграфирует, что и этой осьмушки уже не выдают. Это означает, что в опасности не только эти города, но в опасности революция. Ради удобства десяти тысяч беженцев в Царицыне мы не можем лишать революцию хлеба...

— Посадить Царицын на паек! — Москалев попробовал толкнуть от себя стол, он не сдвигался. Он тяжело вылез, прошелся, подпернул галифе. — Мы тем и горды, что в кошмарных условиях, когда вся контрреволюционная сволочь кричит: «большевистское хозяйство — это голод и разруха», превратили Царицын в цветущий город... Заводы вырабатывают почти пятьдесят процентов довоенного, — это при наличии фронта. Увеличена сеть школ... Профсоюзными организациями охвачены почти все массы трудящихся... Колоссально поднято женское движение... Проводятся мероприятия по созданию общественных работ.

— Ты забыл еще музыку на бульварах, — перебил его Ерман дрожащим голосом, — офицерские кабаки с танцами... И что соль спекулянты вздули уже до ста рублей пуд.

— Накипь! Это накипь! — крикнул Москалев. — Раздавим. — Он покосился на Сталина, — тот невозмутимо попыхивал трубкой. — Вопрос гораздо глубже... Царицынский пролетарий сам, своими руками, строит свое будущее... Царицынский пролетарий верит мне, Москалеву, что я доведу его до окончательной победы. А я посажу его на голодный паек, я брошу его в общероссийский котел... Потому, что иваново-вознесенские рабочие получают осьмушку... Он этого не поймет...

У Ермана рот искажался брезгливой grimасой. Сталин спокойно представлял высказываться, но что-то непохоже было, что этого человека можно пошатнуть. С веселыми глазами, осведомленный, непроницаемый — хоть и не нажимает на чрезвычайные полномочия, но они у него в кармане.

Но замечая, что впечатление совсем уже становится неважным, он осторожно начал «спускаться».

— Говорю все это, товарищ Сталин, к тому, чтобы вы учли всю сложность ситуации, стоящей перед нами... Мы с вами здесь в особенных условиях. Здешний пролетариат кор-

нями связан с деревней, с обилием хлеба, это — Волга, все-российская житница... Поймут ли? Боюсь, боюсь...

— Волков бояться — в лес не ходить... Не разделяю ваших опасений, Сергей Константинович, — весело сказал Сталин, как будто довольный, что известный этап уже пройден. — Рабочие поймут, если им объяснить. Рабочие прекрасно поймут, что хлебная монополия и карточная система тяжелее, пожалуй, чем драться в окопах, но они поймут, что это и есть сейчас главный фронт революции... И они принесут эту жертву, если им хорошо и толково разъяснить... Москалев, усмехаясь, помотал головой. Сел к столу...

— Задачку вы нам ввернули, товарищ Сталин... С чего же реально, с каких мероприятий, думаете, нам начать?

— Мое предложение — начать с созыва общегородской партийной конференции.

— Когда?

— Завтра. Зачем откладывать...

— Повестку дня успеем составить?

— Утром часиков в семь — приезжайте оба...

— В семь утра? (Москалев залез пятерней в волосы.)

Тогда я сейчас же поеду... Надо продумать, подготовить материалы... — Он запнулся и вопросительно взглянул.

Концом трубочного мундштука Сталин начал проводить по клеенке черточки, как бы строчки.

— Вопрос об осуществлении монополии и карточной системы; борьба за транспорт; усиление военного командования; борьба с контрреволюцией; укрепление партийной организации и развертывание массово-политической работы; борьба против распущенности, сметения и хаоса. Повестка будет большая...

Сталин поднялся и опять — по-товарищески просто — пожал руки Москалеву и Ерману. Уходя, Москалев задержался в дверях на секунду, но не обернулся, кашлянул густо, тяжело опустился с вагонной площадки и только уже развалившись в машине — проговорил: «Да-а-а».

К этому времени вагон Сталина, отведенный на запасные пути, был включен в городскую телефонную сеть. Сталин начал работу. Два его секретаря, молчаливые и бесшумные, вызывали по телефонам председателей и секретарей партийных и советских организаций, учреждений, подготавливали материалы, стенографировали, впускали и выпускали вызванных... Председатель Чека влез в вагон веселый, как утреннее солнце, ушел с другой площадки — бледный и озабоченный... Председатель железнодорожной санитарной коллегии,

не дожидаясь вызова в вагон, распорядился подмести вокзал и перрон, для чего был послан грузовик в слободу за мешанками. В порядке общественной нагрузки их привезли вместе с метлами, от страха и досады они подняли такую пыль, что пришлось отказаться от этой формы борьбы с антисанитарным состоянием.

Весь день шли разные люди по разным путям, спрашивая вагон Сталина. Составлялась полная картина всего происходящего в городе, в крае и на фронтах. К ночи стали приходить рабочие: представители фабричных комитетов и некоторые одиночные низовые работники.

И только, когда за изломанными станционными заборами, за решетчатым виадуком, за убогими крышами, за темной Волгой разлился зеленый свет и разгорелась безоблачная заря, — в сталинском вагоне погас свет — сразу во всех окнах.

Утром была послана телеграмма — вне очереди — Москва, Кремль, Ленину:

«Шестого прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены советами, идет вакханалия и спекуляция.

Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть Центральный исполнительный комитет и Совнарком в свою очередь требуют от этих советов отказа от спекуляции.

Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов.

Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим «хлебную неделю» и пустим сразу около миллиона пудов...

...Послал нарочного в Баку, на днях выезжаю на юг. Уполномоченный по товарообмену... сегодня будет арестован за мешочничество и спекуляцию казенным товаром...»

III

В салон-вагоне повсюду — на стульях, на столе, на полу — лежали куски материй, образцы железа, скобяных изделий, папки с бумагами, кучки зерна, газеты, рукописи. У опущенного окна за низеньким столиком сидела машинистка, тоненькие пальцы ее лежали на шрифте. За окном было чисто выметенное вокзальное поле, где вдали сходились полосы рельсов. Негромкий ровный голос за ее спиной, казалось, наполнял это залитое черным мазутом, исполосованное сталью пространство особенным и важным значением.

Сталин диктовал:

«На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти голов скота необходимо прислать... 75 миллионов деньгами и разных товаров миллионов на тридцать шесть: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, колленкор, бязь, мадеполам, нансук, грисбон, ластик, сатин, шевьет, марин, сукно дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подошники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные и столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода...»

Диктуя, он перелистывал стенограммы. За эти несколько дней в Царицыне все было поднято на ноги. Партийная конференция, съезд профессиональных союзов, конференция заводских комитетов, чрезвычайные собрания с участием массовых организаций, митинги — следовали без перерыва. Оборона Царицына, казавшаяся до этого делом одного Царицына, поднималась на высоту обороны всей Советской республики.

Через сталинский вагон проходили тысячи людей, воспринимая эту основную тему. Сотни партийных и советских учреждений, тонувших в междуведомственной путанице и неразберихе, начинали нащупывать логическую связь друг с другом. Сотни партийцев, занимавших канцелярские столы, количество которых от пяти до десяти раз превосходило нужное количество столов в этих учреждениях, насквозь прокуранных махоркой, были оторваны от бумажных волокон и брошены на агитационную работу по заводам и в деревню.

Суровой ясностью звучала новая тема: оборона Царицына должна быть наступлением по всему фронту — от севера Воронежской губернии до Сальских степей. Должна

быть жестоким проведением хлебной монополии. Должна за июнь месяц дать два миллиона пудов хлеба Москве и Питеру.

Возбужденные митинги прокатились по заводам и окраинам. Рабочие поняли возложенную на них ответственность за судьбу всей страны — всюду были вынесены резолюции, поддерживающие общереспубликанскую задачу. И когда эта ответственность была вещественно выражена в немедленном прекращении свободной продажи хлеба и переходе на хлебную карточку с полупунтом на пай, рабочие ответили: согласны...

IV

На рассвете Сталин поехал в арсенал. Спустился в подвал и внимательно ходил по проходам между сосновых ящиков и пирамид из ручных гранат. Строгий старичок, хранитель арсенала, не мог дать точных сведений — сколько здесь оружия: оно свозилось сюда из разных мест без учета и, по всей видимости, было ломаное, ржавое, негодное.

Из арсенала Сталин поехал на оружейный и машиностроительный завод. Обошел цеха и, когда рабочие, узнав его, собрались на заводском дворе, поднялся на грузовик и сказал:

— Товарищи, республика в опасности... Мы должны переходить в решительное наступление. Долг каждого из нас удешевить свои силы и победить. Ни один человек не должен оставаться равнодушным... Сочувствия мало... Нужно поголовно, от мала до велика, взяться за оружие. Нужно работать так, чтобы у твоего станка стояла заряженная винтовка. Пролетариат должен быть весь мобилизован и вооружен. Но, чтобы мы были вооружены, нужно это оружие приготовить. Нам нужны бронепоезда, броневики и пушки. Только что я видел в арсенале тысячи сломанных и заржавленных винтовок, их нужно как можно скорее починить...

— Дашь наступление, товарищ Сталин, — ответили ему рабочие.

Солнце без пощады жгло черное пространство, прочерченное стальными линиями. Худые пальцы машинистки летали по клавиатуре. Сталин продолжал диктовать:

«...Нужно со всей остротой поставить вопрос о смене всего военного руководства... Обилие штабов (четыре штаба) превращает фронт в кашу. Общее состояние фронта — отрядная неразбериха. Назначенные сюда военные специалисты (сапожники) работают с непонятной вялостью и халатностью.

Без экстренных и решительных мер нечего и думать об охране железнодорожной линии и о бесперебойной отправке продовольственных грузов...»

Вошел комендант, будто высушенный на огне человек — молча положил на стол телеграмму. Она была от очередного маршрутного поезда, везущего в Москву двадцать пять вагонов хлеба и три вагона сушеной рыбы.

«...В два часа ночи на разъезде у станции Филоново наш поезд сошел с рельсов ввиду того, что казаками были подложены пироксилиновые шашки. Тут же открылась стрельба со стороны казаков по поезду. Но благодаря нашим пулеметам казаки были отогнаны и частью перебиты. Здесь мы простояли целый день и в ночь отправились дальше. На тринадцатой версте за станцией были задержаны, потому что казаки опять наступали. Бой длился до семи вечера. После этого отправились дальше. На разъезде, не доезжая Поворина, оказался разобран путь на протяжении трех верст. Казаки со всех сторон окружили разъезд и наш поезд. Бой шел с часу ночи до одиннадцати утра. Здесь мы простояли четверо суток и починили путь. После чего направились дальше. У нас двое убитых, семь раненых легко. Надеемся благополучно донести груз до Москвы...»

Сталин по телефону вызвал коменданта. Комендант молча появился в дверях.

— Сколько вы отправили сегодня маршрутных?

— Три поезда с зерном.

— Сколько еще можете отправить?

— До полуночи еще три.

— Нужно усилить охрану. Прицепляйте к каждому поезду платформу со шпалами и рельсами.

Комендант неслышно скрылся.

Сталин отпустил машинистку и сел писать письма. Его заботили дела на Кавказе и в Средней Азии. Он писал Степану Шаумяну:

«...Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренних дел России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией...»

«...Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку...»

Сталин созвал у себя военное совещание. Нужно было сделать еще шаг в сторону организации армии: уничтожить четыре царицынских штаба и на место их поставить единый Военный совет. О таком решении Сталин телеграфировал в Москву, наметив пятерых членов Военного совета: себя, Москалева, Ворошилова, политического комиссара штаба и Тритовского, военного специалиста, — умного, знающего и скромного человека из бывших армейцев.

Высший военный совет уперся и после нескольких дней молчания ответил, что согласен на создание в Царицыне Военного совета, но считает, что он должен состоять только из трех человек: Сталина, Москалева и военного специалиста Ковалевского.

Такое решение было прямым предательством со стороны Троцкого. Тогда Сталин, не споря и не опровергая, сделал еще один организационный шаг: приказал начальнику Чрезвычайной комиссии арестовать и допросить Носовича, Ковалевского, Чебышева и весь их штаб. Это было уже в дни, когда мамонтовские батареи опоясали фронт ураганным огнем, и казачьи полки, великолепно одетые в берлинское черное сукно, тучами нависли над окопами.

Ковалевский, Чебышев, Сухотин, Лохматов и Кремнев, — несколькими часами позже — инженер Алексеев с обоими сыновьями — были арестованы, допрошены и после их признаний расстреляны.

Генерала Носовича спас Троцкий, освободив его из-под ареста и направив его в Балашов. Там Носович вредил еще месяца два. Вскоре, опасаясь нового ареста, он перешел фронт Добровольческой армии и представил Деникину свои объяснения.

Третьим членом Военного совета вместо Ковалевского был назначен Ворошилов.

Мамонтов сосредоточивал главные силы непосредственно против Царицына и наносил сквозной удар по магистрали, по которой месяц тому назад пробивались эшелоны Ворошилова.

К концу второй недели боев Коммунистическая и Морозовско-донецкая дивизии начали выматываться, — резервов не хватало. Снаряды и патроны, привезенные эшелонами Ворошилова, подходили к концу. Высший военный совет в ответ на самые срочные требования прислать оружие и огневое снаряжение ответил, наконец, что оружие и огнеприпасы могут быть присланы из Москвы лишь при условии, если в за-

явках будут указаны точные цифры количества бойцов, которым нужно оружие, наличие военного имущества в Царицыне и суммы, в рублях, ранее произведенных расходов.

Сталин послал в Москву Пархоменко, чтобы вырвать у Высшего военного совета оружие и огнеприпасы, немедленно привезти в Царицын.

Станицу Нижнечирскую пришлось оставить. Красные отступили на левый берег Дона. Мост был отдан врагу. Калач оставлен. В Царицын день и ночь подходили поезда, набитые ранеными. Под Кривой Музгой лучшие полки Комдивизии потеряли больше половины состава. Лукаш был тяжело ранен. Обливающаяся кровью, измученная Красная армия опиралась теперь только на бронепоезда, — ураганным огнем они отбрасывали наседающие огромные резервы мамонтовцев, но не хватало снарядов. Бешеными конными атаками враг неудержимо рвался к городу.

От грохота орудий в Царицыне дребезжали стекла. Все население торопливо копало на окраинах последнюю линию укреплений. Сталин был в окопах. Туда ему принесли телеграмму с требованием немедленно образовать Революционный совет Южного фронта на основании полного невмешательства комиссаров в оперативные дела, штаб поместить в Козлове.¹

В тот же час в домишке на окраине города собрался Военный совет, и Ленину и в Центральный комитет была послана телеграмма:

«Известен ли Высшему военному совету вышеуказанный приказ Троцкого? Телеграфный приказ Троцкого угрожает развалом всему фронту и гибелью всему революционному делу на юге и не может быть выполнен Военным советом Южного фронта».

Сталин не выходил из окопов, руководя оттуда посылкой резервов, подвозом огнеприпасов, отправкой нового бронепоезда, вооруженного только что отлитыми тяжелыми пушками. В окопы спрыгнул Ворошилов, он вернулся на броневике с передовой линии, был весь в грязи, в машинном масле. Он молча глядел на Сталина, — губы у него тряслись.

— Убит Коля Руднев, — сказал он и с минуту стоял молча. — Патронов нет... Отбиваемся одними штыками... Потери большие... Ну, иду в цепь...

Вылез он из окопа. Сел в броневик (приехавший за новыми пулеметными дисками), умчался.

¹ Козлов — четыреста верст севернее Царицына.

Когда мамонтовцам уже казалось, что они еще одним последним усилием ворвутся в город, против них выступил сформированный на рабочих окраинах свежий Новоникольский полк. Сталин сказал им несколько слов, и они пошли без выстрела. Двигавшийся впереди них бронепоезд огнем шквалом расчищал путь. Новоникольцы дошли до окопов врага и бросились в штыки. Мамонтовская пехота, не ожидавшая удара свежих частей, дрогнула и побежала. Ее встретили свои же казачьи сотни, кинувшиеся рубить бегущих. Но и эти сотни были сметены огнем бронепоезда и батарей, стоявших под городом. Усилие, с которым белые рвались к городу, сломилось, как это часто бывает, о неожиданно введенную против них новую силу. Белые, как обожженные, отскочили от Царицына. Мамонтов послал резервы. На них с фланга бешено ударил Громославский полк. Белые начали откатываться за Кривую Музгу. Тогда на них напустилась морозовская кавалерия и сбросила в Дон все ядро еще утром, казалось, победоносной, к вечеру — разгромленной мамонтовской армии.

«Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом... Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается. Нарком Сталин».

★

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

МЫ ЛЮБИМ

Мы любим
Родину нашу,
Советскую страну.

Где строится социализм —
Родина наша.
Наша родина —
Страна Сталина.
Мы любим

Своего Сталина —
Жизнь нашего народа.

Где строится социализм —
Родина наша.
Наша родина —
Страна Сталина.
Мы любим

Богатство страны,
Героическую родину нашу.

Где строится социализм —
Родина наша.
Наша родина —
Страна Сталина.
Мы любим

Золотых питомцев
Сталинской эпохи.

Где строится социализм —
Родина наша.
Наша родина —
Страна Сталина.

Ленинград, 1937 г.

★

Н. САХАРОВ

НАШ СТАЛИН¹

Эвенки в тайге
О вожде нашем Сталине поют.
Руководителя ленинской партии
Старики и старухи увидеть хотят.
Под его руководством эвенки
К хорошей жизни пришли.
В ернике и заросших чащах
Наши колхозы строятся.

Великий Сталин в Москве
О жизни народа думает.
Ежедневно своим народом
Наш Сталин руководит.
В Кремле каменном работает
Вождь великого народа.
Жизнь всех народов
Он видит, он слышит.

По пути нашего Сталина
К светлой жизни мы идем.
Слова великого Сталина.
Высоко понесем.

★

¹ Написано при участии Кириллова.

СМОЛЬНЫЙ

(Рассказ)

I

В ноябре семнадцатого года в комендантскую Смольного пришел бородатый, в зипуне и валенках, крестьянин. На вопрос коменданта: «Что надо?» — просто ответил:

— К начальнику.

— Какие тут тебе начальники? Говори толком!

— К председателю мне.

— Да тебе что нужно, отец? Ты из деревни?

— Мы из деревни. Псковские мы.

— Ну, и что же?

— Пришли мы, значит, — это я, видишь ли, — поговорить с Лениным. Проведи к нему, служивый!

Комендант засмеялся:

— А тебе зачем к Ленину?

— Фу ты, какие у вас тут строгости! Куда, зачем, на что! Не проводишь?

— Нет, отец, не провожу! Ленину не до тебя, некогда ему. Ты мне скажи, какое у тебя дело? Мы, может быть, и без Ленина решим. Садись!

Крестьянин сел. Комендант угостил его папироской, предложил чаю. Шел восьмой час вечера, комендантская отдыхала. Крестьянин жадно потянул настоящий на бруснике кипяток, оглядел стены и запальчиво буркнул:

— Без богов живете!

Комендант улыбнулся, крестьянин озлился:

— А зубы не скаль! Я шестьдесят девять лет с богом жил.

— Ну и что же, счастлив был?

— Всего было. А не смеялся!

— Ну, ясно, какой тут смех, впору плакать было! Верно?

— Оно верно. Только как же это так: то с богом, а то просто так, с голыми стенками? Пусть Ленин объяснит. Проводи, служивый!

— Ну, и смешной же ты, отец! К Ленину с такими пустьками! Чепуха!

— Значит, не проводишь?

— Ни за что.

— А ежели просто так, посмотреть? Тогда можно?

— Тоже нельзя.

— А ежели я поблагодарить его желаю, спасибо сказать? Глаза раскрыл!

— Не одному тебе раскрыл, у меня они тоже хорошо смотрят. Поживи в городе — и увидишь Ленина!

— Да не могу я, служивый, прожиться! У меня баба в тифу лежит. Помещика мы на-днях жгли. Наташка с богомолья вернулась, говорит нам, что бог все-таки есть. Надо бы Ленина повидать. Он скажет, — я поверю.

— Глупости, отец! И мне нет времени с тобой разговаривать. Поди-ка ты вон туда, по коридору, поешь супу да каши, потом спать ложись.

— А куда я лягу?

— Ко мне придешь, я тебе записку в общежитие дам. Завтра домой поедешь. Нехорошо больную жену одну оставлять.

— Оно нехорошо. Дай курнуть!

— Кури! Старый, а такой чудак! За богом приехал! Мы теперь без богов работать будем. Хозяйство у тебя какое?

— Изба у меня, собака, курица бегаёт. Барская пчелка залетает. Корова была. Тараканы есть. Тут, в городе, сестра живет.

Крестьянин выпил еще стакан чаю. В комендантской звонил телефон, затрещал звонок на стене. Комендант вскочил:

— Посиди, я сейчас! — бросил он крестьянину и выбежал в коридор.

По лестнице спускался Ленин. Он был одет по-зимнему, руки глубоко засунуты в карманы пальто, на губах играла довольная улыбка хорошо поработавшего человека. Ленин шел молодо и быстро, за ним едва поспевали Луначарский и Урицкий. Ленин остановился, поднял голову и громко произнес:

— Анатолий Васильевич! Поторапливайтесь! Товарищ Урицкий!

Быстро сбежал с площадки второго этажа низенький, широкоплечий Урицкий и, оправляя находку пенсне в черной роговой оправе, смущенно пошел следом за Лениным. Комендант встал около дверей, приложил руку к козырьку, поздоровался. Ленин задержался, пристально взглянул в глаза коменданта, весело улыбнулся и громко сказал:

— Добрый вечер, товарищ комендант! Ну, как девочка? Поправилась?

Комендант смутился, сделал серьезное лицо и, шаря взглядом по коридору, не глядя на Ленина, ответил:

— Это не у меня. Это вы, наверное, про девочку сторожа?

— Ну, да, про девочку сторожа, конечно!

— Умерла, товарищ Ленин.

Мигнул красногвардейцу, сам отошел на шаг в сторону, и вытянутой правой рукой задержал какого-то человека в кепке. Человек нес чайник и кусок хлеба. Он прижался к стене и, не дыша и не моргая, смотрел на председателя Совета народных комиссаров.

— Умерла, говорите? Вот ведь... — словно бы себе самому, неясным шопотом произнес Ленин и боком пошел к дверям, выходящим в вестибюль. Комендант выбежал из здания, что-то крикнул. Подъехал автомобиль, шофер раскрыл дверцу. Первым вошел Ленин, за ним его помощники. Комендант долго глядел вслед автомобилю, потом, вспомнив о чем-то, побежал к себе. Крестьянин сидел, пил кипяток и наблюдал, как огромный, усатый красногвардеец чистил ржавый наган.

— Ну, где был? — спросил крестьянин коменданта.

— А ты все сидишь? Вот что, отец, иди-ка ты в столовую, а потом спать ложись!

— Спасибо! А Ленина повидать надо. Непустишь?

Комендант молча писал записку в продовольственный отдел с просьбой выдать талон на обед приезжему товарищу. Писал комендант с трудом, пальцы привыкли больше к винтовке и револьверу, чем к ручке с пером.

— Вот! — сказал он, подавая бумажку крестьянину. — Иди в семнадцатую комнату, там тебе все сделают!

— Золотой ты человек! — от всей души сказал крестьянин. — В следующий раз я Наташку привезу. Пусть и она в хоробах у Ленина побудет. Наташка — не я, Наташка достучается до Ленина.

— Какая Наташка?

— Бабка одна. Надо думать, председателем у нас она делается. Нужная баба, вывески читает. Хлеба мне дадут? Ну, извини!

Крестьянин еще раз обыскал взглядом все четыре угла комендантской и, протягивая руку золотому человеку, стремительно произнес:

— Коли так, работай с богом!

II

Ленин заработался до глубокой ночи. Чутьочку ломило виски, хотелось пить, но графин был пуст. Посылать за водой или чаем Ленину не хотелось, и он, махнув рукой, снова присел к столу.

За окнами огромного, полутемного Смольного металась вьюга, ветер с моря рвал голые сучья деревьев, играл с оторвавшимся листом железа на крыше. Ленин писал, прислушивался, улыбался и кому-то лукаво подмигивал. Глаза у Ленина были большие, и всегда горел в них золотой, добрый огонек.

В Смольном разучились спать. Сердца и помыслы всех работавших в этом старинном, огромном доме невольно и вольно обращались к Ленину. Сердца и помыслы рабочих в городах необъятной России и солдат на фронте невольно и вольно обращались к Ленину. У большого дела был большой, умный мозг.

Не спал комендант Смольного, дежурил у телефона его помощник, не спала Красная гвардия, не спал часовой у входа. Ленин сидел и писал. Управляющий делами Совета народных комиссаров диктовал секретарю, в городе меркло и погасало электричество, на одну минуту оно погасло и в Смольном.

Ленин встал, протер глаза, широко зевнул и сию же минуту снова сел к столу. Рука нащупала перо, бумагу. Припомнились Женева и маленькая операционная комната в больнице. Отнимали ногу фермеру, неожиданно погас свет, хирург растерялся, операция задержалась. «Могло окончиться смертью», говорил хирург, но все обошлось благополучно.

И вот сейчас, в минутной тьме, когда загрохотали по коридору чьи-то шаги и где-то близко послышался раздраженный разговор, Ленин представил петроградскую советскую больницу, операционную, в ней хирурга над вскрытыми внутренностями какого-нибудь рабочего, матроса или крестьянина.

«Есть ли у них там запасные лампы?» — подумал Ленин.

И записал на бумажке, лежавшей сбоку: «Больницы, инструменты». И поперек листа написал крупно и четко: «Питание ученых». Подчеркнул эти два слова, откинулся на спинку стула, нажал кнопку звонка.

III

Автомобиль трясло, отвратительно пахло бензином, у Ленина чутьочку болела голова. Он уставал, недосыпал, порой

не было времени пообедать, но работы предстояло много. «Каждая пядь земли — работа», — думал Ленин. «Каждая минута — работа», — едва ли не вслух выговорил он свои думы.

Ленин сидел, чуть наклонясь вперед, наморщив лоб и улыбаясь: все, видевшие Ленина, отмечали это внешнее свойство его — не сходящую с черт лица улыбочку в том случае, когда он разговаривал с рабочими, и лукавую, ироническую усмешку, когда ему приходилось неистово спорить с меньшевиками. Но всегда, во все минуты работы, короткого дыхания и досуга излучали глаза Ленина свет и тепло.

В городе было по-осеннему ненастно и сыро, дома облезли, небеса унылы. Автомобиль трясло. На одной из выбоин на неширокой грязной улице автомобиль тяжело накрепился набок, но под умелой рукой бережного водителя легко выправился и неторопливо, без толчков, помчался серединой дороги. Ленин схватился рукой за косяк дверцы и весело улыбнулся. Он улыбнулся мечтам своим, он видел будущее города, страны, мира. Он прикрыл глаза рукой, и воображение его нарядило город в асфальт и брусчатку, по всем направлениям революционного центра понеслись автобусы, троллейбусы, велосипеды, рабочие районы выросли и стали каменными, по матовому паркету асфальта бежали дети, шли рабочие и работницы, у библиотек стояли очереди. Ленин взглянул на усеянное дождевыми каплями окно автомобиля. Длинный хвост истощенных, полуголодных людей тянулся от дверей магазина, доходил до угла, сворачивал на другую улицу и где-то терялся. Улыбка сошла с лица Ленина. Он удобнее устроился на жестком кожаном сиденье, высоко поднял голову, но в мыслях опять и опять замелькали нарядные, сытые рабочие районы, многоэтажные библиотеки. Ленин вздохнул, секретарю, спутнику своему, сказал:

— Напомните мне: надо переговорить с Горьким! Запишите!

Над автомобилем завился снежок, он был перемешан с дождем, ветер гудел не переставая. Спутник выжидательно глядел на Ленина. Когда миновали Николаевский вокзал, откуда-то донеслось длинное, тягучее завывание заводского гудка. Тоненько и поспешно ответил ему другой. Ленин прислушался, дыхание затаил. Гудки разом смолкли.

— Сегодняшняя газета с вами? — спросил Ленин.

Секретарь протянул ему меченную красным и синим карандашами газету. Ленин ушел в чтение.

Все в этой газете было наполнено Лениным, шло от Ле-

нина — его дело начато было давно и сегодня продолжалось в конкретном боевом действии на огромном участке. Вот имена Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского — золотые голубы, большие сердца!

Передовица, внутренняя хроника, телеграммы со всех концов мира, петроградские новости, партийная жизнь, — во все вклинивалось дело Ленина. Длинный перечень партийных, общественных и профсоюзных собраний, заседаний, митингов Ленин прочел внимательно, покачивая головой: так, хорошо, отлично, дело, правильно.

— Приехали, — сказал секретарь Ленина. Ленин аккуратно сложил газету, сунул ее в карман пальто, но сию же секунду вынул ее и, развернув, протянул своему спутнику.

— Хватает ли газет на заводах и в воинских частях? — спросил он, выходя из автомобиля. Секретарь хотел было ответить, но выпала из рук его газета, он нагнулся за нею. Газета, подкинутая ветром, шурша и горбясь, отлетела в сторону, под ноги бородатому человеку в тулупе и бараньей шапке. Человек этот схватил газету и протянул ее Ленину.

— Владимир Ильич! — крикнул он, задыхаясь от радости, счастья, восторга. — Товарищ Ленин! Газетинку обрости!

Ленин улыбнулся, взял газету, на мгновение задержался взглядом на человеке в бараньей шапке. «Где-то я видел его! — подумал Ленин. — И совсем недавно, тут в Смольном». И вслух произнес, задерживаясь в дверях:

— Спасибо, товарищ!

Человек в тулупе, бородатый, краснолицый, остроглазый, снял баранью шапку свою, протянул руки в сторону Ленина, словно удерживая его, крикнул и вдумчиво, строго и негромко произнес:

— Спасибо, Владимир Ильич! А ежели жизнь моя понадобится — бери! Спасибо! Больше нету слов моих!

Ленин пристально взгляделся в лицо говорящего человека, протянул ему руку.

... Долго стоял под аркой Смольного бородач в тулупе и валенках, долго смотрел на свою грубую, заскорузлую ладонь, на свои короткие, толстые пальцы, долго о чем-то соображал, что-то примеривал, о чем-то вздыхал — вспоминал, может быть, что-то. К нему подошел мальчуган в кепке и пальто с чужого плеча, взял под козырек, спросил:

— По какому делу стоишь?

И, не получив ответа, заметил:

— Стоять тут без дела нечего! Иди-ка, папаша, туда или сюда!

Человек в бараньей шапке усмехнулся, мигнул парнишке левым глазом, незлобиво спросил:

— А какая твоя, например, фамилия?

— Фамилия? — не без гордости приосанился мальчуган. — Фамилия моя, например, Нарумов. А что?

— Запомню! — ласково, любовно сказал человек в бараньей шапке. — Хорошая фамилия! А зато запомни и мою: Горькушин, Иван Степанович, с-под Пскова. Авось пригодится друг другу! Будь здоров, товарищ Нарумов!

И, уже спускаясь от главного входа по ступенькам вниз, к воротам, обернулся и кивнул вслед уходившему пареньку:

— Жизни не жалея, Нарумов!

★

Н. ОСТРОВСКИЙ

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

(Отрывок из романа)

Ледяной стужей ознаменовал свое вступление в историю тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Рассвирепел январь на занесенную снегом страну и со второй половины завыл буранами и затяжной метелью.

На Юго-западных железных дорогах заносило снегом пути. Люди боролись с озверелой стихией. В снежные горы врезались стальные пропеллеры снегоочистителей, пробивая путь поездам. От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа, из двенадцати линий работало только три: Индо-европейский телеграф и две линии прямого провода.

В комнате телеграфа станции Шепетовка 1-я три аппарата Морзе не прекращают свой понятный лишь опытному уху неустанный разговор.

Телеграфистки молоды, длина ленты, отстуканной ими с первого дня службы, не превышает двадцати километров, в то время как старик, их коллега, уже начинал третью сотню километров. Он не читает, как они, ленты, не морщит лоб, складывая трудные буквы и фразы. Он выписывает на бланке слово за словом, прислушиваясь к стуку аппарата. Он принимает по слуху: «Все, всем, всем!»

Записывая, телеграфист думает: «Наверное, опять циркуляр о борьбе с заносами». За окном вьюга, ветер бросает

в стекло горсти снега. Телеграфисту почудилось, что кто-то постучал в окно, он повернул голову и невольно залюбовался красотой морозного рисунка на стеклах. Ни одна человеческая рука не смогла бы вырезать этой тончайшей гравюры из причудливых листьев и стеблей.

Отвлеченный этим зрелищем, он перестал слушать аппарат и, когда отвел взгляд от окна, взял на ладонь ленту, чтобы прочесть пропущенные слова.

Аппарат передавал:

«Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут...»

Телеграфист быстро записал прочитанное и, бросив ленту, оперев голову на руки, стал слушать.

«Вчера в Горках скончался...» Телеграфист медленно записывал. Сколько в своей жизни прослушал он радостных и трагических сообщений, первым узнавал чужое горе и счастье. Давно уже перестал вдумываться в смысл скупых, оборванных фраз, ловил их слухом и механически заносил на бумагу, не раздумывая над содержанием.

Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообщают об этом. Телеграфист забыл про заголовок: «Все, всем, всем». Аппарат стучал. «Владимир Ильич», переводил стуки молоточка в буквы старик-телеграфист. Он сидел спокойно, немного усталый. Где-то умер какой-то Владимир Ильич, кому-то он запишет сегодня трагические слова, кто-то зарыдает в отчаянии и горе, а для него все это чужое, он — посторонний свидетель. Аппарат стучит точки, тире, опять точки, опять тире, а он из знакомых звуков уже сложил первую букву и занес ее на бланк, — это было «Л». За ней он написал вторую — «Е», рядом с ней старательно вывел «Н», дважды подчеркнул перегородку между палочками, сейчас же присоединил к ней «И» и уже автоматически уловил последнюю — «Н».

Аппарат отстукивал паузу, и телеграфист на одну десятую секунды остановился взглядом на выписанном им слове: ЛЕНИН.

Аппарат продолжал стучать, но случайно наткнувшись на знакомое имя мысль вернулась опять к нему. Телеграфист еще раз посмотрел на последнее слово — «ЛЕНИН». Что? Ленин? Хрусталик глаза отразил в перспективе весь текст телеграммы. Несколько мгновений телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухлетнюю работу он не поверил записанному.

Он трижды бегло пробежал по строкам, но слова упрямо повторялись: «Скончался Владимир Ильич Ленин». Старик

вскочил на ноги, поднял спиральный виток ленты, впился в нее глазами. Двухметровая полоска подтвердила то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товаркам помертвелое лицо, и они услышали его испуганный вскрик:

— Ленин умер!

Весть о великой утрате выскользнула из аппаратной в распахнутую дверь и с быстротой вьюжного ветра заметалась по вокзалу, вырвалась в снежную бурю, закружила по путям и стрелкам и с ледяным сквозняком ворвалась в приоткрытую половину кованых железом деповских ворот.

В депо над первой ремонтной траншеей стоял паровоз, его лечила бригада легкого ремонта. Старик Полеятовский сам залез в траншею под брюхо своего паровоза и показывал слесарям больные места. Захар Брузжак выравнивал с Артемом вогнутые переплеты колосников. Он держал решетку на наковальне, подставляя ее под удары молота Артема.

Захар постарел за последние годы, пережитое оставило глубокую рытвину-складку на лбу, а виски посеребрила седина. Сутулилась спина, и в ушедших глубоко глазах стояли сумерки.

В светлом прорезе деповской двери промелькнул человек, и предвечерние тени проглотили его. Удары по железу заглушили первый крик, но, когда человек добежал к людям у паровоза, Артем, поднявший молот, не опустил его.

— Товарищи! Ленин умер!

Молот медленно скользнул с плеча, и рука Артема невзвучно опустила его на цементный пол.

— Ты что сказал? — Рука Артема сгребла клещами кожу полушубка на том, кто принес страшную весть.

А тот, засыпанный снегом, тяжело дыша, повторил уже глухо и надорванно:

— Да, товарищи, Ленин умер.

И оттого, что человек уже не кричал, Артем понял жуткую правду и тут разглядел лицо человека: это был секретарь партколлектива.

Из траншеи вылезли люди, молча слушали о смерти того, чье имя знал весь мир.

А у ворот, заставив всех вздрогнуть, заревел паровоз. Ему отозвался на краю вокзала другой, третий... В их мощный и напоенный тревогой призыв вошел гудок электростанции, высокий и пронзительный, как полет шрапнели. Чистым звоном меди перекрыл их быстроходный красавец «С» — паровоз готово к отходу на Киев пассажирского поезда.

Вздрогнул от неожиданности агент ГПУ, когда машинист

польского паровоза прямого сообщения Шепетовка—Варшава, узнав о причине тревожных гудков, с минуту прислушался, затем медленно поднял руку и потянул вниз цепочку, открывающую клапан гудка. Он знал, что гудит последний раз, что ему не служить больше на этой машине, но его рука не отрывалась от цепи, и рев его паровоза поднимал с мягких диванов купе перепуганных польских курьеров и дипломатов.

Депо наполняли люди. Они вливались во все ворота, и, когда большое здание было переполнено, в траурном молчании раздалась первая весть.

Говорил секретарь Шепетовского окружкома партии, старый большевик Шарабрин.

— Товарищи! Умер вождь мирового пролетариата Ленин. Партия понесла невозвратимую потерю, умер тот, кто создал и воспитал в непримиримости к врагам большевистскую партию... Смерть вождя партии и класса зовет лучших сынов пролетариата в наши ряды.

Звуки траурного марша, сотни обнаженных голов, и Артем, который за последние пятнадцать лет не плакал, почувствовал, как подобралась к горлу судорога, и могучие плечи дрогнули.

Казалось, стены железнодорожного клуба не выдержат напора человеческой массы. На дворе жестокий мороз, одеты снегом и ледяными иглами две разлапистые ели у входа, но в зале душно от жарко натопленной голландки и дыхания шестисот человек, пожелавших участвовать в траурном заседании партколлектива.

Не было в зале обычного шума, разговоров. Великая скорбь приглушила голоса, люди разговаривали тихо, и не в одной сотне глаз читалась скорбная тревога. Казалось, что здесь собрался экипаж судна, потерявший своего испытанного штурмана, унесенного шквалом в море.

Так же тихо заняли свои места за столом президиума члены бюро. Коренастый Сиротенко осторожно приподнял звонок, чуть звякнул им и снова опустил его на стол. Этого было достаточно, и постепенно гнетущая тишина воцарилась в зале.

Сейчас же после доклада из-за стола поднялся отсекр коллектива Сиротенко. То, что он сказал, никого не удивило, хотя было необычайно на траурном заседании. А Сиротенко сказал:

— Ряд рабочих просит заседание рассмотреть их заявление, подписанное тридцатью семью товарищами. — И он прочел заявление:

«В железнодорожный коллектив коммунистической партии большевиков станции Шепетовка, Юго-западной железной дороги.

Смерть вождя призвала нас в ряды большевиков, и мы просим проверить нас на сегодняшнем заседании и принять в партию Ленина».

Вслед за этими краткими словами стояли две колонны подписей. Сиротенко читал их, останавливаясь после каждой на несколько секунд, чтобы собранные в зале могли запомнить знакомые имена:

— Полентовский Станислав Зигмундович — паровозный машинист, тридцать шесть лет производственного стажа.

По залу пробежал гул одобрения.

— Корчагин Артем Андреевич — слесарь, семнадцать лет производственного стажа.

— Брузжак Захар Филиппович — паровозный машинист, двадцать один год производственного стажа.

Гул в зале нарастал, а человек у стола продолжал называть фамилии, и зал слушал имена кадровиков железно-мазутного племени. Совсем тихо стало в зале, когда к столу подошел первый поставивший свою подпись.

Старик Полентовский не мог не волноваться, рассказывая историю своей жизни.

— ... Что ж мне еще сказать, товарищи? Жизнь у рабочего человека в старое время была известно какая. Жил в кабале и пропадал нищим в старости. Что ж, признаюсь, когда революция настала, то считал я себя стариком. Семья на плечи давила, и проглядел я дорогу в партию. И хотя в драке никогда врагу не помогал, но и в бой ввязывался редко. В девятьсот пятом в варшавских мастерских был в забастовочном комитете и с большевиками заодно шел. Молодость была тогда и хватка горячая. Что старое вспоминать! Ударил меня Ильичева смерть по самому сердцу, потеряли мы навсегда своего друга и старателя, и нет у меня больше слов о старости!.. Пуцай кто покрасивее скажет, я не мастак на слово. Одно только подтверждаю: мне с большевиками по пути, и никак не иначе.

Седая голова машиниста упрямо качнулась, и взгляд изпод седых бровей твердо и немигающе устремлен в зал, от которого он как бы ждал решения.

Ни одна рука не поднялась дать отвод этому низенькому с седой головой человеку, и ни один не воздержался при голосовании, когда бюро просило беспартийных сказать свое слово.

От стола Полентовский уходил коммунистом.

Каждый в зале понимал, что сейчас происходит необычное. Там, где только что стоял машинист, уже громоздилась фигура Артема. Слесарь не знал, куда деть свои длинные руки, и сжимал ими ушастую шапку. Протертый на бортах овчинный полушубок распахнут, а ворот серой солдатской гимнастерки, аккуратно застегнутый на две медные пуговицы, делает фигуру слесаря празднично опрятной. Артем повернул лицо к залу и мельком уловил знакомое женское лицо: среди своих из пошивочной мастерской сидела Галина, дочка каменотеса. Она улыбнулась ему прощающе, в ее улыбке было одобрение и еще что-то недосказанное, скрытое в уголках губ.

— Расскажи свою биографию, Артем! — услышал слесарь голос Сиротенко.

Трудно начинал свою повесть Корчагин-старший, не привык говорить на большом собрании. Только теперь почувствовал, что не передать ему всего накопленного жизнью. Тяжело складывались слова, да еще волнение мешало говорить. Никогда не испытывал он чего-либо подобного. Он отчетливо создавал, что жизнь его пошла на крутой перелом, что он — Артем — делает сейчас последний шаг к тому, что согреет и осмыслит его заскорузло-суровое существование.

— Было нас у матери четверо, — начал Артем.

В зале тихо. Шестьсот внимательно слушают высокого мастерового с орлиным носом и глазами, спрятанными под черной бахромой бровей.

— Мать кухарила по господам. Отца мало помню, неполадки у него с матерью были. Заливал он в горло больше чем следует. Жили мы с матерью. Невмоготу ей было столько ртов выкормить. Платили ей господа в месяц четыре целковых с харчами, и гнула она горб от зари до ночи. Посчастливилось мне две зимы ходить в начальную школу, научили меня читать и писать, а как мне десятый год подошел, не стало у матери иного спасения, как отвезти меня в слесарную мастерскую шкетом на выучку. Без жалованья, на три года — за одни харчи... Хозяин мастерской был немец, по фамилии Ферстер. Не хотел он было меня брать по малости, но хлопец я был здоровый, и мать мне два года прибавила. Был я у этого немца три года. Ремеслу меня не учили, а гоняли по хозяйским делам да за водкой. Пил он намертвую... Гонял и за углем, и за железом... Заделала меня хозяйка своим холуем: таскал я у нее горшки и чистил картошку. Каждый норовил пнуть ногой, часто совсем без причины — так уж, по привычке: не потрафлю хозяйке чем, — она из-за пьянки мужа на всех злая была, — хлестнет меня раз-другой по морде.

Вырвешься от нее на улицу, а куда пойдешь, кому пожалуешься? Мать за сорок верст, да и у ней приюту нет... В мастерской не лучше. Заправлял там всем брат хозяйский. Любил этот гад надо мной шутки строить. «Поддай, — говорит, — мне вон ту шайбу» — и покажет на землю в угол, где кузнечный горн. Я туда, хватя шайбу рукой, а он ее только что отковал, из горна вынул. На земле она лежит черная, ахватишь — сожжешь пальцы до мяса. Кричишь от боли, а он ржет, заливаясь. Невмоготу мне стало от этой молотилки, сбежал я к матери. А той девать меня некуда. Привезла она меня к немцу обратно, везла и плакала. На третий год стали мне кое-что показывать по слесарному, а мордобитие продолжали. Убег я опять, подался в Староконстантинов. В этом городе нанялся в колбасную мастерскую и отсобачил там, кишки моючи, полтора с лишним года. Проиграл наш хозяин свое заведение, не заплатил нам за четыре месяца ни гроша и смылся куда-то. Так я из этой трущобы выбрался. Сел на поезд, в Жмеринке вылез и пошел работу искать. Спасибо одному деповскому, посочувствовал он моему положению. Разузнал, что я кое-что по слесарному кумекаю, взялся за меня, как за племянника, по начальству ходатайствовать. По росту дали мне семнадцать лет, и стал я подручным слесарем. Там я девять лет работал. Вот оно насчет жизни прежней, а про здешнее вы все знаете.

Артем провел шапкой по лбу и глубоко вздохнул. Надо было сказать еще самое главное, самое для него тяжелое, не дожидаясь чьего-либо вопроса. И, вплотную сдвинув густые брови, он продолжал свою повесть:

— Каждый может меня спросить: почему я не в большевиках еще с той поры, когда огонь загорелся? Что ж мне на это сказать? Ведь мне до старости еще далеко, а вот только нонче нашел сюда дорогу. Что ж я тут скрывать буду? Проглядели мы эту дорогу, нам еще в восемнадцатом, когда против немца бастовали, начинать надо было. Жухрай, матрос, с нами не раз разговаривал. Только в двадцатом взялся я за винтовку. Кончилась заваруха, поскидали белых в Черное море, повернулись мы обратно. Тут семья, дети... Завалился я в домашность. Но когда погиб наш товарищ Ленин и партия бросила клич, посмотрел я на свою жизнь и разобрался, чего в ней нехватает. Мало свою власть защищать, надо всей семьей заместо Ленина, чтобы власть советская, как гора железная, стояла. Должны мы большевиками стать — партия наша ведь?

Просто, но с глубокой искренностью, смущаясь за не-

обычный слог своей речи, закончил слесарь и будто снял с плеч тяжесть, выпрямился во весь рост и ждал вопросов.

— Может, кто желает спросить о чем-нибудь? — нарушил тишину Сиротенко.

Людские ряды зашевелились, но из зала ответили не сразу. Черный, как жук, кочегар, явившийся на собрание прямо с паровоза, бросил решительно:

— О чем его спрашивать? Разве мы его не знаем? Дать ему путевку, и все тут!

Коренастый, красный от жары и напряжения кузнец Гилыка прохрипел простуженно:

— Такой под откос не слезет, товарищ будет крепкий. Голосуй, Сиротенко!

В задних рядах, где сидели комсомольцы, поднялся один невидный в полутьме и спросил:

— Пусть товарищ Корчагин скажет, почему он на землю осел и не отрывает ли его крестьянство от пролетарской психологии.

В зале прошел легкий шум неодобрения, и чей-то голос запротестовал:

— Говори по-простому! Нашел, где звонарить...

Но Артем уже отвечал:

— Ничего, товарищ. Этот парень правильно говорит, что я на землю осел. Это верно, но от этого я рабочей совести не растерял. Кончилось это с нынешнего дня. Переселяюсь с семьей к депо поближе, здесь верней. А то мне от этой земли дышать трудно.

Еще раз дрогнуло сердце Артема, когда глядел на лес поднятых рук, и, уже не чувствуя тяжести своего тела, не сутуля спины, пошел к своему месту. Сзади услышал голос Сиротенко:

— Единогласно.

★

Н. САХАРОВ

ЛЕНИН С ЭВЕНКАМИ

Народы Севера
В чашах жили,
По горам, по впадинам
Промышляя зверей.

По рекам и в чаще леса
 Жили эвенки.
 О своей тяжелой жизни
 Они в песнях пели.

В Сталинской жизни
 По-новому зажили.
 Трудящиеся эвенки
 Теперь радостно живут.

Лучи Ленина
 Освещают наш путь,
 Лучи Ленина
 В наши чумы проходят.

На горах наших Ленин,
 По рекам — Ленин,
 На наших стойбищах — Ленин,
 С эвенками Ленин.

★

ГОСТЬ

В. П. Малафьева: Пора была крутая — война, недород, товаров никаких: на рубашонку — и то купить негде. Керосину привозить не стали, — хоть зажигай лучину. Кулаки, конечно, плели свое: дескать, антихристовы времена. Все-таки, у народа было такое чувство: ну, хоть нам теперь холодно, голодно да темно, а советская власть свое докажет. Кончится война — заживем. Не помню уж я, с чего началось, только все заторможились: давайте свой свет заведем. Сергей Курков стал деньги собирать. Кто верил, что свой свет завести можем, а кто и не верил. Кулаки — те зубоскалили. Все-таки мы своего достигли. Поставили в сарае машину, протянули через избы проволоку: теперь загорится, как в городе. Не помню уж я, от кого это пошло, только стали говорить: «Ленин к нам едет». «Да, батюшки, неужто Ленин!» Ведь это теперь понятие стало другое, а в те поры, так про него бабы думали, вроде он заместо царя. Которые верили, что он к нам прибудет, а которые смеялись: дескать, того он только и ждал, чтобы в Кашино ехать! Все-таки ждем. Сняли у Марьи Никитишны Кашкиной дом, обнарядили, и хотя пора крутая, но народ тащит кто курочку, кто яблоки, кто маслица... Я студень сготовила. Другие брагу сварили.

А. А. Ашмарин: Помню еще: наладили у двери вешалку, а к ней приставили мужика здорового — в швейцарах раньше

служил, — наказали, чтобы принял у Ленина шубу, шапку, как оно в городе заведено.

В. П. Малафьева: Все сготовили, все поставили, а его все нету да нету. Вдруг слышим: машина идет.

А. А. Ашмарин: Не вдруг. Мы на улице стояли. Слышим: в том конце деревни ребята зашумели. Это Ленин открыл у машины дверку, манит к себе ребят: «Где тут у вас электрическая станция?» А ребята: «Посади, мы тебе покажем». Набрал он в машину ребят, подъехали...

В. П. Малафьева: Вошла с ним Надежда Константиновна Крупская, а этот наш швейцар подходит и говорит: «Пожалуйте, товарищ Ленин». А он: «Нет, уж разрешите мне самому раздеться». Не позволил с себя шубы снимать, сам снял. Ну, все к нему с трепетом и волнением. Он так приветливо щурится, в каждого вглядывается, с каждым здоровается за ручку. Сели. И мужики все сели. Первым делом подносят ему кружку браги, как гостю дорогому, желанному. Взял он кружку, говорит: «Не хмельное ли?» — «Да нет, Владимир Ильич, хмелю не клали». Выпил, усы обтер: «Важно!» Студенька моего ему поднесли. «Велик, — говорит, — кусок-то». Ну, смотрят на него все, и каждый умиляется: «Батюшки, да какой он человеческий человек! Простой да обходительный, да на разговор такой охотный!»

А. А. Ашмарин: Про разговоры я скажу. Были разговоры про хлебную разверстку. Жаловались мужики: дескать, неизвестно, сколько потребуют с хозяйства хлеба. От неизвестности многие запашку уменьшают. Кабы известность была, лучше было бы. Товаров нет, спекулянты поразвелись, шкуру с человека норовят снять, — на это тоже жаловались. Были и такие, которые все улаживали: дескать, все идет хорошо, товарищ Ленин. А ему это отвратительно: нам, дескать, правду надо знать, а обману не надо. Которые напрямки говорили и про хорошее и про плохое, тех он слушал со всем вниманием. И пошла тут беседа от всей души. Про пахоту расспрашивал, про молотьбу, про мирские дела. Про трактора, про машины оповестил: дескать, к машинам придем. Обещал прислать трактор и молотилку. Тут стало темнеть, а из уезда приехал фотограф. Говорит: «Товарищ Ленин, скоро стемнеет, а у меня задание: обязательно снять народ вместе с вами».

Вывалили все на улицу. Ребятишек понабралось туча. И все — и старики, и парни, и ребятенки — тянутся сесть поближе к Ленину.

Снялись, пошли на митинг. Ребяшня окружила его, шумит, а он смеется:

— Ну как? Закону божьему вас теперь учат?

Ребята кричат:

— Теперь закона божьего нет. И бога, дяденька, нету! Это попы его выдумали, длинноволосые.

Ленин еще пуще смеется.

На митинге он говорил коротенько: война кончится, раны залечим и пойдем вперед. По-новому станем обрабатывать землю, по-новому строить жизнь. Самое главное, — чтобы крестьяне шли в ногу с рабочими, держали смычку, а это такая сила, союз рабочих и крестьян, что все победит и все как есть построит!

В. П. Малафьева: Все вперед знал. «Труд, — говорит, — облегчится». А разве не правда? Хоть лен взять. Ведь деревьяшками, бывало, махали. А теперь — вон они, какие машины пошли по колхозам!

А. А. Ашмарин: В скорости он прислал нам трактор и молотилку. Ну, не эстезе, конечно, и не челябу, а... фордзон. Других в то время не имелось. Пахать-то мы тем трактором пахали, но думали: «Нашим полям машина неподходящая. Тесно ей у нас, межники препятствуют».

Владимир-то Ильич, конечно, знал, что у нас задача с межниками выйдет. Дескать, трактор мысль у мужика подымет, и вся старая жизнь скovyрнется. Когда он пообещал нам прислать трактор, то сказал: «Пришлю и сам еще разок к вам приеду».

Ждали мы его.

А потом вот случилось, — получили под вечер известие: «Помер Владимир Ильич». Темно уж было. Стали друг за дружкой сходитья люди в общественную избу. Войдет, снимет шапку, поклонится:

— Неужто, мужики, правда?

В. П. Малафьева: Женщины сбилися в одну кучу. Которые не верят: «Может, неправда? Он же крепкий еще был». А чего уж неправда, когда Курков с газеткой пришел:

— Скончался. Прошу встать!

Хочет петь, а горло схватывает, и тут женщины заплакали все...

А. А. Ашмарин: Стали мы тут советоваться:

— Надо людей в Москву снарядить.

Постановили послать Сергея Куркова и Дмитрия Родионова.

Ушли они. А кулацкие подсумки и тут лезут со своей провокацией: «Ох да ох, как бы теперь советская власть не колтыхнулася». Ну, тут народ на них шибко очерился. «Врете,

гады паразитные! Не будет такой возможности, чтобы советская власть колтыхнулася. Ленин помер — верный человек ему заступит». Мы еще не знали тогда, как следует, товарища Сталина. Чуяли только, что обязательно есть такой человек.

В. П. Малафьева: Ну, и вышло без пережки, хотя памок в колеса совали много. Все-таки без пережки вышло, и пошло, и пошло! На колхозную дорогу вышли. Теперь у нас более ста тракторов, да молотилки, да трепалки, да мялки... Коров-то породистых завели... Ему тогда и показать-то нечего было, кроме электрического света. А теперь — куда там! Из народа и в летчики повыходили, и в инженеры, и в доктора. У меня пять внучат, и все учатся.

А. А. Ашмарин: Я про себя скажу, хоть шестьдесят лет имею. Дал я обязательство вырастить одиннадцать центнеров льна-волокна, тонну семян. В старое время смеялись бы надо мной: одурел человек! А я послал на анализ почву и получил рецепт: требуется вложить суперфосфата, фосфоритной муки, калийной соли, золы и селитры. Достал я все. Сеял не в один ряд, а крестом. Полку организовал. И больше дал, чем обещался. В старое время колдуном бы обозвали. А теперь и не дивится никто. Ленин да Сталин так нашу жизнь наладили, что колхозный человек всего достигает.

★

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

(Белорусская сказка)

Жили в деревне два брата. Поле пахали, землю слезами поливали, горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них паны забирали, а платили за это кулаками в спину.

Маялись братья не год и не два, а неизвестно сколько. И другие мужики вокруг жили не лучше братьев.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке искать правду. Идут месяц, идут год. Видят: стоит большое село. Посреди села — панский дом и рядом — церковь каменная.

«Дай, — думают братья, — зайдем сюда, спросим, где правда живет».

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спрашивает их пан.

Отвечают ему братья:

— Жили мы в нищете, в горе, больше сил нехватает так жить. Идем правду искать. Научи нас, пан, где ее найти.

— Хорошо, — говорит пан, — покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне год поработайте за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас, пан, как нам правду найти.

— Ну, вот вам и правда, — отвечает им пан, — голь вы немытая, работать вам всегда на нас, панов!

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут месяц, идут год. В село пришли. Поп идет навстречу.

Братья к нему:

— Научи, отец, где правду найти.

— Хорошо, — говорит поп, — я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня год за это поработайте.

Согласились братья. Работали они, работали: пашню попу пахали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте хорошо, бога не гневите, — вот ваша правда!

Плюнули братья, пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он, богатый, толстый, толще пана и попа.

— Хорошо, — говорит купец, — научу я вас, где правду найти, только поработайте вы год на меня.

Согласились братья. Стали они на купца работать, горбы наживать. Учил их купец, как честной народ обманывать, бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат и говорит:

— Не пойду я больше правду искать! Нет ее на свете — правды мужицкой!

И вернулся он в свою деревню. А старший брат настойчивый, — не хотел без правды домой возвращаться. Пошел один к фабриканту.

Фабрикант и пана, и попа, и купца богаче. Начал старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали. Раз услышал брат тихую беседу.

— Есть только один человек, который правду знает. Зовут этого человека Ленин, а живет он в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть и месяцев. Пришел в Питер. Видит: идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем за мной, я тебя доведу.

Вот пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек, — одет небогато, но чисто. Вышел и ласково говорит:

— Здравствуйте, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ними говорил Ленин о порядках на фабрике, о деревенской бедноте расспрашивал, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, что на фабрику пошел правду искать, — там скорее узнаешь, где она есть. Вы ее в руках своих держите.

И рассказал Ленин брату, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат на фабрику и начал товарищам ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает — десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре семнадцатого года объявилась эта правда, заговорила громким голосом, на весь мир загудела. Пошли рабочие и крестьяне войной на помещиков и фабрикантов. А повел их сам Ленин со своим лучшим помощником — Сталиным. И взяла верх ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне не работают больше на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, — сами хозяева своих фабрик, своей земли и жизни своей.

★

ГРИГОРИИ ЧИНКОВ

ВЫШЕ ВСЕХ, ГЛУБЖЕ ВСЕХ

Красное солнце
Выше гольцов высоких,
Синее небо
Выше гор высоких.

Зимние ветры
Сильнее летних,
Волны морские
Сильнее речных.

Выше всех
Товарищ Сталин.
Сильнее всех
Товарищ Сталин.

Гений его
Выше гор высоких.
Гений его
Светлее солнца.

Лучистое солнце
Днем светит,
Его же гений
Светит день и ночь,

Зеленая земля
К осени меняется,
Гений же его
Постоянно светит.

Речки текут
И воды их мелеют.
Его же гений
Усталости не знает.

У темного моря
Дно видно.
Сталинский же гений
Глубже моря.

У долгого пути
Виден конец.
Его же ум
Глубже всего.

Товарищ Сталин!
Никак не могу я найти
С чем сравнить
Твой гений,
Твой ум.

★

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВ

СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

В мощной стране
Нашу силу сплотив,
В счастливой колхозной жизни
Стали мы жить.

От мозолистых рук,
Из рабочих мы вышли.
Наш современный рабочий
Зажиточно живет.

В царской старой жизни
Прав мы не знали.
Сталинский закон
Нам право дал.

Царский закон
Эвенков закабалял,
Сталинский закон
Высоко эвенков поднял.

В Советской стране
Все мысли эвенков —
В социалистической жизни,
В Сталинском законе.

На Советской земле
Все нашим народам
Сталинский закон
Жизнь ясную принес.

Сталинский закон
Несет коммунизма победу.
Он старую, плохую жизнь
В болото затоптал.

★

Ленинград, 1938 г.

БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР

(Отрывок из романа)

...Утром четвертого февраля тысяча девятьсот тридцать первого года стало известно, что после полудня, перед закрытием конференции, выступит Сталин. Делегаты, давно уже ожидавшие его выступления, торопили работу в секциях, чтобы закончить ее к двенадцати часам. В перерыв зал заседаний и все остальные комнаты, замусоренные во время работы секций, убирались и проветривались.

Делегаты — те, которые надеялись выехать из Москвы еще сегодня с вечерними и ночными поездами, — частью разъехались по учреждениям заканчивать те или иные дела, частью закупали необходимое в дорогу и вообще чувствовали себя почти совсем в отъезде. Только огромное уважение к имени Сталина, привычка получать в его речах новые, чрезвычайно ясные и точные установки в работе связывали их еще с Москвой и конференцией. Во всем остальном они уже были вне Москвы, в своих объединениях и предприятиях, откуда в дни конференции приходили далеко не утешительные вести. Особенно тревожились работники угольной промышленности и строители. Начинался отлив рабочей силы, выработка падала, стояли жестокие морозы, план не выполнялся. Уже на второй и на третий день конференции они собрались уезжать. Но не уезжали и дожидались речи Сталина.

Сзади, за спинами президиума, послышался шум. Орджоникидзе, сидевший, несмотря на то, что в зале было тепло, в зимней шубе, наброшенной на плечи, привстал и оглянулся; его секретарь, в защитной гимнастерке, сказал ему что-то на ухо. Серго покраснел, глаза его округлились; он отдал какое-то распоряжение. Шум усиливался; в толпе, позади президиума, началось беспокойное движение.

Орджоникидзе повернулся к залу и высоким голосом крикнул:

— Сталин приехал!

Но об этом догадались по тому движению, которое происходило за столом президиума. В рядах зашумели, захлопали, некоторые вытягивали головы, чтобы разглядеть среди толпившихся в президиуме людей Сталина. Но его еще не было.

Шум и крики возрастали; встал весь президиум. Орджоникидзе, поддерживая локтями спадающую шубу, бешено

аплодировал. Все его лицо блестело, он влюбленно глядел, как сквозь расступавшуюся толпу несколько убыстренным, энергичным шагом прошел Сталин в обычном своем костюме. Вынув из кармана несколько исписанных листков, Сталин положил их перед собой на трибуну.

Крики, шум и грохот аплодисментов усилились, слились, звучали непрерывно, изредка прорывался чей-то голос: «...да здравствует вождь пар...» — и снова тонул в общем шуме.

Сталин стоял, заложив большой палец левой руки за борт френча, правую руку он опустил на поручень трибуны. Подождав некоторое время, он медленным и внимательным взглядом обвел хоры, партер, боковые ложи и, словно не желая терять больше времени, приподнял правую руку. Аплодисменты затихали. Президиум сел. Сели все.

— Товарищи! — сказал Сталин.

В зале пробежал шорох: сидящим позади не было слышно, некоторые еще торопливо усаживались. Когда все утихло, Сталин продолжал:

— Работы нашей конференции подходят к концу. Сейчас вы будете принимать резолюции. Не сомневаюсь, что они будут приняты единогласно. В этих резолюциях (он остановился и приподнял голову), — я их знаю немного, — вы одобряете контрольные цифры промышленности на тысяча девятьсот тридцать первый год и даете обязательство выполнить их.

Простое начало речи захватывало именно те вопросы, которые волновали и не могли не волновать делегатов. Сталин напомнил об обязательствах прошлого года, не полностью выполненных хозяйственниками, и задал вопрос: «...не повторится ли то же самое и в этом году?»

По излюбленной им методике речи он, задав этот вопрос, перечислил два основных условия для успешного выполнения контрольных цифр нового хозяйственного года. Наличие реальных возможностей — во-первых; желание и умение претворить эти возможности в жизнь — во-вторых.

Обосновывая наличие реальных, «объективных» возможностей для выполнения плана, он указал на природные богатства страны; власть, имеющую желание и силы использовать эти огромные природные богатства на пользу народа; поддержку этой власти многомиллионными массами рабочих и крестьян; наличие строя, свободного от неизлечимых болезней капитализма, дающего возможности быстрого продвижения вперед; наличие партии, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабо-

чего класса в одну точку, достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную революционную, большевистскую политику.

Пока он перечислял все это, как всегда неторопливо, отчетливыми и законченными фразами, аудитория настороженно следила за ним, не улавливая еще главной нити, на которую нанизывались эти формулы.

Каждый представлял себе конкретно все те условия, которые перечислял Сталин, у себя в области, в районе или на предприятии; каждый знал, что это именно так.

Казалось, на всех лицах было написано:

«Да, да, у нас огромные природные богатства, у нас лучшая власть, единственная партия, поддержка многомиллионных рабочих и крестьян... Да, да, все это так, но чего он хочет?»

Сталин говорил медленно и негромко. Жесты его были скупы. Изредка он подымал согнутую в локте правую руку до уровня плеча и опускал ее, сгибая кисть коротким движением, заканчивая, закрепляя мысль, как бы вколачивая ее этим жестом в сознание слушателей. Ставя вопросы, он отвечал на них, и самая повторяемость этого приема, ясное, четкое развитие мысли содействовали тому, что каждый мог повторить за ним его сложные обобщения, итог гигантской мыслительной работы.

— Есть ли у нас такая партия? — спрашивал он и смотрел прямо на аудиторию. — Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи.

И все знали, и все верили, и все были убеждены, также как и он: действительно, такая партия у нас есть и политика ее правильна, ибо она дает серьезные успехи.

Он говорил теперь о желании и умении претворить эти возможности в жизнь. Высмеивая тех, кто помпадурски руководит производством, не вникая в сущность дела, ограничивается одним подписыванием бумаг, Сталин при напряженном внимании зала задал вопрос, который не всякий из сидевших в зале осмелился бы обратиться к себе.

— Как могло случиться, — спрашивал он аудиторию, — что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?.. Как могло случиться, — спрашивал он далее, — что

вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты, — твердо ответил он, глядя, на зал.

И у каждого сидящего в зале и эти вопросы и этот взгляд отражались по-своему.

Панченко, облокотившись на свои пухлые, белые, выплывавшие из манжет руки, грустно думал, что вот он, действительно, не заметил у себя на заводе целой группы вредителей с главным инженером. Он долго не верил в их виновность, пока они сами не сознались и не указали, где и как они вредили. И он, Панченко, десять лет директорствовавший в Енакиеве, в Каменском, в Мариуполе, не видел, как у него под носом люди портили шихту, разрушали оборудование, тормозили выпуск.

«Кто виноват в этом?» — спрашивал его Сталин, и он, почти не слыша, что говорил Сталин дальше, мысленно признавался: он, Панченко, сам виноват, что передоверился людям, не занимаясь хозяйством...

Игнатов не занимался самоанализом. Он не видел Сталина, потому что сидел вполоборота к нему, чтобы лучше слышать. Когда Сталин говорил о старом, отжившем лозунге о невмешательстве в технику, о том, что лежало в основе объяснения такого пышного расцвета вредительства, о «руководстве» путем одного подписывания бумаг, всего этого он не принимал на свой счет. Он, Игнатов, всегда и повсюду, где бы он ни работал, во все вмешивался, вредителей у себя на стройке нашел сам, а бумаг он вообще терпеть не мог — ни подписанных, ни неподписанных. Но когда Сталин сказал: «Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты — толку не будет, единоначалия не будет», Игнатов почувствовал, что это относится прямо и непосредственно к нему и даже оглянулся по сторонам.

Сталин отошел немного от трибуны.

— Задача, стало быть, состоит в том, — говорил он, — чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено...

«Да, да, — думал Игнатов, — я не вник глубоко в дело, не знал толком ни техники поточного производства, ни экономики его, никогда не интересовался финансами. Да, да, я командовал, администрировал, во все вмешивался, писал резолюции, клялся, не спал ночами, мучил других и сам мучился—

и все просто, все объясняется просто: это было не то вмешательство, и не то командование, которое требовалось».

Игнатов, нашедший объяснения своему провалу в простом, ясном толковании Сталина, отходил от этих мыслей, снова возвращался к ним. Между тем Сталин, как бы закончив первый круг своих мыслей, остановился и отпил глоток воды.

— Иногда спрашивают, — сказал он, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! — ответил он, повысив голос. — Нельзя снижать темпы!

Видно было, что он и сам увлекся речью. Аудитория молчала. Она не перебивала его ни репликами, ни аплодисментами, ничем. Люди слушали и ждали еще, еще слов, раскрывающих то, что волновало, мучило, тяготило их. Им партия доверила самое важное дело — хозяйство страны, промышленность; с них партия спрашивала ответа за срывы планов, она же учила, как жить и работать дальше. И эта постоянная, глубокая и сильная связь между членом партии на любом участке работы и руководством партии казалась сейчас ощутимой и конкретной, как никогда.

— Задержат темпы, — говорил Сталин, — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! — сказал он и, снова отойдя назад, усмехнулся. — История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. — Остановившись, Сталин обвел взглядом, как и в начале своей речи, и хоры, и партер, и ложи. — Били монгольские ханы, — сказал он и коротко взмахнул рукой. — Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все, — сказал он, заключая мысль тем же коротким взмахом руки, — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную... — перечислял он. — Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...

Сталин видел, что аудитория, весь зал, все сидящие в нем люди захвачены ходом его мыслей, и он понимал, что все, что он говорит, проникает в самые глубины сознания.

— В прошлом у нас не было и не могло быть отечества, — говорил он. — Но теперь... у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли... — спросил он, и все, все сидевшие в зале почувствовали, что тут самая острая и центральная проблема всей политики партии, партии, к которой они принадлежали, интересы которой они ставили выше

всего, — чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно потеряло свою независимость? — Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет.

Селиверстов, много раз слышавший Сталина, привыкший к его складу речи и силе убеждения, тем не менее чувствовал себя взволнованным. Ему даже неловко стало за себя. «Что это я, как мальчишка, расчувствовался?» — подумал он. Но, оглянувшись, он увидел на всех лицах то же увлечение, которое бывает у людей, когда они, если им предложить немедленно встать в строй и отправиться на фронт, не заезжая домой, не прощаясь с семьями, встанут в строй и отправятся с сознанием, что только так и надо действовать и это единственно правильно.

Но от них требовали много большего. От них требовали осилить то, что было наиболее сложно и важно для страны, — овладеть хозяйством, знать технику, ликвидировать отсталость. И, заканчивая свои железные формулы, Сталин, обращаясь к залу, коротко суммировал:

— Мы отстали от передовых стран на пятьдесят — сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР...

Когда Сталин кончил, зал несколько секунд, словно оглушенный его речью, сидел молча. И уже когда его спина стала скрываться в толпе, окружавшей президиум, поднялся сначала медленный, потом все убыстряющийся и нарастающий вал аплодисментов и криков.

Людам казалось, что их раскрыли, очистили, дали им новый запас крови, мозга, энергии, бодрости и пустили их в ход. Они были благодарны искренно и глубоко: все, что тяготило их, находило выход, разрешение.

ЭКУН ДУКУВЧА

	Стр.
Предисловие. Переводичан Камбагир	5
А. Платонов. Ленин хоктолин	9
А. Платонов. Сталин	10
А. Толстой. Бурдук. Переводичатын Муктэ, П. Монахов	11
А. Платонов. Бу аявдерэв	41
Н. Сахаров. Митнги Сталинты	43
Л. Борисов. Смольный. Переводичан П. Архипов .	44
Н. Островский. Он уклат нюрэдечэн. Переводичан Н. Салаткин	55
Н. Сахаров. Ленин эвэнкилнун	68
Мата. Переводичан П. Архипов	69
Ленинды тэде. Переводичан П. Архипов	75
Г. Чинков. Упкатыядук гугдатмар-да, сунгат- мар-да	79
А. Платонов. Сталинги гугэр	81
Я. Ильин. Хэгды конвейер. Переводичатын Але- ксеев, Дедикова	83
Приложение. Русский текст	93

Редактор Я. Торганн.

Корректор С. Голдина.

Технический редактор Е. Женин.

Сдано в набор 10/II 1939 г. Подписано к печати 17/IV 1939 г. Бумага 60x2.
 Уч.-авт. л. 6,9. Печатных л. 9^{1/2}. Бумажн. л. 4^{1/2}. Тип. зн. в 1 бум. л. 101760.
 Ленинборлит № 2123. Инд. Н.—44—1. Изд. № 25. Тираж 4000 экз. Заказ № 417.
 Цена 2 руб. 50 коп., переплет 1 р. 50 к.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул., 1.